

Эта любовь смертельна,
разрушает наши вены, как

капля
КРАСИВОГО
ЯДА

книга вторая

t.me/darksoulbooks

КЕЛСИ КЛЕЙТОН

Говорят, что когда любовь горит слишком ярко, она обязательно перегорит, особенно та, что окутана тайнами и пропитана ложью.

После рискованного поступка и признания одни отношения накаляются, а другие висят на волоске. Когда все держится на зыбкой почве, мы находим необходимую стабильность, запутавшись друг в друге. Защита ослабевает, доверие восстанавливается, но всякая уязвимость сопряжена со слабостью. И предательство, обрушивающееся на нас, оказывается тем, чего мы никак не ожидали.

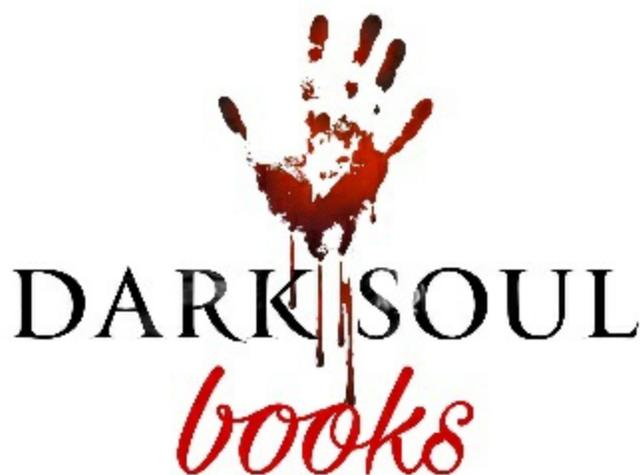
Мсть - опасная игра, особенно когда ее подпитывает ревность. Мы сделаем все возможное, чтобы защитить себя, даже если для этого придется обратиться за помощью к сомнительным источникам. За любую услугу приходится платить, а выбор, сделанный в отчаянии, имеет свойство приводить к обратному результату.

Когда мир рушится вокруг нас, верность подвергается испытанию. Ничто не может разрушить данные нами обещания, но есть тонкая грань между настойчивостью и токсичностью.

Кто-то должен был предупредить нас, что даже капля красивого яда будет распространяться до тех пор, пока не останутся лишь осколки и разбитые воспоминания.

Перевод тг-канала:
t.me/darksoulbooks

Лейжыны

Бывали ли у вас такие моменты, когда у вас перехватывает дыхание? Не просто задержка дыхания на две секунды. Я говорю о таких, которые буквально высасывают воздух из легких. О таких, когда нужно ухватиться за что-нибудь, чтобы удержаться в вертикальном положении.

Момент, меняющий жизнь, заставляющий почувствовать себя вступающим в совершенно новую главу своей жизни, которая уже никогда не будет такой, как прежде.

Это был мой.

В тот момент, когда я слышу, как его грузовик с ревом проносится по улице, я теряю концентрацию. Стою на своей подъездной дорожке, в разгаре разговора с мистером Циммерманом, и все мои мысли просто вылетают из головы. Все, на чем я могу сосредоточиться, все, что я вижу, - это Хейс, бесцеремонно бросающий свой грузовик на парковке и идущий к отдельному гаражу, как будто он собирается сделать что-то импульсивное. Что-то опасное.

— Что ты делаешь? — кричу я, чувствуя, что сейчас стану свидетелем кровавой бойни.

И когда он не отвечает, это ощущение усиливается. Как будто меня здесь и нет. Он не сводит глаз с места назначения и продолжает движение.

— Хейс! — кричу я, но по-прежнему ничего. — Черт. Хейс, остановись! Что ты делаешь?

Я пытаюсь догнать его, остановить, чтобы он не сделал того, что может угрожать его жизни, но не могу. Он проходит через дверной проем за секунду до того, как я врезаюсь в него, хватаясь за дверной косяк и с тревогой наблюдаю за тем, как он протягивает Кэму свой нож.

— Тебе это понадобится, — говорит Хейс с такой уверенностью, какой я от него никогда не слышала.

Кэм берет у него нож. — Что? Почему?

— Потому что я влюбляюсь в твою сестру.

Услышав эти слова из его уст, я выпустила весь воздух, который был у меня в легких. Никогда не думала, что он скажет ему об этом, да еще и даст ему оружие, с помощью которого он сможет его убить. Либо это самоубийственная миссия, либо он пытается поймать Кэма на блефе, когда тот сказал, что убьет любого из своих друзей за то, что тот прикоснется ко мне.

Все разворачивается перед моими глазами в замедленной съемке.

Кэм засовывает язык за щеку и сухо смеется, опуская нож. На секунду мне кажется, что я снова могу дышать. Кажется, даже Хейс чувствует облегчение, хотя и выглядит немного растерянным.

— Вау, — говорит Хейс. — Я думал, что ты точно собираешься—

Его слова обрываются, когда Кэм поворачивается и со всей силы наносит удар кулаком в лицо Хейса. Удар настолько мощный, что Хейса разворачивает и ударяет о стол.

— Кэм! — кричу я, делая шаг вперед, но Хейс останавливает меня.

— Не надо! — требует он. От его взгляда мои ноги приклеиваются к полу. — Все в порядке. Я заслужил это.

Кэм насмехается, трясая рукой. — Ты чертовски прав! Моя гребаная сестра? Тебя хочет полгорода, а тебе нужна моя сестра?

Хейс проводит рукой по лицу, разминая челюсть. — Ты думаешь, я это планировал? Я несколько недель пытался держаться—

— *Недель?* — рычит Кэм. — Как долго это дерьмо продолжается?

Осознав свою ошибку, Хейс опускает глаза и вздыхает. — Кэм.

— Нет, знаешь что? — Кэм протиснулся мимо Хейса. — Я не могу сделать это прямо сейчас.

Я отступаю в сторону, позволяя ему уйти, и подхожу к Хейсу. Он прислонился к столу, пока я внимательно осматриваю повреждения. Уже появилась небольшая отечность, а порез на щеке выглядит довольно болезненным.

— Ты сумасшедший, ты знаешь это? — говорю я ему.

— На самом деле все не так уж плохо.

Напустив на себя невозмутимый вид, я легонько прижимаю палец к его ране, и он шипит. — Да, не так уж и плохо.

Он улыбается и закатывает глаза. Он знает лучше, чем думать, что я не стану бросать ему вызов. И, говоря о...

— Значит, ты в меня влюбляешься? — Я ухмыляюсь, все еще не веря, что он произнес эти слова.

Его выражение лица становится довольно скептическим, когда он хмыкает. — Я имею в виду, что с тобой все в порядке.

Я усмехаюсь. — О! Ну, в таком случае...

Когда я начинаю уходить, он хватается за запястье и притягивает к себе. Мои руки лежат на его груди, а он смотрит мне в глаза, словно ему не хватало этого всю жизнь.

— Я уже, но я решил, что ты заслуживаешь того, чтобы услышать это первой. — Он делает нервный вдох и заправляет мои волосы за ухо. — Я люблю тебя, Лейкин. Я так сильно влюблен в тебя, и мне жаль, что я не понял этого раньше.

Нет слов, которые могли бы описать чувства, бушующие во мне, как финал фейерверка. *Три года.* Три чертовых года я фантазировала о том, как он скажет мне эти слова. И, услышав их сейчас, я не думаю, что когда-либо могла представить себе, что это будет настолько

невероятно.

Мои глаза наполняются слезами радости, из моего рта вырывается порыв воздуха, и я улыбаюсь ему в ответ. — Я тоже в тебя влюблена.

Как бы мне хотелось, чтобы кто-нибудь снял это на камеру - как мы смотрим друг на друга, словно ничто и никто не может сделать нас счастливее. Скользя рукой по моей шее, он притягивает меня к себе и целует.

Это совершенно необыкновенное удовольствие - быть с ним вот так и знать, что неважно, кто пройдет мимо. Он не оттолкнет меня и не сделает вид, что ничего не произошло. Есть только мы, и этот момент, и любовь между нами, которая требует, чтобы ее почувствовали.

Когда он отстраняется, чтобы посмотреть на меня, мое сознание немного проясняется, а глаза сужаются.

— Ты что, с ума сошел? — спрашиваю я, ударяя его в грудь при каждом слове. Он ловит мои запястья и усмехается, но я еще не закончила кричать на него. — О чем ты думал, давая ему нож? А что, если бы он действительно тебя зарезал?

Ухмылка не сходит с его лица, и он пожимает плечами. — Я бы это заслужил. Я знал правила. Но я не мог больше находиться вдали от тебя. Боль от того, что я скучаю по тебе, хуже, чем все, что он мог со мной сделать.

Вздыхнув, я обнимаю его, и мы прижимаемся друг к другу, моя голова лежит у него на груди. — Знаешь, я не пыталась заставить тебя рассказать ему. Я просто хотела знать, что в конце концов это произойдет. Что ты видишь будущее со мной.

— Лей, — говорит он, выгибая шею и отодвигая меня, чтобы заглянуть мне в глаза. — Ты - *единственное* будущее, которое я вижу.

Я снова целую его, не в силах сдержаться. Прошло слишком много времени с тех пор, как я была в его объятиях вот так. И теперь, когда я знаю, что мои чувства взаимны, я просто хочу остаться здесь и никогда не двигаться.

Но старый гараж, превращенный в мастерскую, - не самое безопасное место, а те вещи, которые мы наверняка будем делать в ближайшее время, приведут только к дальнейшим травмам, если делать это здесь.

Хейс достает свой нож, закрывает его и кладет обратно в карман, а затем переплетает свои пальцы с моими. Честно говоря, это нереально - идти по улице, держа его за руку. Для других это такая мелочь, но для меня это все.

Когда мы подходим к дому, я с ужасом понимаю, что мистер Циммерман все еще здесь. Возможно, это было не самое разумное решение - бросить своего босса и бежать за Хейсом, как сумасшедшая, но, если бы я этого не сделала, я бы не услышала его признания.

Так что, если он уволит меня за грубость, по крайней мере, это того стоило.

— Вероятно, мне следует разобраться с этим, — говорю я Хейсу.

Он кивает. — Делайте то, что нужно. А я пойду попытаюсь обезвредить бомбу хаоса, которую только что запустил.

— Будь осторожен, пожалуйста.

— Буду.

Поцеловав меня в макушку, он отпускает мою руку, и мне сразу становится холоднее без его прикосновения. Хейс одаривает мистера Циммермана приветливой улыбкой и направляется в дом.

— Мне жаль, — говорю я своему боссу. — Это было грубо с моей стороны.

Он отмахивается от этого, к моему облегчению. — Не беспокойся об этом. Все в порядке?

Я не думаю, что смогу объяснить это так, чтобы никто не выглядел придурком. — Это долгая история, но все будет хорошо.

— Ты уверена? — спрашивает он. — Твой брат выглядел очень взбешенным.

Так и есть. И теперь он внутри. Один. С Хейсом.

Оглянувшись на дом, я вздрогнула. — Да, наверное, мне стоит пойти туда, пока вы не потеряли своего лучшего игрока из-за того, что его лучший друг зарубил его сломанной хоккейной клюшкой.

Мистер Циммерман понимающе кивает. — Я был бы признателен за это. В этом году я хочу взять еще один чемпионский титул.

— Тогда мне *определенно* нужно туда попасть, — шучу я.

Или, по крайней мере, надеюсь, что шучу. В данный момент я не уверена, что смогу что-то противопоставить своему брату. Предательство - это то, с чем ему никогда не приходилось сталкиваться, и я уверена, что этот случай задел его за живое.

Мистер Зи открывает дверь машины, чтобы забраться внутрь. — Я проинформирую свою помощницу обо всем, о чем мы говорили, и попрошу ее связаться с тобой, чтобы обсудить все, что тебе может понадобиться от нас, и наоборот.

Я киваю. — Спасибо. Я очень ценю эту возможность.

Сидя за ужином и узнав, что я официально получаю полный контроль над учебным центром, я думала, что это будет главным событием моей недели. Но я не знала, что это даже не будет главным событием моего вечера.

— Ты это заслужила, — отвечает он через открытое окно. — Ты талантливая фигуристка. Я очень хочу, чтобы у тебя все получилось.

Он выезжает с подъездной дорожки, а я направляюсь внутрь, и не могу понять, испугалась ли я тишины, в которую вошла, или почувствовала облегчение. Все выглядит на своих местах, как будто здесь не было борьбы. Даже кухня совершенно не тронута - полный набор ножей.

Что ж, это хороший знак.

Я поднимаюсь по лестнице и обнаруживаю Хейса, сидящего на полу возле спальни Кэма. Он прислонился спиной к стене, и я хмурюсь, глядя на его опустошенное выражение лица.

— Он не хочет выходить?

Он качает головой, тяжело вздыхая. — Я пытался войти, но он швырнул мне в лицо вот это. — Когда он поднимает хоккейную шайбу, мои глаза расширяются. — Не волнуйся. Мне удалось ее поймать.

Разрушать его дружбу с моим братом никогда не входило в мои намерения, и я вижу, что Хейс пытается сделать вид, будто это не имеет большого значения, но это так. Они были лучшими друзьями почти шесть лет - и большую часть этого времени проводили вместе почти каждый день. Мне грустно от того, что он, возможно, пожертвовал этим ради меня.

И, честно говоря, немного нервничаю.

Я протягиваю руку, чтобы помочь ему подняться, и благодарна, когда он берет ее. — Мне жаль, Эйч.

Он не отпускает меня, следуя за мной по ступенькам к моей спальне. — Не стоит. Это отстой, но я не жалею об этом.

— Не жалеешь?

— Совсем нет. — Когда мы входим в мою комнату, он поворачивает меня лицом к себе.

— Ты даже не представляешь, как я ненавижу быть вдали от тебя.

Я хмыкаю и морщу нос. — Думаю, что могу, но если ты хочешь продемонстрировать мне это, я не буду жаловаться.

Ему не нужно повторять дважды. Его руки обхватывают мою талию, и я прыгаю в его объятия. Поцелуй становится неистовым, отчаянным, когда мои ноги обхватывают его. Он несет меня на кровать и укладывает на нее.

Все это гребаное время, пока мы были в разлуке, я была в полном беспорядке от разбитого сердца и сексуальной неудовлетворенности. Неважно, что я делала, какой вибратор использовала или что представляла в голове, - всего этого было недостаточно. Ощущения были не те. Чего-то не хватало.

Его прикосновения - это волшебство, и они нужны мне как воздух.

— Черт, я скучал по тебе, — простонал он мне в губы.

Я вжимаюсь головой в подушку, когда он начинает целовать мою шею. — Я тоже по тебе скучала.

Ощущения невероятные, и все, что я могу себе представить, это как он снова входит в меня. Мне нужно растянуться вокруг него, чтобы он полностью заполнил меня. Но когда я выгибаюсь навстречу ему и издаю стон, когда он вжимается в меня, он останавливается.

— Не надо, — умоляю я. — Мне это нужно.

Он тяжело вздыхает. — Мне тоже, детка. Поверь мне. Сейчас мне ничего не нужно больше, чем это.

— Тогда почему ты не трахаешь меня прямо сейчас? — хнычу я.

— Потому что Кэм прямо внизу, — говорит он. — А ты, обычно, не умеешь регулировать громкость. Я не жалею, что рассказал ему о нас, но я также не пытаюсь втирать ему это в лицо.

Все, что он говорит, абсолютно понятно. И это отстой, потому что я знаю, что в любом случае не могу умолять его сделать это. Я не хочу еще больше усугублять ситуацию для них.

— Хорошо, — говорю я ему, слегка надувшись.

Он ухмыляется и прижимается к моим губам быстрым поцелуем, затем садится. Я провожу пальцами по волосам, но сексуальное напряжение в воздухе все еще такое сильное, что я могу задохнуться от него. Я отчетливо вижу очертания его члена сквозь джинсы, и моя киска начинает сжиматься от желания.

Наступает тишина, и я уже собираюсь предложить посмотреть фильм, но тут ему приходит в голову идея получше.

— Хочешь прокатиться?

— Да! — отвечаю я, не теряя ни секунды.

Мы оба вскакиваем и начинаем направляться к двери, как вдруг он останавливается. Я хмурю брови, когда он поворачивается и бросает мне две подушки, а затем берет мой плед и одеяло крупной вязки.

— Для чего это? — спрашиваю я, все еще не понимая.

Он кусает губу и слегка подрагивает бровями. — Увидишь.

Луна светит с неба, освещая океан на заброшенном пляже. Наш пляж, как называет его Хейс. Подумать только, мы были здесь пару недель назад с разбитыми сердцами и разрушенными мечтами. Сейчас это кажется таким сюрреалистичным. Жаль, что тогда я не знала, что нам нужно расстаться, чтобы снова быть вместе.

Может быть, тогда было бы не так больно.

Эх, вычеркни это. Все равно было бы хреново.

Хейс выпрыгивает из грузовика и на мгновение останавливается, прежде чем кивнуть. — Идеально.

Только когда он берет плед с заднего сиденья и тянет меня к пляжу, я наконец-то понимаю его замысел. Каждый из нас занимает свою сторону и расстилает плед на песке. Когда он возвращается за подушками и еще одним одеялом, я сажусь и жду его.

Я смотрю, как волны разбиваются о скалы, и вспоминаю, как он спас мне жизнь. Может быть, порез и заживет, но шрам останется навсегда, как и память о нем.

— Это тебе, — говорит Хейс, протягивая мне подушку.

Он отбрасывает второе одеяло на плед и ложится, снимая ботинки и накрывая нас обоих одеялом. Его рука скользит под мою шею, и мы ложимся на бок, лицом друг к другу.

Шум океана уходит на задний план, а наши взгляды остаются прикованными друг к другу. Как будто наши глаза говорят все то, что мы держали за зубами, пряча от страха.

Страху впустить другого.

Страху раскрыть слишком многое.

Но это было тогда, а сейчас важно только это — быть здесь, с ним.

— Скажи мне это еще раз, — мягко говорю я.

Он ухмыляется. — Думаю, я лучше покажу тебе.

Положив руку мне на поясницу, он притягивает меня ближе, накрывая мои губы своими. Все начинается медленно. Нежно. Он лижет мой рот и удовлетворенно урчит, когда наши языки переплетаются. Я закидываю на него ногу, нуждаясь в том, чтобы быть ближе.

— Ты мне нужен. — Мои слова прозвучали как отчаянная мольба.

Хейс углубляет поцелуй, останавливаясь лишь на секунду, чтобы ответить. — Я твой, детка. Я всегда был твоим.

Это не может быть реальностью. Не может быть, чтобы сейчас меня не разбудила Мали, прыгнув на меня, или не закричала мне в лицо «проснись, соня». Но когда он прикусывает мою губу, вызывая во мне смесь удовольствия и боли, я понимаю, что это реальность. Я чувствую каждый дюйм его тела, прижимающегося ко мне, и хочу его еще больше.

Его ладонь скользит по моей ноге и забирается под платье. — Тебе нужно чаще носить платье.

— Почему?

— Легкий доступ. — Как только он это сказал, он зацепил большим пальцем мои трусики и начал стягивать их вниз.

Перевернувшись на спину, я позволяю ему спустить единственную одежду, удерживающую его от меня, с моих ног и отбросить их в сторону. На обратном пути он слегка проводит кончиками пальцев по моей коже. Он едва касается меня, но от этого у меня перехватывает дыхание.

— Мы слишком давно не занимались сексом, чтобы ты мог дразнить меня, — говорю я ему.

Он усмехается и прекращает свои движения. — Тогда скажи мне, чего ты хочешь, детка. Я весь твой.

Да. Он. Блядь. Мой. Я хватаю его за запястье и кладу его руку прямо туда, где он мне нужен, и, черт возьми, чуть не взрываюсь от одного только прикосновения. Он прикусывает губу, проводя пальцем по моему клитору и проникая в мою киску.

— Посмотри на себя, — пробормотал он. — Такая мокрая для меня, а я еще даже не прикоснулся к тебе.

Постепенно переходя от ласк пальцами к массажу моего клитора, он начинает двигаться быстрее. Моя голова вжимается в подушку, и я тихонько стону. Это невероятное ощущение, как будто он точно знает, где нужно прикоснуться, чтобы я стала податливой в его руках, и он использует это в своих интересах.

— Хейс, — умоляю я, нуждаясь в большем. Нуждаясь в нем. — Пожалуйста.

— Что пожалуйста, Лейкин? — спрашивает он.

Я пытаюсь изогнуться в его руке, но он ослабляет давление.

— Не-а. Используй слова.

— Трахни меня, — выдыхаю я. — Я хочу, чтобы ты меня трахнул.

Он замедляет темп, наклоняется вперед и целует меня. — Не сегодня, детка. Сегодня я хочу любить тебя.

Боже. Клянусь, если бы он правильно прикасался ко мне, когда говорил это, я бы уже кончила. Одно дело, когда мы просто трахаемся. Когда единственная цель - чтобы к концу мы оба были потными и задыхающимися, полностью разгоряченными и удовлетворенными. Но когда он обнимает меня и погружается в меня с единственной целью - быть ближе, как в ту ночь на лодке, - это все.

Я наблюдаю за тем, как он раздевается, останавливаясь каждые несколько секунд, чтобы потрогать меня за чувствительные места. В какой-то момент он даже наклоняется, чтобы сосать мой клитор. Все мое тело содрогается от этого ощущения, и он не может достаточно быстро надеть презерватив.

Он нужен мне прямо *сейчас*.

Он упирается в меня своим членом и переплетает свои пальцы с моими, когда проникает внутрь, и, черт возьми, последние несколько недель обходиться без этого было чертовски трудно. Я чувствую, как он погружается до конца, прежде чем отстраняется. Он потирает круги на моем клиторе, снова медленно входя в меня, и я клянусь, что не переживу этого.

От оргазма у меня сейчас разорвется сердце.

Хейс нависает надо мной, держа мою руку и целуя каждый мой палец, пока он входит и выходит из меня. Его движения обдуманно, и когда он на секунду отстраняется, чтобы потереться членом о мой клитор, из моего рта вырывается животный стон.

— Ты совершенна, — говорит он мне, снова входя в меня. — Такая чертовски совершенная. И красивая. И моя.

— Вся твоя, — подтверждаю я.

Он улыбается в свойственной ему манере, и мои внутренности тают. Я знаю, что нет в мире ничего такого, через что я не прошла бы ради него. Вся боль, все сердечные муки - они того стоили, потому что, благодаря им мы оказались здесь, где он любит меня так, как умеет только он.

— Мне нужно это, Лей, — простонал он. — Мне нужно, чтобы ты кончила на мой член.

С каждым медленным толчком он вводит свой член в меня так глубоко, как только может, двигая бедрами так, что они трутся о мой клитор. Я стону, и он наклоняется, чтобы поцеловать меня, продолжая свои движения.

— Вот так, детка. Всегда было так хорошо с тобой. Ощущения чертовски приятные.

Я прикусываю губу, пока давление нарастает, и, наконец, я падаю в свободное падение. Наслаждение, пронизывающее меня насквозь, не что иное, как чистая эйфория, и оно тянет Хейса за собой. Он тяжело дышит, глубоко проникая в меня, его член пульсирует, ударяясь о мои стенки.

— Никогда больше не заставляй меня обходиться без этого, — говорю я ему сквозь затрудненное дыхание.

Он тихонько посмеивается и целует меня в лоб. — Никогда.

Через мгновение он выходит из меня, переворачивается и снимает презерватив. Я смотрю, как он встает, абсолютно голый и невероятно красивый, и идет обратно к своему грузовику, чтобы выбросить его. Я не могу удержаться и всю дорогу смотрю ему вслед, оценивая его и наслаждаясь тем, что он мой.

Хейс, мать его, Уайлдер - *мой*.

Не думаю, что когда-нибудь устану от этого.

Когда он подходит ближе и видит, что я смотрю на него, он улыбается и подмигивает. Иногда я задаюсь вопросом, понимает ли он, что делает со мной. Как что-то такое простое может заставить меня почувствовать, что я парю.

Может быть, я никогда не принимала наркотики, но я не могу поверить, что что-то может быть лучше, чем это.

Хейс снова надевает свои боксеры и помогает мне натянуть трусики, после чего ложится рядом со мной. Он накрывает нас одеялом, и я кладу голову ему на грудь, слыша звук, которого жаждала уже несколько недель.

— Я люблю тебя, Лейкин, — тихо говорит он, прижимаясь поцелуем к моим волосам.

Мой желудок переворачивается самым лучшим образом. — Я тоже тебя люблю.

Я точно знаю, что всегда буду помнить эту ночь, когда он бросил осторожность на ветер и занимался со мной любовью под звездами на нашем особенном пляже.

И если утром мы пойдем нырять, чтобы снова трахаться в воде... что ж, так бывает, когда ты молод и влюблен.

Хейс

Моя мама всегда говорила мне, что, когда на дороге есть развилка, принимай решения с умом. Обдумай все, доверься своей интуиции и действуй соответственно. Но я так не поступил. Я выбрал дружбу с Кэмом вместо отношений с Лейкин из-за страха.

Страха, что Кэм возненавидит меня.

Страха, что я никогда не буду достаточно хорош для нее.

Страха, что мне суждено стать таким же, как мой отец.

Я выбрал неправильный путь и потерял девушку, которая значит для меня больше, чем кто-либо другой. Поэтому я повернул назад и выбрал другой путь.

Каждая частичка меня имела в виду то, что я сказал Лейкин, что я не жалею об этом. Не жалею. В моей жизни были случайные связи, девушки, с которыми я флиртовал, и даже те, кто, как мне казалось, когда-то мне даже нравились. Но такой, как она, не было никогда. Она для меня - тот человек, который встречается раз в жизни, и я понял, что если позволю ей ускользнуть, то буду жить в постоянном сожалении.

Но мне все равно больно, когда Кэм в третий раз за сегодня нажимает на кнопку «пошел ты».

— *Привет, это Кэм. Оставь...* — Его голосовая почта начинает проигрываться, и я вешаю трубку.

Не то чтобы я винил его за то, что он не разговаривает со мной. Если бы ситуация была обратной, и я узнал, что он трахается с Девин, я бы, наверное, зарезал его. Делает ли это меня лицемером? Безусловно. Но сейчас я не могу этого изменить, да и не стал бы, если бы мог.

Я бросаю телефон на кровать и провожу руками по лицу. Нет смысла писать ему смс - они просто остаются без ответа. Ну, за исключением одного. Хотя я не уверен, что один смайлик со средним пальцем действительно считается ответом.

Медленно выдыхая, я встаю и направляюсь в ванную. Мне нужно принять душ перед работой, и выполнение обязательств не отменяется из-за того, что твой лучший друг предпочитает есть стекло, а не разговаривать с тобой. По крайней мере, сегодня вечером будет хоккейная тренировка. Попробую поговорить с ним там.

Все кажется неправильным. Не так, как тогда, когда Лейкин не хотела со мной разговаривать — это было еще хуже. Но все равно не то. Как будто части моей жизни находятся не на своих местах. Мне никто не присылает случайные хоккейные видео в течение дня и не спрашивает, какой коктейль на завтрак кажется вкуснее.

Ни один из них. Все они на вкус как мел.

Честно говоря, за все то время, что я знаю Кэма, я не думаю, что мы когда-нибудь так долго оставались без хотя бы одного-двух сообщений в течение дня. Летом, когда мне исполнилось шестнадцать, мы проводили вместе каждый день. Либо он был со мной в моем доме, либо я с ним в его. Но я не думаю, что мы разлучались больше чем на пару часов. Сейчас, вспоминая это, я удивляюсь, как мы не убили друг друга.

Тем летом по сравнению с нынешним многое было по-другому - самое главное то, что Лейкин возненавидела меня до глубины души. Это продолжалось несколько лет, на самом деле. Видите ли, мы с Кэмом не всегда были друзьями. Это случилось из-за девушки, если можно, так сказать.

Я был новичком. Мои родители перевезли нас с Девин сюда под предлогом того, что мы будем учиться в лучшей школе и находиться ближе к пляжу. На самом деле мама просто пыталась оттащить отца от его друзей-собутельников. Девин это совершенно не устраивало, впрочем, какую девушку это устроило бы? Она ходила в одну и ту же гимнастическую студию с трех лет. Выросла со всеми теми же девочками. А потом ее оторвали от всего этого.

А я? Мне было все равно. Единственное, что меня волновало, - это узнать, где находится ближайший каток, и посмотреть, что за команда там играет. НХЛ была моей мечтой, но когда твой отец выходит за дверь, даже не попрощавшись, надежды и мечты уходят на второй план. Но это было раньше. Когда все было еще... нормально.

Будучи новеньким в школе, ты всегда привлекаешь к себе больше всеобщего внимания. Парни хотят знать, в чем заключается твоя фишка, а девушки - выяснить, можно ли с тобой встречаться. И одна девушка была заинтересована больше, чем остальные. Она пригласила меня быть ее спутником на свадьбе ее сестры, и у меня не было причин отказываться.

Я не знал, что она уже пригласила Кэма, а потом отменила приглашение, пока он ни с того ни с сего не подошел ко мне и не толкнул меня к шкафчику.

Мы с ним набросились друг на друга, нанося удары и повалив друг друга на землю. Никто не пытался нас остановить, все просто толпились вокруг и смотрели, как мы выбиваем друг из друга все дерьмо. До сих пор никто из нас не знает, кто победил в том бою. К концу драки мы оба втягивали воздух, как будто умирали, и наносили удары, которые почти не попадали в цель, не говоря уже о том, чтобы нанести какой-либо ущерб.

Наконец, с самым большим уважением, которое я когда-либо испытывал к кому-либо, мы пожали друг другу руки и разошлись. В итоге девушка осталась без пары на вечеринке своей сестры после того, как я сказал ей «отвали». Она попыталась вернуться к Кэму, но он тоже не был заинтересован. И мы с ним как-то подружились.

Но для Лейкин я был тем самым парнем, который разбил ее брату губу, и она ненавидела меня за это. Неважно, что мы были друзьями и что даже родителей Кэма не очень волновала эта ссора. В конце концов, он сам ее затеял. Но Лейкин это волновало.

И хотя она смотрела на меня так, словно хотела поджечь и посмотреть, как я буду гореть, все, чего я хотел, - это увидеть ее улыбку. У нее всегда была такая красивая улыбка.

— Эйч, — говорит Лейкин, щелкая пальцами перед моим лицом.

Я подпрыгиваю, когда она привлекает мое внимание. — Я даже не слышал, как ты вошла.

Она перегибается через стойку и целует меня. — Я не удивлена. Ты был очень откровенным. Ты в порядке?

— Да, я просто думал о том, как мы с Кэмом подрались, и ты меня за это возненавидела.

Она сморщила нос от отвращения. — Ты был хуже всех.

Я усмехаюсь, наблюдая за тем, как она перебирает украшения. — Я все такой же придурок. Что изменилось для тебя?

Она оглядывается на меня и ухмыляется. — Половое созревание ударило по тебе, как долбаный грузовик.

Из моего рта вырывается смешок, и она пожимает плечами.

— Вы с Кэмом вернулись из хоккейного лагеря, когда вам было семнадцать, ты отрастил волосы и обзавелся мускулами, — объясняет она. — В тот момент со мной было покончено.

Мой разум цепляется за каждое ее слово, особенно за «семнадцать», и я не могу поверить, как долго это длится для нее. — Это было три года назад.

Она смотрит куда угодно, только не на меня, вздыхая. — Да.

Подойдя, я обнимаю ее сзади. Она поворачивается, и я нежно прижимаюсь к ее губам. Это самое приятное чувство, когда она тает во мне.

— Прости, что я так долго не мог прийти в себя, — говорю я ей.

Она снова соединяет губы в поцелуе и улыбается. — Все в порядке. В конце концов, ты в меня влюбился.

Я притягиваю ее чуть ближе. — Сильно и быстро.

— Мм. Как раз то, что мне нравится.

Моя голова откидывается назад, и я смеюсь, отпуская ее, чтобы не привлечь внимание камер Марка. Любой сексуальный намек, прозвучавший из ее уст, или любое упоминание о сексе вообще, и я, кажется, теряю всякий контроль над тем, что делаю дальше. А поскольку я на работе, то время и место для этого неподходящие.

— Кстати, — говорит Лейкин. — Я хотела спросить, не собираешься ли ты прийти на костер в эту пятницу.

Фу. Я знал, что эта тема всплывет, но надеялся, что это будет в смс, где я смогу притвориться, что меня это не беспокоит, и где она не сможет принудить меня своими щенячьими глазками и надутыми губками.

— Я не знаю, Лей. — Я провожу пальцами по волосам и натягиваю на затылок кепку. — Он явно не хочет, чтобы я приходил. Он даже не отвечает на проклятый телефон. Я просто не думаю, что это лучшая идея.

Она делает глубокий вдох и подходит, чтобы сесть на стойку. — Я понимаю, но в какой-то момент ему придется с этим смириться.

— Ты знакома со своим братом?

Единственный человек, которого я знаю, который держит обиду сильнее, чем Кэм, - это Лейкин. Они оба настолько упрямы, что даже ее предположение о том, что Кэм просто смиритс~~я~~ с этим, вызывает у меня смех.

— Точно, у тебя же нет вагины, — пробормотала она. — Ну, все равно, ты его лучший друг. Другие парни ему не нравятся настолько, чтобы заменить тебя.

Я кладу руки по обе стороны от нее и наклоняюсь, чтобы поцеловать ее. Ее руки лежат на моих плечах, и она легонько играет с волосами, торчащими из-под моей кепки.

— Я подумаю об этом, — говорю я ей и целую ее еще раз, прежде чем отойти.

И, к счастью, она принимает это.

Семь лет я играл в одной хоккейной команде с Кэмом. Он приходил на тренировки с гриппом, с похмелья, пьяный, с вывихом лодыжки. Он даже пришел утром, в день своего суда по делу о нападении. Но вот он узнает, что его лучший друг увлечен его сестрой, и его нигде нет.

По словам ребят, он прислал сообщение, что у него назначена встреча и его не будет, но я знаю, что это полная чушь. Если только это не определенная *встреча*, конкретно с Мали, то он никак не мог назначить ее на время, когда у нас хоккей.

Я стараюсь не перегибать палку. Я не хочу ставить его в неудобное положение или давать ему повод ненавидеть меня еще больше. Но пока я катаюсь по катку и провожу тренировки без него, я начинаю думать, что Лейкин, возможно, права.

Ему слишком легко игнорировать меня, когда я не нахожусь у него перед носом.

Мне нужно пойти на костер.

Я никогда не думал, что когда-нибудь наступит день, когда я окажусь на этой подъездной дорожке и почувствую себя неловко. Конечно, когда мы с Лейкин не разговаривали, во мне бурлили разные эмоции, но я все равно чувствовал себя желанным гостем. Наверное, в моем сознании это место всегда ассоциировалось с домом Кэма, а не Лейкин. Но когда Кэм - единственный, кто не хочет, чтобы я был здесь, возникает ощущение, что я не должен быть здесь.

Стук в окно привлекает мое внимание, и я поворачиваю голову, чтобы увидеть стоящую там Лейкин. Она мило улыбается мне, и мне ничего не остается, как отпереть дверь. Я же не могу уехать, когда она стоит и смотрит на меня так, словно я ее самый любимый человек на свете.

Я должен был все обдумать, прежде чем согласиться приехать. Понять, что это была глупая идея, пока не стало слишком поздно. Но когда Лейкин открывает дверь, я понимаю, что шансы на то, что она позволит мне передумать, ничтожно малы.

— Идем, — говорит она мне. — Все будет хорошо.

Я фыркнул, вылезая из машины. — Ты ведь знаешь, что я могу определить, когда ты врешь?

Она закатывает глаза. — Хорошо, тогда скажи мне вот что: что самое худшее из того, что может случиться?

— Ты хочешь, чтобы я вернулся домой? — пошутил я. — О, я понял. Тебе втайне нравится, как Лукас к тебе пристает, и ты не хочешь, чтобы твой парень это услышал.

— Парень, да? — Она ухмыляется, поднимая на меня брови. — Насколько я знаю, меня никто не просил быть чьей-то девушкой. И ты не можешь просто пропускать ступени, это против правил.

Я перемещаю руку на ее спину и притягиваю к себе, усмехаясь. — Правда?

— Угу. — Она пытается сохранить серьезное выражение лица, но я вижу это насквозь.

Мои губы поджимаются, когда я хмыкаю. — Эта информация сделает некоторых женщин очень счастливыми.

Ее челюсть падает в недоумении, и она отталкивает меня. — Придурок.

— Эй, — игриво усмехаюсь я. — Ты сама на это напоролась.

Она смотрит на меня в ответ, но я уже более чем привык к этому, поэтому все равно целую ее. Как бы она ни пыталась остановиться, ей не удастся сдержать улыбку. Но этот момент рано или поздно должен был закончиться.

Схватив мою руку своей, она начинает тянуть меня в сторону заднего двора. Моя голова падает назад, я стону, но она не собирается меня отпускать.

— Нет, — говорит она, потянув меня за собой. — Я думала о том, чтобы позволить тебе передумать, но после того маленького комментария, который ты сделал...

У меня вырывается смех. — О, так это мечь.

— Не совершай преступление, если не можешь отбыть срок.

Ее поддразнивание помогает мне чувствовать себя лучше, но, когда мы приближаемся к костру, и я вижу, как Кэм оглядывается на меня, лишь насмехаясь и качая головой, это чувство исчезает. Никогда еще не было случая, чтобы он так смотрел на меня. И чувство вины, поселившееся в моем желудке, вызывает дискомфорт.

Я не собираюсь отпустить руку Лейкин. Я и так достаточно натворил за это лето, и теперь нам нечего скрывать. Но когда она отпускает мою, я ценю то, что она понимает, что последнее, что я хочу сделать, это втирать наши отношения — или не отношения, по ее логике, — Кэму в лицо.

— Привет, чувак, — приветствует меня Оуэн.

— Привет. — Мы с ним обмениваемся дружеским рукопожатием, затем то же самое делают Эйден и Лукас.

Обычно я подхожу к Кэму, но, судя по тому, что он даже не смотрит на меня, я не пытаюсь этого сделать. Лучше перестраховаться и не рисковать получить отказ. Я уже вишу на волоске.

Обычно я беру один из походных стульев и устанавливаю его рядом с Кэмом, но что-то в том, что он находится на расстоянии вытянутой руки, не кажется мне хорошей идеей. Особенно когда моя щека все еще чувствует на себе его удар. Скажем так, я не понаслышке знаю, почему тот пьяный ублюдок с вечеринки так сильно ударился о землю. С тех пор как нам было по четырнадцать лет, его удар улучшился.

Я должен сесть где-нибудь на нейтральной территории, не близко к Кэму, но и не рядом с Лейкин. Я знаю, что она отнесется к этому с пониманием. И все же мысль о том, чтобы оказаться даже в пяти футах от нее, решает все за меня.

Запрыгнув на стол для пикника, я сажусь рядом с ней. Это небольшой шаг, но он показывает ей, что я все еще серьезно настроен, и она улыбается, глядя на свои колени. Парни слишком заняты тем, что переглядываются между мной и Кэмом, чтобы заметить это.

— Что происходит? — спрашивает Эйден.

Кэм бросает обертку в огонь. — Ничего.

Я думал, что напряжение было сильным, когда мы с Лейкин расстались, но это ничто по сравнению с этим. Тогда было больно. Жестоко и неумолимо. Но это - агония от осознания того, что парень, который был самым близким мне человеком на протяжении многих лет, едва ли не достигших десятилетия, теперь не хочет иметь со мной ничего общего. Она обхватывает мое горло и заставляет меня давиться ею.

Но когда я незаметно кладу руку на стол, позволяя ей коснуться руки Лейкин, мое сердце, по крайней мере, снова становится целым и невредимым.

И опять же, оно того стоит, как бы дерьмово это ни звучало.

— Вы даже не поздоровались друг с другом, — замечает Оуэн.

Я закатываю глаза и киваю в сторону Кэма. — Привет, братан.

— Братан, — передразнивает он. — Это слегка напоминает инцест, тебе не кажется? Берешь пример с Оуэна?

Ой. — Лучше так, чем не добиваться того, чего я хочу, когда это прямо передо мной.

Ладно, возможно, это был не самый умный ответ, но я не из тех, кто прикусывает язык. И никогда им не был. Вот почему я пытался сказать Лейкин, что приходить сюда - плохая идея.

Его брови удивленно приподнялись. — Ну, трахни меня за то, что я такой верный. Но я не думаю, что ты что-то об этом знаешь.

— Ой, да иди ты нахер со всем этим дерьмом, — бросаю я в ответ. — Если кто и был верен твоей заднице, так это я. Если это все отменяет в твоём сознании, то это на твоей совести.

— Хейс, — полупшепотом кричит Лейкин.

Я знаю, что она права. Мне действительно следует заткнуть свой чертов рот, но я не собираюсь сидеть здесь и молчать, пока он ведет себя так, будто я какой-то дерьмовый друг. И поверьте мне, у него их было предостаточно. Я точно не один из них.

Он сухо смеется, с отвращением глядя в землю, но ничего не говоря. Вокруг всей группы воцаряется тишина. Все чувствуют то же напряжение, что и я, когда я только подошел. Мы и трех минут не смогли продержаться, чтобы не начать выяснять отношения.

Но если бы он ответил на звонок или на одно из пятидесяти моих чертовых сообщений, мы бы выяснили все наедине, а не устраивали бы шоу для всех наших близких друзей.

По мере того как мой гнев утихал, на его место начинало приходить сожаление. Может быть, Лейкин и пыталась помочь нам улучшить ситуацию, но, придя сюда, я сделал только хуже. Правда моих слов не делает то, как я их произнес, нормальным. Он имеет полное право злиться на меня. У меня тоже есть право защищаться, когда он перегибает палку.

И это Кэм.

Перегибать палку - это его специальность.

— Какого черта, — пробормотал Эйден.

Лукас не лезет не в свое дело, Оуэн выглядит так, будто все еще пытается разобраться во всем этом, а мы с Кэмом даже не пытаемся ничего объяснить. Мы даже не можем смотреть друг другу в глаза.

Лейкин явно борется между тем, чтобы сохранить дистанцию ради Кэма и тем, чтобы утешить меня. Ее мизинец осторожно перемещается на мой, затем все больше пальцев, пока половина ее руки не ложится на мою. Но все это происходит так медленно, что, когда она нерешительно опускает голову мне на плечо всего на секунду, прежде чем поднять ее обратно, я не удивляюсь, когда слышу стон Мали.

— Боже мой! Перестаньте вести себя так, будто вы еще не пробовали сперму друг друга!

К стону Кэма примешивается звук Лукаса, поперхнувшегося пивом. — Мали! Какого черта?

От ее слов у всех остальных все встает на свои места, и Оуэн делает жест между мной и Лейкин. — Подождите, вы двое...?

Лейкин смотрит на меня и морщит нос, изображая отвращение. — Пфф. Я абсолютная святая. Будущая монахиня. Он просто пытается украсть мою добродетель.

И вот так все мои проблемы исчезают, я смеюсь, а она улыбается. — Это правда?

Прикусив нижнюю губу, она кивает.

— Итак, если я упомяну, когда ты —

Я даже не успеваю закончить фразу, потому что ее глаза расширяются, и она бросается целовать меня, фактически затыкая мне рот. Очевидно, что это не первый раз, когда я целую ее, но это первый раз, когда мы целуемся на глазах у всех. Черт, да я вообще впервые целуюсь с кем-то на глазах у всех, когда не пытаюсь перепихнуться. Обстановка другая. Причина другая. И когда моя рука ложится на ее щеку, тяжесть момента лишь придает мне еще большую уверенность в своем решении.

Она разрывает поцелуй, и я самодовольно ухмыляюсь. — Ну и кто теперь крадет добродетель?

Она отталкивает меня плечом и усмехается.

— Это полная чушь! — кричит Лукас, вставая и бросая свою пустую банку из-под пива на землю.

Всем остальным это кажется забавным, но Кэм выглядит так, будто он предпочел бы быть где-нибудь в другом месте. — Сядь, королева драмы.

Он ворчит про себя, делая то, что ему говорят, но внимание Оуэна приковано исключительно к Кэму.

— Так вот почему ты такой злой в последнее время?

— А как бы ты себя чувствовал, если бы узнал, что парень, которого ты считаешь своим братом, трахает твою младшую сестру? — парирует он.

Технически, я никогда не говорил ему, что *трахаю* ее. Если бы я сказал, он бы меня точно зарезал. Но он знает меня достаточно долго, чтобы понять это самостоятельно. И я нахожу больше утешения, чем следовало бы, в том, что он сказал «*считаю*», а не «*считал*».

— Я имею в виду.. — Мали говорит это своим вызывающим у меня содрогание голосом. — Прежде чем ты понял, кто это, ты был полностью согласен. — Она подносит палец к подбородку, делая вид, что размышляет. — По-моему, ты сказал: «В наше время трудно найти хорошую киску».

Кэм сжимает в руке банку с пивом, проливая его через края на подлокотник кресла. Тем временем я сосредоточился на девушке, которая будет ответственна за мое убийство.

— Ты хочешь, чтобы он возненавидел меня, не так ли?

Она пожимает плечами и мило улыбается. — Ты забрал моего лучшего друга. Будет правильно, если я заберу твоего.

Честно говоря, я уверен, что Кэм был бы рад, если бы она сделала именно это, только по-другому. Черт, если бы она это сделала, мы бы не оказались в таком затруднительном положении. Однако ранее я был слишком близок к тому, чтобы раскрыть его секрет. Я больше никогда не переступлю эту черту.

— Пожалуйста, — насмехаюсь я. — Как будто мы оба не знаем, что она любит тебя больше.

Мали ухмыляется, раскрывает объятия и смеется над тем, как Лейкин охотно идет ей навстречу. Это отдаляет ее от меня, когда она прижимается к своей лучшей подруге. И я не могу не смеяться над тем, как Мали подмигивает мне из-за этого.

— Ну, и что? — спрашивает Эйден, все еще не понимая, о чем идет речь. — Вы больше не друзья?

Я не даю ему шанса ответить - отчасти потому, что боюсь того, что может прозвучать из его уст. — Нет, ему просто нужно как следует наказать меня, и тогда он с этим смирится.

Мали и Лейкин перешептываются между собой и пытаются сдержать смех, но я сосредоточен на том, как фыркает Кэм.

— Ты шутишь? Ты встречаешься с моей сестрой. Это и есть наказание.

Я закатываю глаза и смотрю на Лейкин. Она на мгновение надувается, но затем бросает взгляд на Мали и снова пытается не рассмеяться.

— Ладно, какого черта вы двое хихикаете? — спрашиваю я со вздохом.

Мали делает все возможное, чтобы сохранить самообладание, когда отвечает. — Ты собираешься назвать его *папочкой* и принять свое наказание как хороший мальчик?

И тут Лейкин теряет самообладание, откидывая голову назад и раздражаясь истерическим смехом.

К счастью, Кэм не настолько меня ненавидит, чтобы пропустить больше одной тренировки. Правда, я не уверен, что это больше говорит о его обиде на меня или о его любви к хоккею. Если бы мне пришлось гадать, я бы выбрал последнее.

Вчерашний вечер прошел не так плохо, как мог бы. Мы мало что сказали друг другу после ссоры, но и мы с Лейкин не пытались втирать ему в лицо наши отношения всю ночь. Поцелуй, в который я ее практически втянул обманом, был лишь одним из двух за ночь. Но мне все равно удалось незаметно сказать, что я ее люблю, написав это на конденсате ее пивной бутылки.

Да, это, возможно, принесло мне несколько очков.

Я заканчиваю собираться, стараясь держаться на расстоянии, несмотря на то, что наши шкафчики находятся рядом, и выхожу из раздевалки. Я думал, что Лейкин уже ушла, но, когда в поле зрения появляется каток, я вижу, как она скользит по льду, словно была рождена для этого.

Наверное, я похож на влюбленного щенка, который стоит здесь и смотрит на нее вот так. Но, как и во всем остальном, что касается ее, я ничего не могу с собой поделать. Только теперь, когда кот вылез из мешка, мне не нужно делать это на расстоянии.

Выходя на лед, я представляю, как поймаю ее, как в кино. Но все происходит совсем не так, как я себе представлял. Вместо романтической сцены мы оба падаем на лед. Единственное, что в этом было хорошего, так это то, что она приземлилась на меня, не давая себе пораниться.

Я со стоном посмеиваюсь. — Я не продумал все до конца.

— Ты так думаешь? — отвечает Лейкин, в ее голосе слышится смешок.

Я даже не замечаю присутствия тренера, пока его голос не разносится эхом по катку. — Отличный ход, Ромео. Теперь вставай. Никаких кувырканий на льду. — Кэм застонал у ворот, и тренер поморщился. — Упс. Извини, Бланшар.

Лейкин встает и протягивает руку, чтобы помочь мне, как раз в тот момент, когда Айзек подходит к Кэму и кладет руку ему на плечо.

— Да, извини, брат. Я говорил тебе, что твоя сестра горячая штучка. — Он переключает свое внимание на Лейкин. — Дорогая, если он не сделает тебя счастливой...

— Господи! — огрызается Кэм, отталкивая его руку.

Айзек притворяется невинным. — Что? Она больше не под запретом.

— Хочешь, блядь, поспорить? — рычу я.

С каждым его словом моя ярость усиливается. Я пытаюсь приблизиться к нему, но Лейкин кладет руки мне на грудь. Айзек ухмыляется, получив именно ту реакцию, на

которую рассчитывал.

Кэм смотрит на Лейкин. — Ты можешь, пожалуйста, уйти?

Она кивает, понимая, что меньше всего кто-то из ребят хочет, чтобы мы с Айзеком сцепились. Положив руку ей на поясницу, мы уходим со льда и направляемся к женской раздевалке.

— Увидимся позже? — спрашиваю я, накручивая ее волосы на палец.

— Определенно.

Ее руки обхватывают мою шею, и она притягивает меня к себе. Наши рты встречаются посередине, и мы целуемся, как любая нормальная пара при прощании. Вот только наш поцелуй длится немного дольше.

— Я люблю тебя, — говорю я ей, делая шаг назад.

Она улыбается. — Я тоже тебя люблю.

Я собираюсь вернуться на каток, но на полпути поворачиваюсь, чтобы поцеловать ее еще раз. Она хихикает, но момент испорчен, когда Оуэн кричит о том, *чтобы мы сняли номер*, достаточно громко, чтобы весь каток услышал. И я не упускаю из виду, как Лукас смотрит на меня.

Ну, по крайней мере, у Кэма есть компания в департаменте «Ненависть к Хейсу».

Прошла половина тренировки, когда я наконец-то смог отомстить Айзеку за его высказывания. Нас разделили на две группы, и мы должны были передавать шайбу друг другу. Это базовое упражнение, которое мы делаем на каждой тренировке, и оно всегда проходит без травм... до сегодняшнего дня.

То, что Айзек не носит чашку, ни для кого не секрет. Тренер уже несколько лет на него наседает, но этот идиот утверждает, что его член слишком велик для них. И это не может не вызывать удивления. Оуэн трахал девушку, с которой встречался Айзек, и сказал, что она была такой тугой, что он почти не мог в нее войти. Но это уже к делу не относится.

Он стоит напротив меня, не обращая на меня внимания, как ему, безусловно, следовало бы, и я выравниваю шайбу своей клюшкой. В тот момент, когда я посылаю шайбу в воздух, я слышу, как замирает дыхание Оуэна. И тут же шайба попадает точно в цель.

Изо рта Айзека вырывается высокочастотный звук, он падает на лед и сворачивается в клубок. Тренер ущипнул себя за переносицу и покачал головой, а Эйден задумчиво наблюдал за Айзеком, сидя рядом с Кэмом.

— Лучше надейся, что с Хейсом такого не случится, иначе в твоём будущем не будет племянников, — говорит он ему.

Кэм выглядит так, словно он живет в аду, когда смотрит на Эйдена. — Это было обязательно?

Лукас наклоняет голову в сторону, любуясь видом корчащегося от боли Айзека. — Отличная цель.

И ничто не может стереть ухмылку с моего лица.

В следующий раз, возможно, он дважды подумает, прежде чем приставать к моей девушке.

3

Лейкити

— Перестань двигаться, — говорю я Хейсу, пытаюсь остановить кровотечение.

Видимо, он решил, что это хорошая идея — запустить хоккейную шайбу в причиндалы Айзека. Месть за то, что он ко мне приставал. *Гребаный пещерный человек.* Но он должен был знать, что Айзек ответит, что и произошло — он ударил Хейса локтем прямо в нос, когда они уходили со льда.

Я не врач, но, похоже, он сломан.

— Ты можешь не шевелиться? — раздраженно говорю я.

Он отворачивает голову и отталкивает мои руки. — Нет. Мне все равно, как сильно я истекаю кровью. Ты не будешь засовывать мне в нос тампоны.

Я вздыхаю. — Ладно. Истекай кровью и позволь Айзеку приписать себе заслугу за твоё убийство. Это твой выбор.

Его взгляд почему-то кажется более интенсивным, когда он смешивается с медленно увеличивающимися черно-синими пятнами под глазами. Прежде чем он успевает ответить, входная дверь открывается и закрывается, и в доме раздаётся голос его мамы.

— Эйч? — зовет она.

— Здесь, — отвечаю я за него, и от его взгляда я закатываю глаза. — Она бы все равно узнала. И она медсестра. Она может тебе помочь.

Его мама поворачивает за угол и замирает. — Боже мой, выглядит так, будто здесь произошла резня.

Хейс бормочет что-то о том, что она - королева драмы, но я не могу сказать, что не согласна с ней. В раковине повсюду валяются окровавленные салфетки, а низ его рубашки в беспорядке после поездки домой. Я сказала ему, что он должен был позволить тренеру позаботиться об этом на катке, но он утверждает, что не понимал, насколько сильно кровоточит, пока не поехал домой.

Это означает, что «моя гордость слишком велика, чтобы позволить Айзеку узнать, что он причинил вред».

Когда я отхожу в сторону, чтобы его мама могла встать перед ним, она слегка проводит пальцами по бокам его носа. Его глаза зажимаются, и он хнычет.

Да, определенно сломан.

Она говорит ему: «Ничего страшного, но он сломан», и я бросаю на него взгляд «я же тебе говорила». — Не хочешь рассказать мне, как это произошло?

— Просто хоккейные шпучки, — пытается он, но она достаточно хорошо его знает, чтобы не купиться на это.

— Попробуйте еще раз.

Хейс выдыхает через рот, пока она пытается остановить кровотечение. — Я получил удар локтем в лицо.

— Потому что... — Я нажимаю, получая взгляд, который говорит мне, что я, вероятно, заплачу за это позже.

— Я метко бросил шайбу в его «нет-нет» зону.

Я фыркаю от его слов, и мой смех постепенно усиливается, когда я понимаю, что это было сделано для его мамы. Вокруг его друзей? Сексуальный, блядь, засранец. Рядом с мамой? Ангельский маменькин сынок.

— Снимай свою футболку, — наставляет она его. — Теперь это мусор.

Он хнычет. — Это одна из моих любимых футболок!

— Ну, ты должен был подумать об этом, прежде чем запустить шайбу в нижнюю часть тела своего товарища по команде. Теперь она выглядит как деталь с места преступления.

Его мама держит мусорное ведро, с ожиданием глядя на него, а он, стаскивая ее через голову, бормоча себе под нос «какая чушь». Как только в поле зрения появляется его пресс, я заставляю себя отвести взгляд.

Последние несколько дней мы не можем оторваться друг от друга. Я словно превратилась в какого-то сексуально зависимого монстра, который никак не может насытиться. И быть такой возбужденной на глазах у матери Хейса - это не мое представление о веселье. Но, возможно, Хейсу это нравится, если судить по тому, как он ухмыляется, когда замечает, как на меня это влияет.

Его мама возвращается с новой футболкой для него, а затем она поворачивается ко мне, пока он надевает ее. — Итак, я видела твою машину на улице. Неужели больше никаких игр в прятки с Кэмом?

Мы с Хейсом обмениваемся взглядом, и он отвечает вместо меня. — Нет. Она наконец-то пришла в себя.

Мои глаза встречаются с его, и я поднимаю одну бровь, предупреждая его о том, что будет дальше. В тот момент, когда он все понял, я улыбаюсь его маме.

— Тебе нужно было это видеть. Хейс вручил Кэму нож и сказал зарезать его.

У нее падает челюсть, и она бьет Хейса в живот. — Что ты сделал?

Он визжит от ее удара, затем поворачивается ко мне и хмурится. — Серьезно?

Я пожимаю плечами, мило улыбаясь. — Что? Не могу же я быть единственной, кто злится из-за твоего безрассудного поступка.

— Это было романтично! — кричит он.

— О, да, — нахально отвечаю я. — Твоя кровь на земле и мой брат, которого посадили за твое убийство, - вот что я считаю романтичным.

Он поворачивается к маме. — Ты видишь, с какими издевательствами я сталкиваюсь?

Она хихикает. — Она мне нравится. Кто-то должен держать твою задницу в узде.

Я ударяю кулаком вверх и ухмыляюсь. — Ха! Твоя мама на моей стороне. Я выиграла!

Когда я исполняю счастливый танец только ради того, чтобы подчеркнуть свою точку зрения, он стонет. — В этом доме не хватает тестостерона.

Я стою на кухне и листаю телефон, когда слышу, как Кэм спускается по лестнице. Однако, как только он видит меня, он разворачивается, чтобы подняться обратно. Я закрываю глаза и открываю рот.

— Его здесь нет.

Не говоря ни слова, он спускается и идет прямо к холодильнику. Я знаю, что мне не следует вмешиваться. Это может быть битва, в центре которой нахожусь я, но Хейс ясно дал понять, что это не моя битва. Но я не могу просто сидеть и смотреть, как он тоскует по своему лучшему другу, а ведь прошла уже целая неделя.

— Ты хочешь, чтобы я порвала с ним? — спрашиваю я.

Он замирает. — Что?

— Ты хочешь, чтобы я с ним порвала? — повторяю я. — Это то, что нужно сделать, чтобы ты снова с ним заговорил?

Кэм отвлекается от холодильника и поворачивается ко мне лицом. — Что он сделал, послал тебя, чтобы ты на меня накричала?

— Нет. Вообще-то, если бы он знал, что я вообще разговариваю с тобой об этом, он бы, наверное, накричал на меня. Но это просто смешно, и ты это знаешь. Он был твоим лучшим другом на протяжении многих лет.

— Да, и это еще одна причина для меня быть в ярости, — возражает он. — Он знал, что ты под запретом, и ему было все равно. Он поймел меня, не задумываясь.

Надо же, он действительно бредит. — Это чушь. Тебя там не было. Ты не видел, как упорно он боролся с этим. Из-за тебя он не хотел быть со мной, хотя мы оба без ума друг от друга. Ради всего святого, он сначала выбрал дружбу с тобой, а не меня!

Я проверяю время и замечаю, что мне пора уходить, но когда я направляюсь к двери, я останавливаюсь, оглядываясь на Кэма.

— И к твоему сведению, я тебе не принадлежу. Единственный человек, который может считать меня *недоступной*, - это я сама.

Он ничего не говорит, когда я выхожу из дома, но я и не ожидала этого. Кэм такой же упрямый, как и всегда. У меня не было надежды достучаться до него. Я просто не собиралась позволять ему думать, что я согласна с тем, что он ведет себя как придурок.

Когда я въезжаю на парковку, она пуста, а каток, похоже, закрыт. *Это странно.* Я открываю SMS-переписку с Хейсом, чтобы убедиться, что приехала в нужное время.

Не задавай вопросов. Просто встретимся на катке в 8 вечера □.

Я снова смотрю на каток и хмурю брови. Его машины нигде не видно. Единственный вариант - отправить ему сообщение.

Привет. Я здесь, но, похоже, каток закрыт.

Его ответ приходит через несколько секунд.

Я сейчас заберу тебя.

Заберет меня? С каких это пор он должен меня забирать? Я хожу на этот каток дольше, чем он. Но, конечно, он открывает дверь и ждет меня.

Я глушу машину, выпрыгиваю и иду к нему. — Где твоя машина?

— Сзади, — отвечает он, но больше ничего не объясняет.

Все лампы выключены. Так темно, что я едва вижу Хейса, стоящего рядом со мной. И если бы он был кем-то другим, мой разум, наверное, сошел бы с ума от сценариев, как я сейчас умру.

— Что мы делаем? — спрашиваю я. — Почему выключен свет?

Он усмехается, притягивая меня ближе к себе и обнимая за талию. — Разве я не говорил тебе не задавать вопросов?

— Я не следую правилам. И, кроме того, это было до того, как ты привел меня в кромешную тьму.

— Такая нетерпеливая, — пробормотал он. — Не волнуйся. Мы уже почти пришли.

Его тело движется за мной, и он обхватывает меня за талию, когда мы проходим еще немного. Я даже не знаю, как он может видеть, куда мы идем. Даже когда мои глаза привыкают к темноте, я почти ничего не вижу.

— Хорошо, — говорит он, останавливая нас.

Он достает из кармана пульт, нажимает кнопку, и весь каток заливает мягким переливающимся светом от фонариков. Они натянуты над стеклом и идут по всему периметру. В центре льда стоит стол, накрытый скатертью, на нем два блюда, одно из которых с розой, в центре стоит свеча. По обе стороны стоят два стула.

У меня заслезились глаза, когда я все это увидела. — Это ты сделал?

— Тебе нравится? — Трудно не заметить уязвимость в его голосе.

Я еще раз окидываю все взглядом, а затем поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него, насколько это вообще возможно. — Мне нравится. Ты потрясающий.

— Ты потрясающая, — поправляет он меня, целуя. — Я просто пытаюсь быть достойным твоего внимания.

Мое сердце тает, когда он берет меня за руку, ведет на каток и к столу. Он, как

джентльмен, выдвигает стул, чтобы я села, а затем задвигает его. Когда он вручает мне розу, он поднимает крышки с блюд, чтобы обнаружить сэндвичи, и я не могу удержаться от смеха.

— Я знаю, — говорит он с ухмылкой. — Но мы на катке, так что либо это, либо салат.

Я с улыбкой качаю головой. — Нет, это идеально. Ты идеален.

За все годы, что я увлекалась Хейсом, я всегда знала, что он за парень. Я никогда не фантазировала о романтических отношениях с ним, потому что знала, что это не про него. Это всегда были скорее сексуальные фантазии, хотя иногда к ним примешивалась *картина нашего совместного будущего*.

— Это больше, чем я могла себе представить.

Он зажигает свечу и садится, делая глоток пива. — Я действительно скучал по тебе сегодня.

— Очевидно, — шучу я, еще раз оглядываясь по сторонам. — Как ты все это сделал?

— Я попросил некоторых ребят помочь мне, — признается он.

— Кэм?

Он качает головой. — Нет, он все еще ненавидит меня. Но мы справились и без него.

У меня в животе образуется яма, когда я понимаю, как ему больно от этого, и я вздыхаю. — Мне очень жаль, Эйч.

Но он протягивает руку и кладет ее на мою. — Не стоит. Мы не будем говорить об этом сегодня, хорошо? Эта ночь посвящена нам.

И каким-то образом я таю еще больше, так как в моем животе оживают бабочки.

После того, как мы закончили есть, Хейс предлагает воспользоваться возможностью покататься вместе на коньках. Такая возможность выпадает нечасто. Мои смены обычно проходят либо до, либо сразу после его хоккейных тренировок, и к концу их мы оба выматываемся. Надевать коньки - последнее, о чем мы думаем.

Но не сегодня, поэтому мы зашнуровываем коньки и, держась за руки, неторопливо скользим по катку.

Фонарики, которые повесили Хейс и ребята, делают это место гораздо более интимным. Могу только представить, сколько дерьма ему пришлось выслушать за это. Наверное, ему пришлось часами выслушивать комментарии Оуэна.

— Итак, — начал Хейс. — Это соответствует твоим романтическим стандартам?

Я с усмешкой киваю. — Да, определенно.

— Хорошо, потому что я хочу спросить тебя кое о чем, и мне нужно, чтобы это было незабываемо.

У меня пересохло во рту, когда он остановил нас и повернулся ко мне лицом, заглядывая глубоко в мои глаза. — Ты собираешься сделать мне предложение прямо сейчас?

Господи, Лей. Если это так, то ты портишь этот чертов момент.

Но это ничуть не портит его. Он не пугается при мысли о таких обязательствах и не смотрит на меня как на сумасшедшую. Он просто улыбается и качает головой.

— Нет, — говорит он с легким смешком. — Я уверен, что в конце концов это произойдет, но ты однажды сказала мне, что я не имею права пропускать шаги. Так что, Лейкин... — Он делает паузу, чтобы свести меня с ума. — Ты станешь *официально* моей? Моей открыто-держась-за-руку-независимо-от-того-кто-может-увидеть, девушкой?

В моем сердце столько счастья, столько чистой радости, что я сияю, кивая ему. — Да.

Он улыбается так же ярко, обхватывает меня руками и поднимает на руки. Наши губы встречаются, он кружит нас, и мы оба улыбаемся в поцелуе. Он сказал, что хочет сделать этот момент незабываемым, но я думаю, что он мог бы спросить меня об этом где угодно, и я бы запомнила это навсегда.

Кто может забыть момент, когда сбылись все его мечты?

Одна наша общая черта - мы очень конкурентоспособны. Честно говоря, именно поэтому я больше не участвую в соревнованиях по фигурному катанию. Я была слишком строга к себе, и это стало сказываться на моем психическом здоровье. Но эта часть меня все еще существует, так же, как и часть Хейса. Поэтому, конечно, когда зашла речь о том, что я победила его в гонке, он потребовал реванша.

Мы отодвигаем стол и стулья с дороги и занимаем свои места у линии ворот. Я знаю, что он намерен победить меня, и после всего, что он сделал для меня сегодня, я должна позволить ему это сделать, но что в этом интересного?

— Готова? — спрашивает он, и я киваю.

Он считает до трех, и мы оба стартуем. До середины пути мы шли вровень, но, немного поднатужившись, я вырвалась вперед. И, будучи иногда такой выпендренницей, я поворачиваюсь и подмигиваю ему, пересекая линию ворот спиной вперед.

— Как, черт возьми? — спрашивает он в недоумении.

Я катаюсь вокруг него на коньках. — Просто признай это, детка. У фигуристов это получается лучше.

Он игриво насмехается. — Только потому, что тебе не нужно так сильно концентрироваться. Мы должны беспокоиться о своей скорости и равновесии, управляя маленьким блоком резины с помощью деревянной палки. Да еще приходится отбиваться от взрослых мужчин.

Бросив на него взгляд, я скольжу прочь от него, чувствуя на себе его взгляд. Я набираю скорость как раз перед тем, как выполнить трюк, над которым я так долго работала. Тот, который я еще никому не показывала.

Чертов тройной аксель.

Все как будто происходит в замедленной съемке, я кручусь в воздухе, и облегчение

проникает в меня, когда я приземляюсь. У Хейса отпадает челюсть, и он выглядит еще более гордым, чем я, когда у меня наконец-то получилось.

— Когда, черт возьми, ты научилась этому?

Я пожимаю плечами. — Не только тебе нужно было отвлечься после нашего расставания.

И тут он проговорился. — Чушь. Я бы заметил это, когда...

Его рот захлопывается, когда он понимает, в чем собирался признаться, поэтому я самодовольно заканчиваю за него.

— Когда ты наблюдал за мной из офиса? Да, тогда я старалась не работать над этим. Мне не нужно было, чтобы ты видел, как я падаю на задницу.

Он выдохнул. — Ты знала, что я был там?

У меня вырывается небольшой смешок. — Вопреки твоему мнению, ты не очень-то умеешь быть незаметным. Зато ты хорош в хоккее... по большей части.

— Черт. — Он схватился за сердце, как будто в него выстрелили. — Ты была моей девушкой всего двадцать минут, а уже оскорбляешь меня.

Я подбегаю к нему ближе и обхватываю его за шею, быстро целую. — Не волнуйся. Ты привыкнешь к этому.

— Ладно, Рочестер, — говорит он, используя прозвище, которое я давно не слышала. — Давай сделаем это интересным. У тебя будет три попытки забить в ворота. Если я заблокирую их все, я снова трахну твой рот.

Боже, это было так чертовски сексуально, когда он делал это, что вряд ли это похоже на наказание. — А если я забью?

Он ухмыляется так, что с меня сразу бы слетели трусики, если бы они могли. — Ты сможешь сидеть на моем лице столько, сколько захочешь.

Вот это да. Этого мы еще не делали, к сожалению, но, судя по тому, что я чувствую, когда он меня ест, я уверена, что это будет невероятно. И неограниченное количество его рта на моей киске - более чем достаточный стимул.

Тем не менее, я не хочу показаться слишком нетерпеливой.

— Ты не вратарь, — замечаю я.

Судя по его взгляду, он, как минимум, надеется на мою победу, и я вздрагиваю от этой мысли. — Тем больше у тебя шансов сделать это.

Я стою посреди льда, крепко держа клюшку в руках, пока он блокирует ворота. Я думаю, не сказать ли ему, что я играла против Кэма, когда мы были моложе. Но если он меня недооценивает, то в этом нет ничьей вины, кроме его собственной.

Он не сводит с меня взгляда, пока я веду шайбу и несусь к нему. Я пытаюсь использовать отсутствие щитков в своих интересах, но когда я бросаю, он блокирует шайбу

своим коньком.

Первый бросок не удался.

Второй бросок ненамного лучше, на этот раз он блокирует шайбу клюшкой.

— Последний шанс, Бланшар, — насмехается он.

Я взвешиваю возможные варианты развития событий. Если он победит, я знаю, что не буду возражать против того, чтобы он снова трахнул мой рот. Я никогда не могла себе такого представить, но задыхаться от его члена и видеть, какие эмоции это у него вызывает, было просто невероятно. Но он всегда будет вспоминать, как я не смогла забить ему гол.

Однако если я выиграю, то получу его рот на своей киске столько, сколько захочу. А возможность стереть самодовольную ухмылку с его лица - это дополнительный бонус.

Прости, детка.

Я отхожу чуть подальше, затем позволяю себе набрать скорость и хватаю шайбу на ходу. Хейс нахмуривает брови, наблюдая за мной. Видно, что он намерен заблокировать последнюю шайбу и выиграть пари, но когда я обманываю его справа и бью слева, шайба попадает прямо в ворота.

Он показывает язык и опускает клюшку, а я поднимаю руки вверх и радуюсь. Но как только я слышу, что он бежит за мной на коньках, я визжу. Я ничего не могу сделать, чтобы убежать от него. Он хватает меня, и клюшка падает на пол, когда он поднимает меня.

Когда он ставит меня обратно на лед, я поворачиваюсь к нему лицом и гордо улыбаюсь. — Я выиграла!

Его глаза скользят по моему лицу, и он кладет руки мне на щеки. — Я тоже.

Он нежно целует меня, но вскоре его поцелуй становится более жарким. Его рука скользит по моему боку и обхватывает мою задницу, заставляя меня выгнуть бедра навстречу ему. Я задыхаюсь и стону ему в рот.

— Ты же помнишь, что сказал тренер, — предупреждаю я. — Никакого секса на льду.

Он хмыкает, и я чувствую, что у него появляется идея, потому что он ухмыляется. — Да, но он ничего не сказал о раздевалках.

Эта ночь становится все лучше и лучше.

4

Хейс

Господь свидетель, я никогда не был из тех, кто хочет отношений, пока не появилась Лейкин и не перевернула все, что, как мне казалось, я знал. Но если бы кто-то сказал мне, что они такие, я бы, возможно, передумал. В тот момент, когда я осознал, что влюблен в Лейкин, я понял, что значительная часть меня хочет быть с ней.

Исключительно.

Официально.

Полностью.

В какой-то степени это пугало меня до смерти, потому что у меня заканчивались причины не быть с ней. Она продолжала вычеркивать каждую из них, как чертов список. Оглядываясь назад, я должен был понять, что у меня не было ни единого шанса.

Это должно было случиться, потому что мы созданы друг для друга.

Но теперь, когда это случилось, ты не услышишь от меня ни одной жалобы. Это чертовски здорово. Я получаю человека, который постоянно рядом, человека, с которым можно говорить обо всем и ни о чем одновременно, и секс по первому требованию. Плюс она приносит мне обед.

А все знают, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

Или это его член? Если нет, значит, так должно быть. Я просто говорю.

Лейкин сидит на прилавке серф-магазина, доедая картошку фри, когда у нее звонит телефон. На экране высветилась фотография ее мамы, и она ответила.

— Привет, мам, — говорит она. — Я не совсем уверена. А что?

За несколько секунд ее настроение меняется с десятки на твердую четверку. Именно в такие моменты меня бесит, что я слышу только одну сторону разговора.

— Хорошо, я хочу сказать, что сегодня вечером мне нужно обсудить кое-что с мистером Циммерманом. Мы можем поговорить об этом завтра? — Еще одна пауза, пока она слушает ее ответ. — Хорошо. Да, я тоже тебя люблю.

Она отключает звонок и закатывает глаза, но не делает никаких попыток объяснить. А я не из тех, кто просто так, без лишних слов, пускает все на самотек.

— Все в порядке?

Ее грудь вздымается, когда она делает глубокий вдох. — Наверное. Мои родители хотят поговорить со мной о моем *жизненном выборе*. Это означает, что они хотят поговорить со мной о том, когда я собираюсь поступать в колледж.

Мысль о том, что она уедет, ложится тяжелым грузом на мою грудь. Это не новая концепция, которую она обрушивает на меня. Она должна была уехать прошлым летом. Ей даже выделили общежитие. Но потом Кэма арестовали, и когда родители попытались уговорить ее поехать, она категорически отказалась. А ей уже исполнилось восемнадцать. Она была совершеннолетней и могла принимать самостоятельные решения.

Они ничего не могли сделать.

Наверное, я просто не понимал, что это все еще возможно. Как только я отдался на милость Кэму и признался, что влюблен в нее, вся эта идея вылетела у меня из головы. Единственное, о чем я думал, это о ней и обо мне.

— У них есть к тебе претензии? — проговорил я, стараясь казаться невозмутимым.

Она кивает. — То есть, я понимаю. Мы договорились, что я поеду, как только дело Кэма будет улажено, но что, если я не хочу идти в колледж? Это действительно так плохо?

— Ну, это зависит от обстоятельств, — говорю я ей. — Если это потому, что ты всерьез решила зарабатывать проституцией, то да. Но если у тебя есть настоящая мечта, которую ты хочешь осуществить, то я так не думаю.

— Есть, — признает она. — Или была. Я не знаю. Я хожу туда-сюда в этом вопросе.

Я наклоняю голову, чтобы заглянуть ей в глаза. — Что это?

Она сморщила нос и покачала головой. — Я не хочу этого говорить. Ты будешь смеяться

надо мной.

Она не знает, что я никогда не смогу смеяться над ней, не тогда, когда от ее слов зависит, останется ли она здесь со мной или покинет меня.

— Пожалуйста? Я рассказал тебе о своей.

Уголки ее рта приподнимаются, когда она вспоминает наше маленькое рандеву с полицейскими на аэродроме. В тот день я впервые осознал, насколько глубоки мои чувства к ней. Когда я действительно почувствовал, что меня поймали.

Наконец, она вздыхает. — Я хочу стать автором песен. — Ее глаза не встречаются с моими, пока я молчу, представляя, как она пишет любовные баллады, которые я добавляю в свой секретный плейлист песен, заставляющих меня думать о ней. — Все в порядке. Ты можешь смеяться.

— Ни в коем случае, — отвечаю я. — Тебе идет.

Она смотрит на меня и насмехается. — Это несбыточная мечта.

Я не могу удержаться от ухмылки. — Как и я, но ты меня поймала.

Мои слова вызывают у нее смех, и я чувствую, как ее настроение немного улучшается. — О, ничего себе. Это очень дерзко.

Выбросив остатки обеда в мусорное ведро, я наклоняюсь вперед и быстро целую ее. — Это твои слова, а не мои.

Хотел бы я сказать, что самым худшим в том, что Айзек сломал мне нос, была боль. Хруст, который я услышал при его ударе, был не из приятных. Но, честно говоря, хуже то, что мне приходится носить на лице защитную повязку во время тренировок. Тренер чуть было не запретил мне играть вообще, но этот аргумент сопровождался достаточным количеством ругательств и угроз жизни Айзека, и он передумал.

Кстати, об этом придурке: я оглядываюсь и замечаю, что его все еще нет. Я подумал, что тренер отстранил его за этот инцидент, но он уже должен был вернуться.

— Оуэн, — зову я. — Где Айзек?

Он нахмурился. — Кэм тебе не сказал?

— Что не сказал?

Осознание заполняет его лицо. — Ах да. Он все еще не разговаривает с тобой. Черт, он умеет держать обиду.

Ага, но я не собираюсь говорить о нем гадости. — Это не ответ на мой вопрос.

— Айзек, точно, — кивает он. — Он ушел. Кэм выгнал его из команды за то, что он разбил тебе нос.

Из всех ответов, которые я мог ожидать от него, этот я не рассматривал. — Серьезно?

— Да, чувак. После того как ты ушел, он зашел в кабинет тренера и накричал на него, что он хочет, чтобы Айзек ушел. Он сказал, что если Айзек останется в команде, то он уйдет.

А ни один тренер никогда не позволит себе потерять одного из своих лучших игроков. — Он направляется к двери в раздевалку. — Айзек очень зол, так что на твоём месте я бы присматривал за ним.

— Я так и сделаю, — говорю я. — Спасибо.

Оставшись один в пустой раздевалке, я даю себе лишнюю минуту, чтобы обдумать то, что он мне только что сказал. Кэм все еще не разговаривает со мной, и я, честно говоря, не уверен, что он вообще когда-нибудь заговорит. Но если я думал, что он ненавидит меня, то это доказывает обратное.

Он может быть в ярости, но он все еще прикрывает меня.

Я достаю из кармана телефон и быстро набираю сообщение.

Слышал, из-за тебя Айзека выгнали из команды. Просто хотел сказать спасибо.

Положив его, я беру сумку и выхожу. Но когда я уже подхожу к машине, мой телефон пищит, и на экране появляется ответ от Кэма.

Я сделал это не для тебя.

Это должно было послужить пощечиной, но от этого моя ухмылка только расширилась, потому что мы с ним оба знаем, что он полон дерьма.

Я въезжаю на свою подъездную дорожку и глушу двигатель. Всю дорогу до дома я думал о том, как прошла тренировка без Айзека, теперь, когда я знаю, что это навсегда. И изменения действительно произошли. Он не ведет себя как мудак и не оскорбляет окружающих. Мы все ладим друг с другом, а это именно то, что нужно в команде.

Как только мы с Кэмом вернемся на круги своя, мы будем просто непобедимы.

Кажется, что все встает на свои места. У меня есть девушка моей мечты. Самая большая заноза в моей заднице исчезла. И пусть мой лучший друг сейчас со мной не разговаривает, но это был тот самый знак, который мне был нужен. Тот самый знак, который говорит мне, что все будет хорошо.

Может быть, я все-таки смогу иметь обоих.

У меня такое хорошее настроение, что я бодро шагаю к крыльцу. Но как только я открываю дверь, я понимаю, что что-то не так. Моя мама сидит в гостиной с Девин, и я не знаю, из-за чего — из-за щечек сестры, залитых слезами, или из-за серьезного выражения маминого лица, но мой желудок опускается.

— Что случилось? — осторожно спрашиваю я.

Мама грустно улыбается, и это возвращает меня в тот день, когда она наконец сказала нам, что папа не вернется. — Присаживайся, Эйч.

Я нахмуриваю брови, обходя диван и садясь рядом с Девин. Она прислонилась ко мне, как обычно делала, когда мы были детьми и ей нужен был кто-то, на кого она могла бы положиться. Я знаю, что бы это ни было, это не может быть хорошо.

— Сегодня заходил Лоуренс Гент, — сообщает мне мама, ее голос дрожит, когда она говорит.

Этого имени я давно не слышал. Лоренс - лучший друг моего отца, или, по крайней мере, *был* им в последний раз, когда я его видела. Но это не объясняет, почему он должен был приехать сюда. Разве что... *черт*.

— Скажи это, — говорю я ей. — Мне нужно услышать слова.

Она делает глубокий вдох, ее глаза полны сочувствия. — Твоего отца больше нет. Он скончался.

Когда я был ребенком, я слышал, как мои родители ругаются за стенкой. Отец приходил домой в очередной раз пьяный, а мама кричала на него, что он кусок дерьма. Что он тратит все их деньги на выпивку.

Ты напьешься до смерти и оставишь этих детей без отца, — говорила она.

Никогда не знал, что моя мать - экстрасенс. Хотя он оставил нас без отца задолго до того, как окончательно спился до полного отказа печени.

Помню, я был в таком смятении, когда он ушел. Мне кажется, я неделями перебирал все в голове, размышляя, что я сделал не так или что я мог сделать по-другому, чтобы он остался. Когда я стал старше, я понял, что я тут ни при чем, а все дело в нем самом. Он был эгоистичным мудаком, который предпочел алкоголь собственной плоти и крови. Но, блин, будучи пятнадцатилетним пацаном, я очень сильно корил себя за это.

Даже когда прошли годы, и я смирился с тем, что он не вернется, все равно были моменты, когда я думал об этом. Я представлял, что скажу, если он войдет в дверь, или если он позвонит мне. Я никогда не говорил об этом маме, но в течение двух недель после своего дня рождения я каждый день проверял почтовый ящик в надежде, что там окажется открытка от него.

Но открытки так и не было.

И теперь уже никогда не будет.

Я сижу на крыльце с зажженной сигаретой в руке, когда дверь распахивается и из нее выбегает Девин. Она проходит мимо меня и направляется к своей машине, которая вылетает с подъездной дорожки, как летучая мышь из ада. Я оглядываюсь на дверь и вижу, что моя мама стоит там с лицом, полным отчаяния.

— С ней все будет в порядке, — уверяю я ее, чтобы успокоить ее нервы. — Просто ее эмоции сейчас немного бушуют.

Я знаю, потому что мои тоже.

Я не думаю, что когда-либо было время, когда я был настолько противоречив. Даже во времена тяни-толкай с Лейкин. Какая-то часть меня хочет грустить. Это тот пятнадцатилетний ребенок, который все еще мечтает, чтобы его семья снова стала целой,

когда он задувает свечи на торте в свой день рождения. Но я не могу найти в себе силы для этого.

Он не заслуживает того, чтобы я расстраивался. Или даже того, чтобы меня волновало, что его больше нет. Его так мало было в нашей жизни, что он уже полгода как умер, а мама узнала об этом только потому, что его лучший друг зашел сообщить ей об этом. Он сказал, что у него осталось имущество, которое перешло нам в наследство, и ему нужно, чтобы мы с Девин зашли к нему в офис и забрали наши чеки.

По словам мамы, около года назад он сорвал большой куш в каком-то казино, и на эти деньги упился до беспамятства. Но он умер, не успев все потратить, и, поскольку мы его дети — по крайней мере, биологические — наследство по умолчанию переходит к нам.

Это какая-то шутка, потому что мне это на хрен не нужно.

Лейкин подъезжает к дому, и я встаю, бросаю сигарету, над которой слишком долго корпел, чтобы закурить, и иду к ее машине. Как только она выходит из нее, я притягиваю ее к себе и крепко обнимаю.

— Привет, — ласково говорит она.

Интересно, знает ли она, как сильно меня расслабляет даже звук ее голоса? Как только я вышел за дверь, телефон был прижат к уху. Я сказал Лейкин, что она мне нужна, и на этом разговор закончился. Все остальное не имело значения. Она просто села в машину и потащила свою задницу ко мне домой.

Я мысленно добавляю это к бесконечному списку причин, по которым я буду любить ее до конца своей жизни.

Она терпеливо ждет, обнимая меня в ответ и ожидая, когда я сам решусь отпустить ее. Когда я наконец это делаю, она смотрит на меня с тревогой.

— Что происходит? — спрашивает она.

Кивнув в сторону моего грузовика, она следует за мной, пока я иду и опускаю заднюю дверь. Мы садимся вдвоем, и она терпеливо ждет, когда я ей все расскажу, пока молчание не становится слишком невыносимым.

— Хейс, ты меня немного пугаешь, — говорит она мне.

Я сглатываю комок в горле, наконец-то позволяя себе произнести эти слова вслух. — Мой... мой отец умер.

Она тяжело вздохнула. — Боже мой. Эйч.

Включились мои «защитные механизмы», и я покачал головой, метафорически отмахиваясь от этого. — Нет, все в порядке. То есть, не все в порядке, но последние шесть лет он все равно был как будто мертв, так что это не такая уж большая перемена.

Ее рука мягко ложится на мою. — Да, но то, что его не было рядом, не значит, что ты не можешь расстраиваться из-за этого.

— В том-то и дело. Я не расстроен, — признаюсь я, слыша, как бессердечно это звучит. — Я просто злюсь. Пока мы с Девин росли, а мама вкалывала, чтобы обеспечить нас, он где-то там пропивал свою жизнь - даже не пытаюсь ее наладить. Его вполне устраивало быть таким же никчемным ничтожеством, который бросил свою семью. И вот теперь мы узнаем, что он оставил нам с Девин наследство, как будто деньги компенсируют последние шесть лет.

Вытащив из кармана сложенный лист бумаги, я протягиваю его ей. Она осторожно открывает его, и ее глаза расширяются, когда она видит цифры.

— Ничего себе, откуда у пьяницы столько денег?

— От казино, потому что пока ты играешь, ты пьешь бесплатно. — Я скомкал бумагу и бросил ее в кузов грузовика. — Не знаю. Думаю, я просто позволю Дэв получить мою долю. Он не получит никакого утешения в аду от того, что он сделал хоть что-то, чтобы помочь мне.

Она смотрит на меня с теплом и лаской в глазах. — Если ты хочешь поступить именно так, я тебя полностью поддерживаю. Нет правильного или неправильного способа исцелиться от травмы, которую он нанес тебе и твоей сестре. Но формально эти деньги исходят не от него. Он не писал завещания и не решал отдать их вам по доброте душевной. Деньги получены от кучки людей в офисе, чья единственная работа заключается в том, чтобы выяснять, куда девать дерьмо, когда кто-то умирает.

Я понимаю, что она права, но это никак не облегчает тяжесть в моей груди. — Я все еще чувствую себя грязным. Как будто я позволяю ему купить мое прощение на том свете или что-то в этом роде.

— Никто не ждет, что ты его простишь, детка. И даже не просит тебя об этом, — спокойно говорит она. — Я не думаю, что кто-то, кто знает, через что ты прошел, стал бы это делать. На это можешь решиться только ты сама. Но позволь мне спросить тебя кое о чем.

— Что?

— Что бы ты делал, если бы твой отец не ушел?

Я поднял брови. — Ну, у меня было бы гораздо меньше проблем с обязательствами.

Она посмеивается, натыкаясь своим плечом на мое. — Я имею в виду деньги.

Впервые с тех пор, как мама сообщила мне новость, я позволил себе подумать об этом, но это не заняло много времени.

— Я бы использовал эти деньги для покупки бара, — отвечаю я.

— Тогда лично я думаю, что тебе стоит это сделать. — Она спрыгивает с грузовика и встает передо мной, располагаясь между моих ног и глядя мне в глаза. — Он украл достаточно твоей радости. Это твой шанс вернуть ее себе.

Мой взгляд не отрывается от нее, и я не думаю, что когда-нибудь наступит время, когда я не буду восхищаться всем, что она собой представляет. Она такая спокойная, такая заботливая, что иногда я могу только восхищаться ею.

— Знаешь, меня немного раздражает то, что ты всегда говоришь мне то, что я хочу услышать, — язвительно заметил я.

Она улыбается, тихонько хихикая. — Ты это переживешь.

Я обнимаю ее за плечи и притягиваю к себе. Она вздыхает, прижимаясь ко мне, а я целую ее в макушку. Если когда-нибудь наступит время, когда эта девушка станет всем, что у меня есть, я справлюсь, потому что она - все, что мне когда-либо будет нужно.

Я сижу в своем грузовике и смотрю на офис адвоката, словно если я буду делать это достаточно долго, то проснусь, и все это окажется каким-то странным сном. Весь остаток вчерашнего дня я был в порядке. Лейкин была рядом, поддерживала меня и отвлекала, когда мне это было нужно. Ей даже удалось поднять настроение маме и Девин. Я не знаю, как - это просто часть ее магии. И я смог заснуть, потому что она была рядом, положив голову мне на грудь и поглаживая большим пальцем мой живот взад-вперед. Но теперь, когда я сижу здесь, я не могу объяснить, что я чувствую.

Надо было взять ее с собой.

Это бесполезная мысль. Этот офис находится в часе езды. И хотя я уверен, что она приедет, если я ей позвоню, я не собираюсь заставлять ее ехать в такую даль только для того, чтобы у меня хватило сил подписать эту чертову бумагу. У меня нет другого выбора, кроме как сделать это самому.

Сделав глубокий вдох, я выдыхаю и заставляю себя выйти из машины. Как только я вхожу в дверь, секретарша приветствует меня со своего стола.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Думаю, да, — отвечаю я. — Я ищу Лоуренса Гента. Мне нужно кое-что забрать.

Она одаривает меня профессиональной улыбкой. — Присаживайтесь, я сообщу ему, что вы здесь.

— Спасибо.

Пока я сижу и жду, я осматриваю помещение. На стенах развешаны предметы декора и фотографии, но все цвета кажутся такими скучными. Но, опять же, среди юристов нет ничего красочного или веселого, так что, думаю, это вполне уместно.

— Хейс.

Когда меня окликнули по имени, я поднял голову и увидел идущего ко мне Лоренса. Прошло много лет с тех пор, как я его видел, но я помню, что он часто бывал рядом, когда я был моложе. Даже после ухода отца он несколько раз заходил к маме, чтобы помочь ей с делами, но это заставляло Девин спрашивать, где папа, и они решили, что лучше ему больше не появляться. А потом они просто... потеряли связь.

— Парень, — говорит он мне, когда я встаю. — Не думаю, что я ожидал, что ты будешь выглядеть таким взрослым.

— Ну да. Такова жизнь.

Может быть, это и кратко, но меньше всего мне хочется вести светскую беседу с парнем, который все еще оставался рядом с моим отцом после того, как тот бросил свою семью. Мама всегда говорила, что он чувствовал себя обязанным ему. Что они так долго дружили, что он не мог просто бросить его, когда тот был ему так нужен. Но почему бы и нет? Именно так мой отец и поступил с нами.

Он ведет меня в комнату с конференц-столом, окруженным стульями. Там разложены бумаги с указаниями, где что подписывать, и он жестом приглашает меня сесть.

— Твои мама и сестра присоединятся к нам? — спрашивает он.

— В другой день. Мама хочет прийти с ней, чтобы все прочитать, но ей сегодня надо было работать. — Я предложил подождать, пока мы сможем прийти все вместе, но они сказали, чтобы я шел, зная, что я хочу побыстрее покончить с этим.

Он кивает. — Понятно. Все будет здесь, когда они будут готовы.

Один за другим он начинает протягивать мне бумаги на подпись.

Бумагу, в которой говорится, что у моего отца не было завещания и что деньги,

которыми он располагал на момент смерти, были определены судом Северной Каролины по завещанию.

Документ, в котором говорится, что я признаю и согласен с решением суда разделить деньги поровну между его детьми.

Документ о том, что я получил свою часть денег в соответствии с требованиями закона, предъявляемыми к душеприказчику наследства.

И, наконец, заявление о том, что я не планирую и не намерен пытаться отсудить у фонда больше денег, хотя их и не будет после того, как мы с Девин обналичим наши чеки.

Я подписываю свое имя в каждой из необходимых строк, в других местах ставлю инициалы. Но я обязательно внимательно читаю их все. Из-за этого я провожу здесь больше времени, чем нужно, но моя мама наложила бы на меня руки, если бы узнала, что я подписываю юридические документы, не читая их.

— Знаешь, твой отец очень гордился тобой, — говорит Лоренс, нарушая молчание.

Я фыркнул. — Не очень понимаю, как можно гордиться человеком, с которым у тебя нет ничего общего, но ладно.

Он откинулся в кресле, ничуть не задетый моим ответом. — Я знаю, что ты чувствуешь по отношению к нему, и я уважаю это. Я не хочу, чтобы ты думал, что я не уважаю. Я много лет дружил с твоим отцом. Он совершал ошибки, я этого не отрицаю, но у него были свои проблемы.

Он делает паузу, чтобы взять у меня один из подписанных документов, затем продолжает.

— Ты можешь не верить ни одному моему слову, но он очень любил тебя и Девин, независимо от того, был он рядом или нет. Он просто боролся с демонами, которых, по его мнению, лучше держать как можно дальше от вас двоих.

Я, честно говоря, не знаю, что на это ответить, поэтому вообще ничего не говорю. Мой взгляд пробегает по остальным документам, и я подписываю их, готовый убраться из этого места. А когда я закончил, он протягивает мне чек на сумму большую, чем я когда-либо получал за всю свою жизнь.

— Есть еще кое-что, — говорит он мне, как только я собираюсь уходить.

Он встает, заходит в другой кабинет и выходит оттуда с деревянной коробкой. Я смотрю на нее, пока не вижу имя моего отца, выбитое на ее верхней части. *Его гребаный прах.*

— Да, мне это не нужно, — говорю я ему. — Почему бы тебе не оставить его себе? Раз уж вы были такими близкими друзьями.

Он качает головой. — Он специально попросил отдать его тебе.

— Это, конечно, здорово, но если честно, то я просто выброшу их в мусорное ведро, когда буду уходить. — Тут уж ничего не поделаешь. Никакой игры в доброту. Мне это не нужно.

Лоренс пожимает плечами. — Если это твой выбор, то пусть будет так.

Очевидно, что он не позволит мне уйти отсюда, не забрав эту чертову коробку. Ну ладно. Если он не против, чтобы прах его лучшего друга оказался где-нибудь на свалке, я не буду больше задавать вопросов. Я беру коробку одной рукой и натягиваю на лицо улыбку.

— Приятно видеть, что у тебя все хорошо, — искренне говорит он.

Я киваю, бормоча слова благодарности, но, собираясь выйти за дверь, останавливаюсь. — Вообще-то, могу я спросить тебя кое о чем?

— Конечно. Что ты хочешь знать?

— Вы сказали, что он хотел, чтобы его прах был передан мне, так что он, очевидно, знал, что умирает, — начинаю я.

Он кивает. — Знал. Да.

— Так зачем же говорить нам об этом сейчас? — спрашиваю я. — Зачем ждать полгода после его смерти, чтобы сообщить нам, что его больше нет? Почему вы не вышли на связь, когда он умирал?

Выражение его лица говорит о том, что он ожидал этого, и его ответ прост. — Потому что он просил меня не делать этого. Он знал, что подвел вас, уехав, и сказал, что вы ничего ему не должны. Ни прощания. Ни похорон. И уж точно не прощения.

Его слова задели слабое место, но я заставил себя не обращать на это внимания. — Тогда почему не сразу после?

— Оформление наследства в большинстве случаев занимает от шести месяцев до года, — объясняет он. — Я не думаю, что вы заслуживаете того, чтобы это висело у вас над головой так долго. Таким образом, вы сможете справиться со всем сразу. Горе не будет возвращаться каждый раз, когда появляется информация о состоянии его имущества.

Я хмыкнул, немного забавляясь его словами. — Не обижайтесь, но никакого горя нет. Я отказываюсь скучать по тому, кто никогда не скучал по мне настолько, чтобы опустить эту чертову бутылку.

Он кивает в знак понимания, но ничего не говорит, когда я разворачиваюсь и направляюсь к двери.

Как только я выхожу на улицу, я ищу ближайший мусорный бак. Один из них находится прямо на углу здания, где люди обычно устраивают перекуры. Я подхожу к нему, твердо решив положить его пепел туда, где место такому мусору, как он. Но когда я открываю коробку, чтобы высыпать прах, я останавливаюсь.

Слова Лоренса звучат в моей голове, и я не могу этого сделать. Как бы я ни старался, я просто не могу выбросить его.

Сдавшись, я закрываю коробку и иду к своему грузовику. Залезаю в него, кладу чек и коробку на пассажирское сиденье и с минуту смотрю на них, а затем усмехаюсь.

— Пошел ты, старик.

5

Лейкын

Внутри меня нарастает беспокойство, когда я в пятый раз за семь минут проверяю часы.

Последний раз я слышала от Хейса, что он едет в офис адвоката. Как бы он ни делал вид, что ничего не чувствует от известия о смерти отца, я на это не куплюсь. Его отец отнюдь не был хорошим человеком, но дети предрасположены любить своих родителей. Ошибки, которые он совершил, и травмы, которые он нанес, не меняют пятнадцать лет, в течение которых Хейс любил своего отца.

Я просто боюсь, что он сломается, и меня не будет рядом, чтобы поймать его, когда это произойдет.

Проходит еще десять минут, прежде чем я сдаюсь и отправляю сообщение Девин.

Привет, ты что-нибудь слышала от своего брата?

Она отвечает не сразу. Я провожу пальцами по волосам и дергаю за пряди. Я не могу сидеть спокойно. Я не могу думать ни о чем, кроме Хейса. Наконец, когда я начинаю расхаживать по комнате, я чувствую, что мой телефон вибрирует в руке.

Нет, с тех пор как он ушел этим утром. Все в порядке?

Я не уверена. Он не отвечал мне некоторое время.

Возможно, он просто выпускает пар. Он вспыльчивый. Дай ему время. Я уверена, что он выйдет на связь.

Я знаю, что она, наверное, права, но я все еще не могу избавиться от ощущения, что что-то не так. С тех пор как он рассказал Кэму о нас, не было ни одного дня, чтобы он не ответил на мое сообщение. Не отвечать на звонки - это просто на него не похоже. Больше нет. И поскольку он должен был выйти из офиса адвоката с большим чеком, я не думаю, что я зря беспокоюсь.

Проходит всего десять минут, прежде чем я решаю позвонить в офис адвоката, но когда мне говорят, что джентльмен, которого я ищу, ушел около часа назад, это не помогает мне чувствовать себя намного лучше.

— Хорошо, — говорю я себе, садясь на кровать. — Вероятно, он просто едет домой с музыкой, достаточно громкой, чтобы не слышать свой телефон. Не сходи с ума.

На четвертом часу мои ободряющие речи вылетают в окно. И мама, и сестра пытались дозвониться до него, но остались без ответа. Они сказали, что для Хейса это не редкость. Исчезнуть, когда в доме творится какая-то неразбериха, - это, видимо, его особенность. Но со мной он так никогда не поступал.

— Я тебе говорю, — говорю я Мали, пытаюсь войти в его Apple ID, чтобы проверить его местоположение. — Что-то не так.

Неверный пароль.

Когда я захожу, чтобы попробовать еще раз, он блокирует меня на пять минут. Я крепко

сжимаю телефон и уже собираюсь бросить его от чистого разочарования, но тут вмешивается Мали.

— Лейкин, остановись. — Она забирает у меня телефон и кладет его на стойку. — Тебе нужно дышать.

— Ты что, не понимаешь? Я не могу дышать. — На моих глазах выступают слезы. — Что, если с ним что-то случилось? Что, если он где-то там, ранен и нуждается в помощи, но никто его не ищет?

Моя паника не проходит, но Мали привыкла к этому со мной. Она берет мою руку и кладет ее себе на грудь.

— Ты будешь дышать со мной, хорошо?

Я киваю, и она медленно начинает глубоко дышать. Закрыв глаза, я сосредотачиваюсь на движении ее груди, когда мы дышим вместе, пока, наконец, не чувствую, что снова контролирую ситуацию.

— Спасибо, — говорю я ей.

Она обнимает меня и прижимает к себе. — Просто расслабься, детка. Я уверена, что все в порядке.

Кэм спускается по лестнице как раз в тот момент, когда я вытираю слезы с глаз. — Что с тобой?

— Я не могу найти Хейса, — выдыхаю я. — Он не отвечает на звонки.

Он насмехается, качая головой с шутливым выражением лица. — Вот почему я сказал ему не связываться с тобой. Это дерьмо - единственные ответы, когда он хочет чего-то - это то, что он делает с девушками. Он усмехается, качая головой с юмористическим выражением на лице. — Вот почему я сказал ему не прикасаться к тебе. Это дерьмо - *отвечает-вам-только-тогда-когда-ему-что-то-нужно* - это то, что он делает с девушками.

Я качаю головой. — Нет. Это не то, что сейчас происходит.

— Как скажешь, — ворчит он. — Тогда не слушай меня. Поступай как знаешь. Но я не хочу слышать, когда он разобьет тебе сердце, потому что ему стало скучно.

Да, сейчас я точно не в настроении слушать его дерьмо.

— Ты можешь заткнуться нахрен? — Я огрызаюсь, не обращая внимания на то, что мама укоряет меня за мой язык из другой комнаты. — Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Ах, это я не имею? Я его лучший друг, — возражает он.

Скрестив руки на груди, я встречаюсь с ним взглядом. — Правда? Потому что, судя по тому, что я наблюдаю последние две недели, ты ни хрена так себя не ведешь. Держу пари, ты даже не знаешь, что его отец умер, не так ли? Или что сегодня он поехал за чеком на наследство и что он отвечал мне до тех пор, пока не сказал, что он в офисе и позвонит мне после, а потом замолчал? Ты утверждаешь, что ты его лучший друг, но в последнее время ты был действительно чертовски дерьмовым другом, если хочешь знать мое мнение.

— Лейкин Роуз! — кричит моя мать. — Следи. За. Своим. Языком!

— Следи за своим языком, — насмехаюсь я, сытая по горло всем этим дерьмом. — Гребаный черт, черт, черт.

— Что, черт возьми, ты только что сказала? — рычит мой отец.

Мали быстрым движением закрывает мне рот. — Ничего! Она ничего не сказала. — Через мгновение она убирает руку и вздыхает. — Ты собираешься получить наказание на

свою задницу, и тогда не будет иметь значения, сможешь ты найти Хейса или нет.

От такого отношения я закатываю глаза, но в глубине души понимаю, что она права. Она заботится исключительно обо мне. И когда мои эмоции утихнут, я поблагодарю ее за это.

А пока я оглядываюсь по сторонам и замечаю, что брата нет.

— Куда ушел Кэм? — спрашиваю я.

Мали пожимает плечами. — Он схватил ключи и выскочил за дверь, пока ты была занята демонстрацией своего красочного словарного запаса.

Конечно, он так и сделал. Он всегда был чертовым трусом, когда дело доходило до того, что ему приходилось сталкиваться с дерьмом, с которым он не хотел иметь дело. Я люблю его, но это не значит, что иногда мне не хочется его придушить. А в последнее время он ведет себя исключительно раздражающе.

Вернувшись к поставленной задаче - войти в Apple ID Хейса, я сделала еще одну попытку.

Неверный пароль.

— Сукин сын, мать его, — бормочу я себе под нос, а Мали предупреждающе поднимает брови.

Как будто она не говорит хуже.

6

Хейс

Я смотрю, как волны разбиваются о берег. Давненько я сюда не приходил. Старая дрянная кафешка с мороженым закрылась несколько лет назад, но ее стены еще сохранились. После отъезда отца я приходил сюда, чтобы подумать. Чтобы дать себе минуту, когда не нужно притворяться сильным. Я забирался на крышу и сидел на этом карнизе, свесив ноги с края, и просто смотрел на океан.

Наверное, старые привычки действительно не умирают.

Мой телефон зазвонил, пополнив список уведомлений, но я не могу заставить себя посмотреть на него. Во мне бурлит столько разных эмоций. Эмоций, в которых я не могу разобраться.

Обида.

Злость.

Хаос.

Смятение.

Все как вчера, только сильнее.

Я уверен, что если бы я ответил на один из звонков Лейкин, она смогла бы привести меня в чувство, но сейчас я просто не могу. Мне нужно это прочувствовать. Это все то, что я заставил себя заблокировать после того, как смирился с тем, что он никогда не вернется. И хотя я уже тогда знал это, все еще оставался тот маленький лучик надежды.

Часть меня задается вопросом, не беспокоило бы меня это меньше, если бы он наладил свою жизнь. Если бы в нас было что-то такое, что заставляло его пить до потери сознания каждую ночь. По крайней мере, тогда мне было бы на что все свалить, а не пришлось бы смиряться с тем, что он просто любил алкоголь больше всего на свете.

Я думаю, что самое страшное - это вспоминать те времена, когда он не был пьян. Когда я был маленьким, и он был настоящим отцом. И хотите верьте, хотите нет, но он был хорошим отцом. Он купил мне мою первую хоккейную клюшку после того, как мы вместе посмотрели игру по телевизору. Боже, он был так чертовски горд, когда пришел на мою первую игру.

Мои родители всегда выглядели такими счастливыми вместе. Папа приходил домой каждый день зарплаты с букетом цветов, чтобы показать маме, что он ее любит. А когда Девин начинала ревновать, он вырывал один из них и протягивал ей. Но ей было всего семь лет, когда он начал пить.

Они поддерживали видимость, создавая видимость любящей семьи, но внутри этих четырех стен был ад. Мама никогда не рассказывала нам, что привело его к пьянству. Она всегда говорила, что это не то бремя, которое мы должны нести. Я помню только, как однажды он пришел домой и, спотыкаясь, вошел в дверь, пьяный в стельку. И дальше было только хуже.

Ссоры были самым тяжелым моментом. Все эти крики, которые доносились сквозь стены, как бы мама ни старалась не шуметь. Я ограждал Девин от этого, как мог. Она думала, что я просто классный старший брат, который хочет послушать с ней музыку, танцуя по комнате или прыгая на кровати. Не думаю, что она когда-либо понимала, что я просто пытался оградить ее от этого.

Потом пришло время, когда он ушел, и звук захлопнувшейся двери преследовал меня несколько месяцев.

Мама была эмоциональной катастрофой, плакала каждую ночь после того, как провела день, будучи сильной для нас. Дом, который когда-то был таким любящим и теплым, теперь превратился в кошмарный «день сурка», который, казалось, никогда не закончится. Девин не могла понять, что он не вернется, и я остался единственным мужчиной в доме.

Скажу вам, что пятнадцать лет - слишком юный возраст для такой ответственности. Я все еще пытался понять, кто я такой, когда мир, который я знал, был вырван у меня из-под ног. Вся ложь, которую я говорил себе — что со временем все наладится, — полетела к чертям вместе со всем остальным, что, как мне казалось, я знал.

Но если он был таким дерьмовым человеком, почему я чувствую, что что-то потерял?

Звук, с которым кто-то поднимается по стене здания, едва уловим, пока я смотрю на океан, но я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть, кто это. Только один человек знает об этом месте. И когда Кэм садится рядом со мной с упаковкой пива, он открывает одну и протягивает ее мне.

— Спасибо, — тихо говорю я.

Мы сидим в тишине, позволяя холодному пиву бороться с жарой, проникая в наши

глотки. Это немного иронично - пить, чтобы смириться с потерей отца-алкоголика, но Девин постаралась вбить мне в голову, что я совсем не такой, как он. Дело в том, что я хочу быть таким.

Не в том смысле, что он бросил свою семью. Я говорю о том отце, который играл со мной в хоккей на улице и учил меня зашнуровывать коньки. О том, кто танцевал с моей мамой посреди гостиной только потому, что знал, что это заставляет ее улыбаться.

Вот на кого я хочу быть похожим.

Это тот, о ком я скорблю.

Мой телефон снова звонит, разрезая тишину, как нож, но я не делаю ни малейшего движения, чтобы посмотреть на экран.

— Они беспокоятся о тебе, знаешь ли, — говорит мне Кэм.

Я делаю еще один глоток пива. — Нет причин для беспокойства. Я в порядке.

Он фыркает. — О, да. Потому что, если ты уходишь в себя и часами не отвечаешь на звонки, это говорит о том, что ты в полном порядке.

Ему ничего не стоит заставить меня улыбнуться. — Ты такой придурок.

Когда я допиваю одну и поворачиваюсь, чтобы заменить ее на другую, мы снова затихаем. Но я никак не могу разобраться во всем, что проносится у меня в голове. Меня как будто разрывает пополам.

— Я даже не знаю, почему меня это сейчас волнует, — признаюсь я. — Ведь ему было наплевать на меня, почему же мне должно быть не наплевать на него?

— Потому что ты человек, и тебе не все равно, даже если ты думаешь, что не должен, — отвечает Кэм. — Это не делает тебя плохим человеком или наивным, если тебе не все равно. Это просто говорит о том, что ты лучше, чем он.

— Разве это плохо, что я не хотел, чтобы он умер? Что я на самом деле злюсь, что он не шатается где-то пьяный?

Он покачал головой. — Нет. Ты чувствуешь ту же потерю, что и шесть лет назад, но в этот раз она более постоянная. Это понятно, по крайней мере, для меня.

Я медленно киваю, а затем пожимаю плечами. — Думаю, просто я не могу смириться с тем, что не ненавижу его так же сильно, как несколько дней назад. До того, как я узнал, что его больше нет.

— Потому что ты его больше не ненавидишь. — Он говорит это так, как будто это самая очевидная вещь в мире для всех, кроме меня. — Ты ненавидел. Я знаю, что ненавидел. И я уверен, что какая-то часть тебя все еще ненавидит. Но пьяница, которого ты ненавидел, умер, и все, что осталось, - это то, что ты решил запомнить. Алкоголик - это тот, кто ушел от вас, но отец, о котором у тебя еще остались какие-то воспоминания, тоже умер. Это не делает тебя хуже, если ты чувствуешь боль от этого.

Пока я наблюдаю за кораблями на горизонте, я впитываю в себя его слова, и каждое его высказывание становится для меня настоящим спасением. Чем больше я думаю об этом, тем больше я понимаю. Может быть, я и не понимаю всего того, что чувствую, но то, что сказал Кэм, определенно помогает мне чувствовать себя лучше. Я уже не собираюсь саморазрушаться от хаотичной ярости.

— Спасибо, чувак, — искренне говорю я.

— Нет проблем, — отвечает он, и снова включается сигнал текстового сообщения. — Но ради Бога, ответь моей сестре, пока у нее не случился инсульт.

Сжавшись, я достаю свой телефон и вижу бесконечную череду уведомлений. Я

открываю сообщение Лейкин и набираю текст - позже я прочитаю все, что она прислала.

Я в порядке. Я люблю тебя.

Я отправляю быстрое сообщение в групповой чат с мамой и Девин, а затем кладу телефон обратно в карман.

— Ну что, у нас все в порядке? — спрашиваю я, потому что если, когда мы уедем отсюда, он снова начнет меня ненавидеть, я думаю, что предпочту остаться еще ненадолго.

Он закатывает глаза. — Не могу сказать, что мне это нравится. От одной мысли о том, что вы с Лейкин вместе, мне хочется промыть мозги кислотой.

Я не могу удержаться от смеха, потому что понимаю его. Я бы чувствовал то же самое, если бы узнал, что он переспал с Девин. Но через минуту мы оба снова становимся серьезными, так как вокруг становится тихо.

— Мне нужно беспокоиться о том, что ты причинишь ей боль? — спросил он через минуту.

Я, не задумываясь, качаю головой. — Я без ума от нее.

Он медленно кивает, поворачивает голову прямо и делает еще один глоток. — В таком случае, думаю, мне придется научиться справляться с этим.

Облегчение захлестывает меня, заглушая все те чувства, с которыми я боролся до этого. Я люблю Лейкин. Правда, люблю. И если бы она была всем, что у меня есть, я знаю, что все было бы хорошо. Но если у меня есть она и мой лучший друг, то ничто не сможет меня сломить.

— Эй, — подталкиваю я его. — Она не сможет на тебя разозлиться, если ты сейчас пойдешь за Мали.

Кэм фыркает, поднимая на меня бровь. — Это и был твой главный козырь?

— Это все, что у меня есть, — говорю я, пожимая плечами, и он шутливо качает головой.

Мы встаем и подходим к лестнице технического обслуживания, спускаясь вниз. Но когда мы начинаем возвращаться к своим машинам, мне в голову приходит идея.

— Ты не хочешь стать владельцем бара вместе со мной?

Он смотрит на меня. — Ты серьезно?

Я киваю. — Да. Когда он умер, на его счету оставалась приличная сумма денег, и я хочу открыть бар на свою половину. Но я не думаю, что смогу справиться с этим самостоятельно.

Выражение его лица становится задумчивым, пока он размышляет об этом. — Думаю, это то, с чем я могу согласиться.

Я могу не знать, куда приведет меня будущее, но у меня есть ощущение, что оно будет прекрасным. Лейкин была права в том, что я могу вернуть себе часть той радости, которую он украл у меня.

Лейкэн

Опираясь на кухонный остров, я смотрю на пять слов, которые он прислал. Я перечитываю их снова и снова. Как раз перед тем, как он ответил, я была в нескольких секундах от того, чтобы собрать всех наших друзей и организовать поисковую группу. Слишком драматично? Может быть. Но я волновалась. И, честно говоря, до сих пор волнуюсь. Сообщение помогло, но сейчас мне нужно быть в его объятиях.

Приглушенный звук двух голосов снаружи привлекает наше с Мали внимание. Мы обмениваемся растерянными взглядами, когда дверь открывается и входит Кэм, а за ним Хейс.

— Почему бы и нет? — простонал Хейс.

Кэм закатывает глаза и направляется к холодильнику. — Потому что «Соленый ободок» - дурацкое название.

— О, значит, оно намного хуже, чем «Островной риф»?

— Так и есть!

Хейс смотрит на него так, словно он сошел с ума. — Чувак, мы живем в Северной Каролине. Где, блядь, ты видишь острова?

— Внешний берег, — указал он.

— Мы там не живем!

Кэм насмехается. — Неважно. «Соленый ободок» звучит как бар для девчонок. Там будет полно людей, которые будут просить «яблочный мартини» и «арбузную маргариту».

По лицу Хейса расплзается ухмылка. — О, тогда ты точно вступишь.

Мой брат смеется. — Ты такой мудака. Давай просто уладим это за игрой в Center Ice. Победитель выбирает название бара.

— Идет.

Мы с Мали только и можем, что наблюдать с широко раскрытыми глазами за их перепалкой, как будто последних двух недель и не было. Но когда я вижу Хейса, совершенно здорового и в десять раз счастливее, чем он был утром, у меня сердце разрывается от радости.

Кэм собирается подняться наверх, но останавливается и оглядывается на Хейса.

— Встретимся там, — говорит он ему.

Мой брат бросает взгляд на нас двоих и вздыхает. — Интересно, поможет ли отбеливатель?

Хейс смеется, а затем поворачивается ко мне. Положив руку мне на шею, он притягивает меня к себе и обхватывает руками, прижимая меня вплотную. Я вдыхаю его запах и чувствую, как мое кровяное давление снова приходит в норму.

Когда он слегка отстраняется, то проводит большим пальцем по моей щеке и смотрит мне в глаза. — Прости, что я исчез. Мне просто нужно было привести мысли в порядок, и я

не хотел тянуть тебя за собой.

— Тебе не нужно извиняться за то, что тебе нужно было побыть одному, — говорю я ему, качая головой. — Но я хочу, чтобы ты знал, что всегда можешь прийти ко мне.

— Я это знаю. — подтверждает он.

Он целует меня, и я таю в его поцелуе. Это, прямо здесь, именно то, что мне было нужно. То чувство, которое я испытываю, когда нахожусь рядом с ним. То, как он заставляет меня чувствовать себя в безопасности и любимой.

Он разрывает поцелуй и улыбается. — Ты очень важна для меня.

— Перестань болтать с моей сестрой и поднимайся сюда, чтобы я мог надрать тебе задницу! — кричит Кэм сверху.

Мы оба смеемся, и мне не может не нравиться, как беззаботно он сейчас выглядит. Это то выражение, которое я так хотела увидеть на его лице.

— Иди, — тихо говорю я ему, кивая в сторону лестницы.

Он хмурит брови. — Ты уверена?

— Определенно. Я знаю, что ты ждал, когда он перестанет тебя игнорировать.

Хейс отвечает мне улыбкой, целует меня еще раз, а затем почти бежит к Кэму. Тем временем я не могу стереть с лица улыбку или заставить бабочек в животе успокоиться.

Я смотрю на Мали и вижу, как она ухмыляется и качает головой. — Ты так влюблена, что это отвратительно.

Смех вырывается из меня, когда я отмахиваюсь от нее, но отрицать это бессмысленно. Она права.

Я так чертовски влюблена в него.

Я всегда была такой.

Когда я росла с Кэмом, единственное, чему я завидовала, - это его комендантскому часу. Наши родители были, по сути, королем и королевой двойных стандартов. Кэм не мог сделать ничего плохого, в то время как меня наказывали, если я появлялась в дверях с опозданием на две минуты. Неважно, что я вовремя оказывалась на подъездной дорожке. Я все равно опоздала.

Когда мы стали старше, все стало немного лучше. Не совсем — он по-прежнему их любимчик, несмотря на то, что у него есть судимость, а у меня нет, — но я перестала к нему ревновать и стала больше ценить нашу связь.

Пока он не начал забирать у меня парня.

Ладно, может быть, это немного драматично. Не то чтобы он совсем его забрал, но он стал проводить с ним все свободное время. И я просто немного раздражаюсь из-за этого. Оказывается, Хейс не единственный, кто, по всей видимости, не смог научиться делиться в детском саду.

Последние полторы недели они провели в поисках места для открытия своего нового бара. Каждый свободный час они ходили с риелтором и посмотрели приличное количество зданий. Но каждое из них было либо слишком дорогим, либо находилось в плохом районе, либо было недостаточно большим. Так что поиски продолжаются, а я по-прежнему скучаю по своему парню.

Конечно, я иногда ночую с ним. Либо я вру родителям и говорю, что ночую у Мали, либо родители думают, что Хейс приехал к Кэму, и он забирается ко мне через окно. Но к концу дня он так выматывается, что через несколько минут после того, как обнимает меня, теряет сознание.

Однако он делает все возможное, чтобы загладить свою вину: посылает мне очень милые сообщения и привозит цветы на каток, когда я работаю. Я могла бы обойтись без воркования детей о том, что у мисс Лейкин есть парень, но этот жест был восхитителен.

Да и поиздеваться над ним, когда у меня есть возможность, тоже было весело.

Мой телефон вибрирует у меня на коленях, пока я решаю, куда пристроить своего маленького вундеркинда. Она уже готова перейти в класс двенадцать-тринадцать лет, но оба класса переполнены. Я знаю, что ее родители не могут позволить себе частные уроки, поэтому я пытаюсь понять, можно ли добавить еще один временной интервал для этой возрастной группы. Если она пока единственная, то я не буду жаловаться.

Дав себе передышку, я открываю телефон и вижу фотографию от Хейса. Они находятся в другом потенциальном месте, которое выставлено на продажу, и я не могу удержаться от того, чтобы не съезжиться.

Это пятно крови на полу?

Риелтор утверждает, что это ржавчина.

Я хихикаю, печатая свой ответ.

Я думаю, тебе нужен новый риелтор.

Появляется еще одна картинка, и на этот раз на ней изображен массивный бар в центре комнаты. Из тех, где бармен стоит в центре. Это хороший размер, но я действительно не думаю, что это то, что он ищет.

Прости, детка. Я не вижу, чтобы в этом месте была подходящая атмосфера. Но секс в этом баре мог бы быть забавным.

□ Зачем ты это сказала? Теперь я должен его купить.

Вы не купите бар для убийц. Знай свою аудиторию.

У нас будет аудитория? Я не знал, что ты увлекаешься вуайеризмом, детка.

Я вижу, у тебя все еще однонаправленный ум.

Можешь ли ты винить меня? Прошло слишком много времени. Этот поиск приведет к тому, что я умру от недостатка секса.

Фыркнув, я ничуть не удивляюсь, что он сходит с ума от этого. Я практически тоже. Но я знаю, что это делает его счастливым, а значит, оно того стоит.

Скажи это моему брату. Дай мне знать, как все пройдет.

Ладно, подожди.

Мои глаза расширятся, когда я спешу ответить ему.

Нет!

Я пошутила.

Не делай этого.

Когда он не отвечает, я понимаю, что он просто издевается надо мной. Будет справедливо, если он возьмет то, что дает.

Что ж, по крайней мере, на полу уже есть одно пятно крови. Еще одно не будет иметь большого значения.

В ответ я получаю фотографию его обиженного лица. Я открываю камеру и переключаю ее на видео, записываю, как я подмигиваю и целую его, и только потом смеюсь, когда нажимаю «стоп». Сняв короткое видео, я пытаюсь вернуться к тому, над чем работала, когда мой телефон вибрирует четыре раза подряд.

Три вещи...

1. Ты великолепена.

2. Я самый счастливый человек на свете.

и 3. Слава богу, что есть живые обои.

Мои щеки начинают болеть, так как улыбка не сходит с моего лица. Вот почему все эти расстояния, все одинокие дни, которые я провела, скуля Мали о том, что скучаю по нему, стоят того. Из-за этого. Потому что он все еще умудряется дать мне понять, что я для него - один из самых важных людей на свете.

Магазин серфинга мертв, что немного странно для этого времени суток, но лето подходит к концу. Кто захочет купить доску для серфинга, которой можно пользоваться всего несколько недель?

Хейс пролистывает объявления, которые ему прислал риелтор, а я сижу у него на коленях. Если придет покупатель, я пересяду, но пока я просто хочу быть рядом с ним.

— Уф, — простонал он. — Это даже отдаленно не весело. Я начинаю думать, не было ли неудачной идеей попытаться сделать это.

Я прижимаюсь поцелуем к его щеке. — Это не так. Ты просто должен помнить о конечной цели. У тебя есть свое видение, и я уверена, что в конце концов ты найдешь правильное место.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и я смеюсь над тем, как я могу читать

его мысли - например, как он сейчас думает, что я просто заноза в заднице, хотя я права. Быстро поцеловав меня, он возвращается к своему компьютеру и переключается на следующее объявление.

— Возможно, у этого есть потенциал.

Через несколько минут входит Марк. Хейс на секунду переводит взгляд на дверь, затем снова на компьютер. Я видела его всего несколько раз на мероприятиях, но мы ни разу не разговаривали, и вот я сижу на коленях у его сотрудника, в то время как он должен работать.

Я пытаюсь встать, но рука Хейса крепко обхватывает мою талию, удерживая меня на месте.

— Привет, Марк, — приветствует он его.

Марк выглядит веселым от того, как близко мы находимся. — Привет? И это все? Ты не собираешься познакомить меня со своим другом?

Хейс не отрывается от компьютера, прокручивая новые фотографии. — Босс, это моя девушка. Девушка, это мой босс.

В том, как естественно он это произносит, есть что-то такое, что заставляет мой желудок подпрыгивать, а Марка усмехаться.

— Вот это да. Она действительно сорвала с тобой джек-пот, — поддразнивает он Хейса. Я мило улыбаюсь ему. — Я Лейкин.

Осознание промелькнуло на его лице, и он щелкнул пальцами, указывая на меня. — Верно. Ты сестра Кэма. — Я киваю в подтверждение. — Я знал, что ты мне знакома. Что ты делаешь с этим идиотом?

Хейс закатывает глаза, заставляя меня смеяться, и отвечает за меня. — Я - ее несбыточная мечта.

Я игриво хнычу. — Боже мой, да забудь ты об этом.

— Ни в коем случае, — говорит мне Хейс. — Это знание прекрасно влияет на мое эго.

— Не сомневаюсь, но твое эго и так достаточно велико. Ему больше ничего не нужно.

Марк усмехается, наблюдая за нами, затем наклоняется над прилавком, когда Хейс возвращается к своему занятию. — Зачем ты смотришь на эту дыру?

Хейс опускает голову и стонет. — Ну, это исключает это место.

Выйдя из этой вкладки, достаточно взглянуть на следующую, чтобы исключить и ее. Заколоченные окна с граффити и кладбище на заднем плане - это не то, что кричит «купи меня».

— Может, расскажешь? — настаивает Марк.

Хейс откинулся в кресле. — Моя мама сказала тебе, что этот пьяный ублюдок умер?

Глаза Марка на мгновение расширяются, но он отмахивается от этого, фыркая. — Она сказала мне, что он скончался, да.

— Ну, я получил за это немного денег. Оказывается, его азартные игры все-таки на что-то сгодились, — говорит он ему. — Мы с Кэмом собираемся открыть на эти деньги бар.

— Бар? — Марк выглядит заинтригованным. — Какой бар? Бар для байкеров? Бар для любителей спиртного? О чем мы здесь говорим?

Хейс качает головой. — Нет, ничего подобного. Я не могу до конца объяснить, но у меня в голове с юности была картинка этого бара. Просто спокойный пляжный бар. Ничего сумасшедшего, но хорошее место, куда можно пойти после дня серфинга или рыбалки.

Марк кивает, слушая, но затем выражение его лица становится озабоченным. — Ты знаешь, что все это значит?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что нельзя просто купить помещение и открыть бар, — объясняет он.

— Есть вещи, которые нужно сделать. Есть шаги, которые нужно предпринять. Вы изучили места, где разрешено открывать бар? Убедились, что оно находится на приличном расстоянии от уже существующих баров и ресторанов?

Хейс нахмурил брови. — Да? Риелтор проинформирован обо всем этом. Она об этом позаботилась.

— А как насчет зонирования и планирования? Разрешения? Тебе еще нет двадцати одного года. Как ты сможешь получить лицензию на продажу спиртного?

Внезапно мне начинает казаться, что я нахожусь в центре зоны обстрела. И, судя по тому, как напряглись плечи Хейса, он тоже это чувствует.

— До моего дня рождения остался месяц, — отвечает он. — Мы все равно не будем готовы к открытию раньше этого срока. И почему ты меня спрашиваешь?

— Потому что, если я собираюсь помочь тебе в этом деле, я хочу быть уверен, что ты знаешь, во что ввязываешься, — говорит Марк. Он поворачивается, чтобы окинуть взглядом магазин серфинга. — Это место соответствует твоим стандартам, принцесса?

Хейса даже не беспокоит это прозвище. — Магазин серфинга?

Марк поворачивает голову к нам. — Ты хочешь сказать, что это не *Chuck-E-Cheese*? Да, магазин серфинга, придурок.

Когда Хейс постукивает меня по ноге, мы оба встаем. Он обходит прилавок с другой стороны и прислоняется к нему, скрестив руки на груди.

— Он определенно достаточно большой, — признает он. — И месторасположение не может быть лучше. Но ты уверен, что хочешь закрыть магазин?

Марк хлопывает Хейса по плечу. — Сынок, я думал о том, чтобы закрыть этот магазин с тех пор, как мы открыли новый больше года назад. Единственная причина, по которой я оставил его открытым, — это ты.

Я всегда слышала о том, как эти двое связаны друг с другом, и о том, как Марк вмещался, когда отец Хейса ушел. Одно время ходили слухи, что он встречался с мамой Хейса, но из этого ничего не вышло. Однако, стоя здесь и видя воочию, как он поддерживает его, я рада, что в жизни Хейса есть такой человек, как Марк.

— Как насчет этого, — говорит Марк. — Ты подумай об этом. Обсуди это с Кэмом. Делай все, что тебе нужно. А мы втроем соберемся в среду днем, чтобы обсудить детали.

Хейс кивает. — Хорошо. Да, звучит неплохо. Спасибо, Марк.

— Тогда до встречи, — говорит он ему, а затем поворачивается ко мне. — Было приятно познакомиться.

— Мне тоже, — отвечаю я.

Его взгляд снова останавливается на Хейсе, и он кивает в мою сторону. — Закройся пораньше и пригласи ее на ужин.

Хейс, усмехнувшись, кивает. — Будет сделано, босс.

Марк выходит за дверь, а Хейс возвращается к осмотру магазина серфинга — несомненно, представляя все это в своей голове. Я подхожу ближе и обнимаю его за талию. Моя голова прижимается к его груди, и он непроизвольно целует меня в волосы.

Спасибо Богу за Марка и за то, что я наконец-то вернула своего парня.

Хейс

Есть что-то успокаивающее в том, чтобы ехать по улице, когда Лейкин, положив ноги на приборную панель, подпевает радио. Чаще всего она поет даже лучше, чем тот, кому принадлежит песня. Интересно, не будет ли она против, если я заменю все песни в своей фонотеке на ее исполнение?

Я подъезжаю к ее подъездной дорожке, и она выпрыгивает из машины и идет к водительской стороне, пока я отправляю сообщение Кэму. Сегодня у нас встреча с Марком. Мы провели последние два дня, перебирая все возможные варианты, и это потребует больше работы, чем мы предполагали, но это определенно возможность, которую мы не хотим упускать.

— Я так устала, — говорит Лейкин, прислонившись к двери. — Seriously, я чувствую сегодня недостаток сна.

Я усмехаюсь, вспоминая события прошлой ночи. Моя мама была на работе, а я, возможно, подкупил или не подкупил Девин, чтобы она спала в другом месте. Прошло слишком много времени с тех пор, как мы могли потеряться друг в друге. И я не думаю, что в моей комнате есть хоть одна поверхность, которой мы не воспользовались в полной мере.

— Жалеешь об этом? — спрашиваю я.

Она закатывает глаза. — Ты же знаешь, что нет. Но я собираюсь вздремнуть, пока вы с Кэмом будете на встрече.

Мысль о том, чтобы лечь рядом с ней и еще немного отдохнуть, так заманчива. Я, конечно, спал не больше, чем она. Я отключил каждый из пяти установленных мною будильников, но когда Лейкин взяла дело в свои руки — и в свой рот, — я проснулся и душой, и телом.

Моя голова откинулась на сиденье. — Ммм, могу я присоединиться к тебе?

— Хотелось бы, — отвечает она. — Но ты должен заключить сделку. И, кроме того, с тобой в моей постели, я не думаю, что мы сможем заснуть.

Я снимаю ремень безопасности. — Ага. Я не поеду. Я скажу Марку, что я заболел.

Все ее лицо загорается, она смеется, и как раз в это время выходит Кэм. Он обходит машину со стороны пассажира и забирается внутрь. Мы договорились, что он встретится со мной там, но так мы сможем обсудить все по дороге.

— Как дела? — приветствует он меня, затем хмурится. — Почему ты так хреново выглядишь?

Лейкин закрывает рот кулаком, а я поджимаю губы. — Да, ты не хочешь, чтобы я

отвечал на этот вопрос.

Он опускает лицо, и эта идея с отбеливателем, наверное, сейчас ему очень нравится. — О, черт возьми.

Повернувшись к Лейкин, я одариваю ее усталой улыбкой. — Ладно, нам пора.

— Удачи, — говорит она мне, а затем выгибается, чтобы поцеловать меня через окно, но Кэм только хнычет. Она разрывает поцелуй и тупо смотрит на него. — Ты ведь знаешь, что ты ведешь себя как ребенок? Фу, вши.

— У всех девочек есть вши, — шутит он и тут же поворачивает голову ко мне. — Скажи хоть слово, и я тебя убью, Уайлдер.

Мой рот захлопывается, когда он успевает остановить слова, прежде чем они слетели с языка. Лейкин целует меня еще раз, и я закрываю глаза Кэма рукой, а мои губы встречаются с ее.

— Люблю тебя, — пробормотал я.

Она улыбается. — Я тоже тебя люблю.

Когда она направляется внутрь, Кэм начинает осматривать бардачок, а затем переходит к центральной консоли. Я наблюдаю за ним секунду, пока меня не осеняет, что это не его машина.

— Какого хрена ты делаешь? — спрашиваю я.

Он продолжает искать. — Где-то здесь должно быть что-то, что я могу засунуть в свои глазницы.

Я фыркаю, качая головой, включаю задний ход и выезжаю с подъездной дорожки.

Если бы вы увидели Марка в обычный день, то подумали бы, что он просто серфингист, который никогда не имел постоянной работы. Его длинные волосы откинута на лицо, он постоянно ходит в шортах и рубашке, наполовину застегнутой на пуговицы. Но, подъезжая к его дому, я вспоминаю, насколько он богат.

Видите ли, он не просто владеет салоном Wax and Waves, который имеет четыре разных точки от этого места до вершины штата. Хотите верьте, хотите нет, но Wax and Waves был его проектом для души. Он сделал это, чтобы снова почувствовать себя ближе к океану, ведь он вырос на серфинге. Основным источником дохода для него является сеть ресторанов прибрежной кухни, которая тянется по всему побережью.

— Черт возьми, — говорит Кэм, присвистнув. — Это место просто огромное.

Я хмыкаю, ставя грузовик на стоянку и глушу двигатель. — Это его дом для отдыха.

— Может, он меня усыновит? — шутит он.

Мы оба вылезаем из машины и поднимаемся по десяти бетонным ступенькам к входной двери. Когда мы нажимаем на дверной звонок, дом наполняется мелодией песни *Somewhere Over the Rainbow, Israel Kamakawiwo'ole*. Серьезно, я не думаю, что у него есть что-то

скромное.

— Привет, ребята, — говорит Марк, открывая дверь. — Заходите.

Он ведет нас через дом на задний двор, где его личный оазис выглядит как тропический отпуск. Возможно, Кэм в чем-то прав. Интересно, усыновит ли он меня?

— Присаживайтесь. — Он жестом показывает на два кресла с контрактами перед ними. — Вы успели все обсудить?

Я киваю. — Да, и мы согласились, что магазин для серфинга - идеальное место для бара, который мы хотим открыть, если ты все еще предлагаешь его.

— Да, но я предлагаю и кое-что еще. — Он сложил руки на коленях. — Работая в индустрии развлечений, я обладаю знаниями и опытом, которые могут оказаться для вас бесценными. В таких делах очень многое зависит от того, что вы делаете, и если вы не знаете, что делаете, то легко оказаться в затруднительном положении.

— Мы были бы очень признательны за помощь, — подтверждает Кэм, и я киваю в знак согласия.

Марк улыбается. — Я готов предложить вам кое-что получше. Хейс, ты прошел долгий путь от того трудного ребенка, с которым я впервые встретился. И за эти годы ты стал членом моей семьи, которым я очень дорожу. Надеюсь, ты это знаешь.

— Знаю, — говорю я ему. — И я благодарен тебе за все, что ты сделал для меня и моей семьи.

Смысл сказанного доходит только до него, и он улыбается, понимая, что я знаю. Это секрет, который они с мамой никогда не выдадут, но когда отец только ушел, мама чуть не потеряла дом. Я помню, как по почте приходили извещения о лишении права выкупа. А потом в один прекрасный день они просто прекратились, и все стало хорошо. Я думал, что ей просто удалось наверстать упущенное за счет дополнительной сверхурочной работы. Только когда я подрос, я узнал, что это был Марк.

Он выплачивал ипотеку моей матери, обеспечивая нам крышу над головой. И он делал это, ничего не требуя взамен. Поэтому человек, сидящий передо мной, всегда будет вызывать у меня глубочайшее уважение.

— В любое время, — говорит он, а затем переходит к делу. — Я сделал несколько звонков, все проверил, и вот что я готов сделать. Я *подарю* вам магазин серфинга - это мой подарок за то, что вы так хорошо заботились о нем все эти годы. Но я хотел бы, чтобы вы рассмотрели возможность взять меня в качестве молчаливого партнера, пока вы двое начинаете это дело.

— Юридические тонкости такого рода могут оказаться непосильными, и я боюсь, что из-за твоего возраста люди попытаются воспользоваться вашим преимуществом или обмануть вас. У меня уже есть большинство нужных деталей, и я готов взять на себя основную часть расходов на организацию. За ремонт будете отвечать вы двое. В конце концов, это *ваше* видение. Но если вдруг вам не хватит денег, дайте мне знать, и мы пересмотрим условия.

Я не вижу ни одного изъяна в этой сделке. С тех пор как он засыпал меня вопросами на днях, я стал больше изучать этот вопрос, и все юридические аспекты выглядят как заноза в заднице. Вы не услышите от меня ни одной жалобы на то, что мне не нужно иметь с этим дело.

— Почему мне кажется, что мы находимся в эпизоде шоу про акул? — говорит Кэм. — В чем подвох?

Марк усмехается и пожимает плечами. — Никакого подвоха. Мне пришлось работать, чтобы достичь того успеха, который я имею сегодня, и хотя я думаю, что это многому меня научило, есть что-то в том, чтобы дать паре молодых людей поддержку, которую они заслуживают.

— И что? Каждый из нас будет владеть одной третью бара? — спрашиваю я.

— Нет, я не хочу в этом участвовать, — отвечает он. — Единственное, что я хотел бы получить взамен, - это десять процентов от прибыли в течение первого года. По истечении этого года я передам бар вам обоим. Я просто хочу иметь возможность присматривать за делами в течение первого года. Но это ваш бизнес. Ваше дело. Я лишь помощник.

Я поворачиваюсь налево, чтобы посмотреть на Кэма, и он улыбается мне в ответ.

— Думаю, мы договорились, — говорю я Марку.

Он выглядит довольным нашим ответом. — Отлично. Я действительно верю в вас обоих. Перед вами лежат контракты, в которых прописаны условия, чтобы мы могли начать действовать. Прочитайте их. Если вы считаете, что хотите, чтобы их изучил юрист, пожалуйста, сделайте это.

Я хмыкнул, взяв в руки небольшой пакет. — Не думаю, что в этом будет необходимость.

Все и так ясно и понятно. В нем нет кучи сложных слов, которые я никогда раньше не слышал. Там, в общем-то, просто изложено все, что он нам объяснил. А когда я ставлю свою подпись на документе, я делаю фотографию и отправляю ее Лейкин.

— Я с нетерпением жду этого, — говорит мне Марк, когда я передаю ему подписанный контракт. — Я думаю, что вы действительно будете процветать, и на это будет приятно посмотреть.

— Спасибо, — отвечаю я. — Серьезно. Я очень ценю это.

Он со слезами на глазах кивает. — Ты отличный парень, Хейс. Просто тебе выпала пара дерьмовых карт.

— С тобой не поспорить, — усмехаюсь я.

Кэм перечитывает все и подписывает свой экземпляр, после чего передает его Марку. Они пожимают друг другу руки, и Кэм благодарит его.

— Все готово, — говорит Марк. Повесьте на дверь магазина вывеску о том, что он закрыт, и укажите адрес ближайшего магазина *Wax and Waves*. А завтра я пришлю туда бригаду, чтобы вывезти оттуда товар, и вы сможете приступить к работе.

Мы оба киваем, еще раз поблагодарив его. Он предоставил нам удивительную возможность, и мы оба благодарны ему за это.

Попрощавшись, мы с Кэмом выходим из дома Марка с улыбками на лицах. Я знаю, что всю дорогу домой буду перебирать разные идеи, но когда я вижу сообщение Лейкин о том, как она рада за нас, в моей голове снова прокручивается вчерашний вечер, и у меня возникает совершенно новая идея.

Волнение, бегущее по моим венам, лучше адреналина. Большую часть своей жизни я просто пытался дожить до следующего дня, но впервые я чувствую, что мне есть чего ждать. И дальше все будет только лучше.

Мы с Кэмом заходим в его дом, и когда мы проходим на кухню, мой взгляд падает на Лейкин. Ее волосы убраны назад, она одета в футболку и свободные шорты. Она выглядит так непринужденно, как будто ей все по барабану, но от ее вида у меня перехватывает дыхание.

Она делает шаг ко мне, но ее глаза не отрываются от брата. — Я собираюсь поцеловать его, так что если ты собираешься ныть по этому поводу, советую тебе отвернуться.

Он передразнивает ее и отворачивается, прежде чем кивнуть мне. — Увидимся позже.

Как только он поднимается на несколько ступенек и сворачивает за угол, Лейкин прыгает ко мне в объятия, прижимаясь губами к моим в поцелуе до синяков. — Я так чертовски горжусь тобой.

— Без тебя я бы не справился, — честно говорю я ей.

Она хмыкает. — Это, конечно, неправда, но я согласна.

Поцеловав ее еще раз, я опускаю ее на землю. — Я не могу здесь оставаться. Мне нужно съездить в магазин и повесить табличку на дверь. Но я хотел спросить, есть ли у тебя какие-нибудь планы на завтра?

Она щурится и смотрит в потолок. — Не думаю. А что?

— Я хочу тебя кое-куда пригласить. Ты сможешь быть готова к девяти?

Удивление проступает на ее лице. — К девяти? Утра? Я могу узнать, что заставляет тебя встать с постели в такую рань?

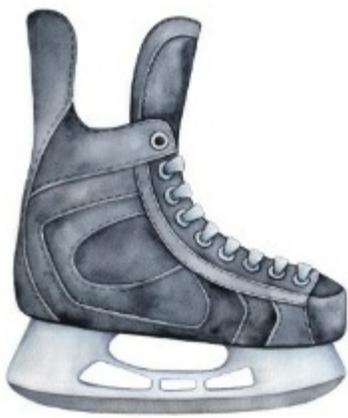
Я качаю головой. — Нет.

Она дуется, но я наклоняюсь вперед и прижимаюсь к ее губам быстрым поцелуем. Я поворачиваюсь и собираюсь уже уходить, как вдруг меня что-то осеняет, и я оглядываюсь на нее.

— Не хочешь прокатиться?

Ее ухмылка расширяется, когда она прикусывает кончик большого пальца. — В твоём грузовике или на тебе?

И это все, что мне нужно было услышать, прежде чем я подошел и подхватил ее, перекинув через плечо, пока она визжит.

Сюрпризы никогда по-настоящему не были моей фишкой. У меня не хорошо получается их придумывать, и даже когда я это делаю, мне всегда удается проговориться, прежде чем это произойдет. Но на этот раз мне повезло. С этим можно справиться, если хранить тайну меньше суток.

Я планировал забрать Лейкин утром, но поскольку она снова ночевала у меня, мне пришлось отвезти ее обратно к ней, чтобы она могла переодеться. Я предложил пригласить ее на завтрак, но когда мы заметили, что дома никого нет, я решил съесть вместо этого ее.

Выбор в закуской просто не идет ни в какое сравнение.

Сейчас мы в моем грузовике, и когда мой телефон сообщает мне, что мы приближаемся, я начинаю нервничать. Что, если это была глупая идея? Что, если она не хочет иметь с этим ничего общего? Что, если она подумает, что я сумасшедший, раз взял ее с собой?

Я вижу вывеску снаружи дома и припаркованную перед ней машину риелтора. Я останавливаюсь позади нее, когда Лейкин оглядывается.

— Эйч? — спрашивает она. — Что мы здесь делаем?

На моем лице растягивается тревожная улыбка. — Ну, благодаря сделке, которую заключил с нами Марк, у меня появилась приличная сумма дополнительных денег, и я подумывал о том, чтобы купить на них собственное жилье.

Она прикусывает губу, думая о том же, что и я, когда мне пришла в голову эта идея. — Сделай это. Тебе определенно следует это сделать.

Мои нервы успокаиваются в одно мгновение. — Мне бы очень хотелось услышать твое мнение.

Ее голова поворачивается, чтобы посмотреть на дом, а затем снова на меня. — Это будет весело.

Мы выходим из машины, и я представляю Лейкин моего агента по недвижимости Рамону. Рамона начинает рассказывать нам о собственности, пока ведет нас к входной двери, только для того, чтобы Лейкин добавила свои два цента.

— Он наверняка сказал вам, что посудомоечная машина - это обязательное условие?

Я прикусываю язык и закатываю глаза. И когда Рамона входит в дверь, я обнимаю Лейкин за талию и щеку ее за бок.

Предоставь ей возможность поиздеваться надо мной.

Оказывается, что выбрать дом еще сложнее, чем место для бара. Первый, который мы увидели, был слишком большим. Он был милым, не поймите меня неправильно, но в тот момент, когда Лейкин упомянула, что кто-то может проникнуть и жить с другой стороны дома, и я, вероятно, никогда об этом не узнаю, я исключил его.

На втором я даже не хотел заходить внутрь. Там не было двора, ни спереди, ни сзади, и дом был расположен слишком близко к оживленной дороге, на которой мы припарковались. Я бы никогда не смог уснуть, если бы всю ночь слушал, как мимо проносятся машины.

С каждым домом, который мы видим, я мысленно отмечаю реакцию Лейкин. Выражение ее лица, когда мы подъезжаем, и снова, когда мы входим в парадную дверь. Все, что она говорит, засекречено, как будто это будет проверено позже.

Третий дом подает надежды. Он расположен в хорошем районе, в нескольких минутах ходьбы от нескольких баров и ресторанов. Мы заходим внутрь, когда Рамона открывает дверь, и внутри, вероятно, самое приятное, что мы видели. В гостиной есть камин, а кухня находится прямо рядом с ним.

— Это было бы *идеальным* местом для холостяка, — говорит мне Рамона.

В тот момент, когда слова слетают с ее губ, я знаю, что мне за них достанется. Конечно же, Лейкин оборачивается и поднимает на меня брови.

— Тебе *нужна* холостяцкая берлога?

Я посмеиваюсь над ревностью в ее тоне. — О, определенно. С шестом для стриптиза и всем прочим.

Я ожидаю, что она отмахнется от меня или закатит глаза, но ничто не подготовило меня к тому, как она поджимает губы, как будто это действительно неплохая идея.

Такая гребаная соблазнительница.

Четвертый дом самый худший. У меня просто опускаются руки. С того момента, как мы вошли, что-то показалось странным. Стены были выкрашены в черный цвет, а ковер весь изорван, оставляя незащищенным основание пола. Но мы все равно огляделись вокруг, чтобы

понять, что к чему. И вот тогда мы нашли *дверь*.

Знаете, как в фильмах ужасов, когда они гуляют по заброшенному дому и видят что-то, что выглядит так, будто это может быть дверь, но этого не должно быть? Да, это был одна из таких. Возможно, нам следовало учесть тот факт, что Рамона решила остаться в гостиной, пока мы будем осматриваться, но в тот момент, когда мы уставились на дверь, и нас обоих пробрал озноб, мы убрались оттуда.

Я подъезжаю к последнему дому за день, и Лейкин замирает, увидев его. Большое крыльцо похоже на то, которое есть у нее дома, а кедровая стяжка придает ему уютный вид. Я уже могу сказать, что этот дом станет ее фаворитом.

— Этот дом немного выше того ценового диапазона, который вы мне прислали, но он слишком красив, чтобы его не показать, — говорит Рамона.

Как только мы входим в дверь, я чувствую себя как дома. Дом двухэтажный, гостиная находится прямо у входной двери. Здесь есть камин с каменной кладкой, в которую Лейкин просто влюбилась, проводя по ней пальцами, восхищаясь ее красотой. Кухня хороших размеров, с большим островом в центре.

— Смотри! — говорит Лейкин. — Там есть одна из тех стоек, на которые можно вешать кастрюли и сковородки.

Я улыбаюсь ее восторгу. — Только есть одна проблема. Ты не сможешь до нее дотянуться.

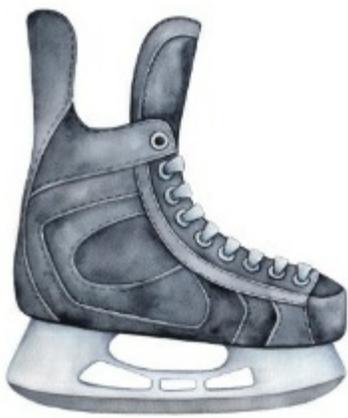
Ее глаза сужаются, она смотрит на меня, и только для того, чтобы доказать, что я не прав, она забирается на остров и трогает ее.

Внизу есть ванная комната, а также одна из спален, но главная спальня и еще две спальни находятся наверху. Лейкин оглядывается по сторонам, рассуждая о том, какой большой потенциал у этого дома и что я могу с ним сделать, а я смотрю в окно на большой двор.

Я не уверен, что у этого дома есть какие-то недостатки, кроме цены. Он находится достаточно близко ко всему и достаточно большой, чтобы мы могли в один день обзавестись семьей. Может быть, мы и не будем покупать этот дом вместе, но это не значит, что мы не сможем провести здесь всю нашу совместную жизнь. Кроме того, если она собирается постоянно бывать здесь, ей должно нравиться.

Но *холостяцкая берлога* - это тоже вариант, и она находится в том ценовом диапазоне, на который я рассчитывал. Я уверен, что если бы Рамона не сделала этого замечания, Лейкин бы все понравилось. Во всяком случае, она выглядела заинтересованной, когда мы только вошли.

Я думаю, что мне есть над чем подумать.

После целого дня, проведенного за осмотром домов, мы проголодались. Есть одно место, которое Лейкин давно хотела посетить, но не решалась, потому что оно немного нестандартное, но мы находимся всего в двадцати минутах езды от него, и мы решили туда съездить. Не буду врать, еда там отличная, но не это привлекло мое внимание.

Сидя напротив Лейкин, слушая ее рассказ и теряясь в звуках ее голоса, я не могу не думать о наших отношениях. За столь короткое время мы прошли такой долгий путь. От игры в кошки-мышки, до тайных встреч и падения на самое дно. Но все это того стоило, потому что привело нас сюда, где я могу протянуть руку через стол и взять ее за руку просто так.

В ее глазах появляется блеск, когда она рассказывает мне о песне, над которой работает. Это одна из тех вещей, которые мне в ней нравятся. Она так увлечена тем, что ее волнует. Она из тех людей, которые, если тебе посчастливилось привлечь ее внимание, то ты держись за нее всеми силами. Я просто рад, что осознал свою ошибку, пока не стало слишком поздно.

Я бы никогда не смог простить себя, если бы потерял ее навсегда.

Я всегда слышал эту извечную поговорку, которая гласит: *когда знаешь, ты знаешь*. Честно говоря, раньше я думал, что это просто чушь, которую люди говорят, чтобы поверить в идею любви. Но сейчас, сидя здесь и глядя на нее, я понимаю, что они правы. Ты просто, блядь, знаешь.

И я без доли сомнения знаю, что всю оставшуюся жизнь буду любить женщину, сидящую напротив меня.

Пока она отходит в ванную, я достаю телефон и отправляю сообщение своему риелтору.

Сделай предложение по последнему дому. Скинь 15 тысяч.

Судя по ее ответу, она ждала моего сообщения.

Честно говоря, можно было бы предложить и меньше, и они бы, наверное, согласились, но ведь на столе лежит еще одно предложение.

Да, это мне не подходит.

Я не хочу рисковать и терять его. Скиньте 10 тысяч и скажите, что я заплачу наличными.

Хорошо, но это все равно больше, чем вы изначально хотели потратить. А с учетом расходов на закрытие сделки - еще больше.

Я представляю себе выражение лица Лейкин, когда мы подъехали к дому, и то, как она была потрясена всем этим. Я все это вижу. Мы вдвоем делим одно пространство, растим семью и стареем вместе в доме, в который Лейкин влюбилась с первого взгляда. И я хочу все это.

Мне все равно. Все равно сделай это.

9

Лейжыны

Бывало ли у вас ощущение, что вы находитесь на вершине мира? Вроде бы все идет именно так, как вы хотите, и вам это нравится, но в глубине души вы ждете, что вот-вот упадет второй ботинок? Ведь не может же все быть *настолько* хорошо, правда?

Я выхожу из ресторана с рукой Хейса в своей, и, честно говоря, я не могу быть счастливее. Покупка собственного дома способна все изменить для нас. Нам не придется искать место, где можно побыть вдвоем, или подкупать его сестру, чтобы она ушла из дома на ночь. Сегодня весь день, пока мы смотрели разные дома, я не переставала представлять, как мы вместе готовим завтрак на кухне и смотрим фильмы в гостиной, свернувшись калачиком на диване. И это заставило меня понять, насколько все сейчас идеально.

Хейс подошел к пассажирской стороне своего грузовика и открыл мне дверь. Это такой устаревший жест, но он все равно вызывает у меня улыбку.

Я весело подшучиваю над ним. — Может быть, рыцарство все-таки не умерло?

Обхватив его за шею, я притягиваю его к себе для поцелуя. Мой язык танцует с его. Я все еще чувствую вкус пива на его языке - благодаря его поддельному удостоверению личности. Когда я запускаю пальцы в его волосы и слегка потягиваю, он прижимает меня к борту грузовика. И стон, вырвавшийся из моего рта, когда он прижался ко мне, показывает, как сильно я хочу его.

Он стонет и разрывает поцелуй. — В том, что сейчас происходит в моей голове, нет ничего рыцарского.

— То же самое. — Но тут меня осеняет идея, и я смотрю на ночное небо. — Интересно, как красиво выглядят звезды с нашего пляжа прямо сейчас.

На секунду он поднимает глаза, пока его не осеняет скрытый смысл, и он ухмыляется. — Залезай в грузовик, пока я не трахнул тебя прямо здесь, на парковке.

— Это тоже вариант. — Меньше ждать.

Он усмехается, берет меня за талию и поднимает, чтобы посадить в грузовик. — Знаешь, я тогда пошутил, но я действительно начинаю задумываться, нет ли у тебя пристрастия к вуайеризму.

Я делаю вид, что на мгновение задумалась об этом, а потом наморщила нос. — Я слишком склонна к собственничеству, чтобы позволить какой-либо другой женщине увидеть тебя в таком виде.

— Это моя девочка.

Он целует меня еще раз, и я успеваю закинуть ноги в машину, прежде чем он закроет дверь.

Хейс ведет машину в направлении нашего пляжа, а я свесила руку в открытое окно. Ветерок развеивает мои волосы по лицу, когда я опираюсь головой на нее. Я чувствую, как он время от времени поглядывает на меня, и понимаю, что это и есть настоящее счастье.

Я чертовски счастлива.

Мой телефон вибрирует в кармане. Потом еще раз. И еще раз. Я в замешательстве достаю его, ожидая телефонного звонка, но вместо этого на меня обрушивается шквал входящих смс и голосовых сообщений.

— Странно, — бормочу я. — Наверное, в том ресторане у меня не было связи.

Хейс выглядит обеспокоенным. — Все в порядке?

— Пока не уверена.

Сообщения приходят от Мали и Кэма. Я открываю первое от Мали.

Привет. Есть шанс, что ты вернулась с неожиданного свидания?

Думаю, нет. Дай мне знать, когда получишь это.

Лей, мне очень нужно, чтобы ты приехала за мной, если сможешь.

Будет странно, если я позвоню твоему брату? Будет, да?

Ты нужна мне.

Между третьим и четвертым смс она оставила голосовое сообщение, значит, что бы ни происходило, это нехорошо. Мали редко просит о помощи. Она говорит, что это повредит ее репутации крутой девчонки.

Я переключаюсь на сообщения от Кэма.

Где ты?

Я еду за Мали, но какого хрена ты и Хейс не отвечаете на звонки?

ЧТО ЗА ХРЕНЬ?!?! Твой телефон постоянно прикован к тебе, и сейчас я не могу до тебя дозвониться?

КОГДА УВИДИШЬ ЭТО, ЕЗЖАЙ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ДОМОЙ. СЕЙЧАС ЖЕ.

Ужас охватывает меня, когда я читаю его сообщения, становящиеся все более и более срочными. А когда я переключаюсь на голосовую почту, становится только хуже.

— Привет, Лей. Я не знаю, где ты, но если ты это видишь, то мне нужно, чтобы ты приехала и забрала меня. Я на вечеринке у Хизер, и я просто не хочу здесь больше находиться. Я расскажу тебе больше, когда поговорю с тобой лично, но да. Просто перезвони мне.

Нечасто я слышала, чтобы Мали нервничала. Обычно она упрямая, ничего не стесняющаяся огненная женщина. Но что-то в ее голосе мне не нравится.

Остались только два сообщения от Кэма, а он никогда не оставляет голосовых сообщений и вообще не звонит мне. Он больше предпочитает писать смс или вообще ничего не писать.

— *Клянусь Богом, сейчас не время пропадать. Когда получишь это, позвони мне, блядь. А еще лучше, скажи Хейсу, чтобы он мне позвонил.*

Я дохожу до последней записи, и у меня мурашки бегут по коже, когда я слышу, как на заднем плане плачет Мали.

— *Дерьмо. Где вы, блядь, ребята? Вам нужно отвечать на свои чертовы звонки! Никто не занимается сексом так чертовски долго!*

Сообщение обрывается, и в любых других обстоятельствах я, возможно, нашла бы комментарий о сексе забавным, но не в этом случае. Я смотрю на Хейса, и в моих глазах нет ничего, кроме страха.

— Твой ремень безопасности пристегнут, верно? — спрашивает он, и я киваю. — Хорошо. Держись.

Моя спина вжимается в сиденье, когда он вдавливая педаль газа в пол. Рев двигателя громче, чем я когда-либо слышала, но все, на чем я могу сосредоточиться, это страх в голосе моего брата и плач Мали на заднем плане.

Грузовик едва успевает остановиться, как я выпрыгиваю из него и бегу внутрь. Хейс следует за мной, когда мы врываемся в парадную дверь. Я проверяю каждую комнату, пробегая через гостиную и кухню, но там никого нет. Джип Кэма стоял на подъездной дорожке, когда мы приехали, так что это может означать только одно.

Я поднимаюсь по лестнице по две ступеньки за раз и врываюсь в комнату брата, где на кровати сидят он и Мали. Моя лучшая подруга свернулась в клубок, по щекам текут слезы. Она бросается ко мне и крепко обнимает.

— Прости меня, — рыдает она. — Мне так чертовски жаль.

Я нахмуриваю брови и встречаю взгляд Хейса, стоящего в дверях. Никто из нас не понимает, за что она извиняется. Но я предполагаю, что сердитое выражение лица Кэма имеет к этому какое-то отношение.

— Подожди. Что, блядь, случилось с твоей рукой? — огрызается Хейс.

Что? — Мали плачет еще сильнее, пока мое внимание переключается на правую руку Кэма и лежащий на ней пакет со льдом. И тут я замечаю кровь на его рубашке.

— Кэм! — кричит Хейс, когда он не отвечает.

Но он и тогда не отвечает. Он просто смотрит на Мали, как будто нас с Хейсом здесь и нет.

— Хорошо, — мягко говорю я, не желая усугублять и без того напряженную ситуацию. — Мэл, детка. Мне нужно, чтобы ты дышала, хорошо?

Я чувствую, как она качает головой, прижимаясь ко мне. — Не могу. Ты меня возненавидишь.

— Я никогда не смогу тебя ненавидеть. Никогда. Но мне нужно знать, что происходит, а

я не могу, пока ты не успокоишься, так что дыши.

Мы с Хейсом обмениваемся нервными взглядами, и я провожу рукой по волосам Мали. Проходит несколько минут, но ей наконец удается контролировать дыхание, за исключением нескольких приступов икоты. Я усаживаю ее на кровать и наклоняюсь перед ней, вытирая слезы и макияж с ее глаз.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Она смотрит на Кэма, потом снова на меня. — Я... я пошла на вечеринку. Хизер устраивала небольшую вечеринку по случаю дня рождения своего парня, и это показалось мне хорошей идеей. Поначалу так и было. Все пили и веселились, но потом они начали играть в пивной понг, а у меня не было партнера, и Айзек предложил мне присоединиться.

Как только его имя прозвучало из ее уст, я поняла, к чему все идет, и не могу сказать, что мне это нравится. Но мне нужно знать, что могло заставить Кэма сорваться так, что ему понадобился пакет со льдом на руке.

— Вначале он был нормальным, — продолжает она. — Немного флиртовал, но он всегда такой. Было очевидно, что он надеется переспать. Он все время пытался обнять меня и взять за руку. Но я решила, что он просто пьян, и мягко отмахнулась от него или сделала вид, что мне нужна моя рука для чего-то другого.

У Кэма подрагивают колени, когда он слушает ее. Что бы он ни сделал с Айзеком, он не смог выместить и половины своей ярости. И когда Мали открывает рот, чтобы продолжить, Хейс останавливает ее.

— Подождите секунду, — говорит он, доставая из кармана свои AirPods и телефон, а затем протягивая их Кэму. — Вставь их.

Кэм качает головой. — Нет, я в порядке.

— А я не спрашивал, — отвечает он.

Очевидно, что Кэм не хочет этого. Он хочет услышать каждое ее слово, вплоть до мельчайших подробностей случившегося. Но из-за его испытательного срока ситуация становится более хрупкой, чем обычно.

— Кэм, — говорит Мали, и я вижу, как смягчаются глаза моего брата, когда он смотрит на нее. — Все в порядке. Вставь наушники.

Мали удалось достучаться до него, и я могла бы списать это на то, что он защищает ее так же, как и меня, но не думаю, что я настолько наивна, чтобы поверить в это. Впрочем, это тема для другого раза. Сейчас я нужна своему лучшему другу.

Хейс дает мне добро, как только нажимает на кнопку «play», и уши Кэма наполняются музыкой.

— Хорошо, — говорю я Мали. — Итак, он продолжал пытаться, а ты отвергала его так мягко, как только могла...

Она кивает. — Дошло до того, что стало не по себе, и я сказала ему, что чувствую легкое головокружение. Что мне нужно присесть. Я отошла от него и села на диван в ее задней комнате на минутку, и тогда я попыталась позвонить и написать тебе, но тут он подошел с напитком и протянул его мне. Он сказал, что беспокоится за меня, и сказал, что мне нужно просто расслабиться.

Чем дальше она рассказывает, тем больше расстраивается. По ее щекам начинают течь слезы, а нижняя губа дрожит. У меня разрывается сердце от того, что самый сильный человек, которого я знаю, дошел до такого.

— Я бы не стала пить из стакана, который он мне дал, — признается она, и я чувствую

некоторое облегчение. — Я умнее этого. Ведь все всегда учили нас, что на вечеринке нельзя ни у кого брать выпивку. И чем больше он уговаривал меня выпить, тем больше я убеждалась, что он что-то туда подмешал. Я не знаю, что именно, но там точно был какой-то наркотик.

Челюсть Хейса сжимается. — Я убью его на хрен.

— Ты останешься на месте, — требую я и переключаю свое внимание на Кэма, который закрыл глаза, но его колено все еще подпрыгивает. — Кроме того, мы даже не уверены, что Кэм не сделал это сам.

Мали плачет еще сильнее. — Мне очень жаль. Если бы я знала, что Кэм собирается пойти за ним, я бы никогда...

— Эй, эй, — говорю я ей, качая головой. — Нет. Тебе не за что извиняться. Ты слышишь меня? Ни за что.

— Но если его поймают, он сядет в тюрьму, — возражает она. — Его арестуют за нарушение испытательного срока, и это будет моя вина.

Я не собираюсь сидеть здесь и позволять ей брать на себя всю вину. — Нет, Мэл. Это Айзек виноват. Он должен был понять намек в тот момент, когда ты впервые оттолкнула его. И если бы я получила твой звонок и оказалась бы недостаточно близко, чтобы быстро добраться до тебя, я бы все равно послала Кэма сама. Ясно? Ты не сделала ничего плохого. — Она резко сглатывает, кивая. — Он не...

Я даже не могу заставить слова вырваться изо рта. Они слишком тяжелы. Слишком душераздирающие. И если она скажет мне, что он это сделал, то Кэм будет последним, о ком нам придется беспокоиться, потому что меня будут судить за убийство всех участников вечеринки за то, что они не остановили это.

Ответчик: Лейкин Бланшар.

Преступление: Массовое убийство.

Признание вины: Виновна и нисколько не сожалеет.

Но, к счастью, Мали качает головой. — Так далеко он не зашел, но он продолжал пытаться. Я притворилась, что делаю глоток, чтобы он перестал уговаривать меня выпить, и, видимо, он решил, что это лишь вопрос времени. — Она делает паузу, чтобы сделать глубокий вдох и выдох. — Он начал целовать мою шею, и я попыталась оттолкнуть его, но он намного больше меня. Я не могла заставить его сдвинуться с места. А когда я сказала «нет», что не хочу ничего с ним делать, он сказал, что мне просто нужно успокоиться. Что он сделает так, чтобы мне было хорошо. А его рука продолжала скользить по моей ноге. Я сжала бедра, но это его не остановило.

— В конце концов мне удалось отпихнуть его от себя и позвать Хизер. Ему это не очень понравилось. Он закрыл мне рот рукой и сказал, чтобы я заткнулась. А потом он схватил мою грудь и сжал ее так сильно, как только мог.

Мой взгляд опускается к ее груди. Ее майка не имеет слишком глубокого выреза, но я вижу намек на синяки в форме пальцев, которые начинают формироваться.

— Я знала, что если я не уйду оттуда, он это сделает. Он собирался изнасиловать меня, и вокруг не было ни одного человека, который мог бы его остановить. Он начал говорить мне, что знает, что я всегда тайно хотела его, и что если я пытаюсь сказать ему, что это не так, то я просто дразню его. Ему было все равно, что я плачу, и что я постоянно пытаюсь отбиться от него. Его было не переубедить. Поэтому я сделала единственное, что могла.

— Я потянулась назад, схватила лампу, стоявшую позади меня, и изо всех сил ударила

ее по его голове. Не знаю, удалось ли его поранить. Не было никакой возможности подождать, чтобы узнать это. Я только слышала, как он кричал и называл меня сукой, когда я выбегала из дома так быстро, как только могла.

То, что он не успел зайти дальше, несомненно, радует, но это не значит, что она не сломалась. Сексуальное насилие не обязательно должно быть изнасилованием, чтобы вызвать травму.

— Как только я вышла на улицу, меня вырвало. Но у меня не было возможности уехать. Я выпила и была слишком взволнована, чтобы вести машину, поэтому я позвонила Кэму. Он был на соседней улице и сказал, что будет через секунду. Когда он подъехал, я почувствовала огромное облегчение, но когда он увидел меня, его глаза потемнели. Тогда я поняла, насколько растрепанной я выгляжу. Моя майка была задрана с одной стороны, и я плакала.

— Он спросил меня, что случилось, но я не собиралась ему рассказывать. Я сказала, что просто хочу домой. Но тут из дома вышел Айзек, взглянул на нас обоих и рассмеялся. Он пробормотал что-то о том, что мы - пара, созданная в аду, и что Кэму следует быть осторожным, потому что я - отъявленная стерва. И тогда Кэм последовал за ним обратно в дом.

Из того, что я слышала, ни одна часть меня не злится на брата. Он поступил так, как поступил бы любой полуприличный парень. И даже если это повлечет за собой какие-то последствия, я не стану ждать от него даже намека на извинения.

— Мали, — говорю я, когда она плачет. — Мне нужен ответ «да» или «нет», хорошо? Айзек все еще жив?

Она смотрит на меня в ответ, совершенно испуганная. — Я не знаю.

И тогда она начинает рыдать.

Все ее силы, которые она пыталась сохранить, рушатся в этот момент. Она падает вперед, ударяется о пол и, плача, падает мне на колени. Мне остается только беспомощно наблюдать за тем, как она царапает кожу, пытаясь избавиться от его прикосновений.

Я даже не замечаю, что Кэм переместился, пока он не оказывается рядом со мной и не встает на колени - наушники давно забыты на кровати. Он выглядит таким же беспомощным, как и я, когда его руки нависают над ней. Он не хочет прикоснуться к ней, вдруг она этого не хочет, но он хочет что-то сделать.

— Кэм. — Хейс привлекает его внимание. — Ты убил его?

Мой брат смотрит на меня, а затем снова на своего лучшего друга. — Нет.

Мы с Хейсом выдохнули в унисон. Значит, обвинения в убийстве нам не грозят. Если Айзек выдвинет обвинения, Кэму грозит тюремный срок - как за первое нападение, так и за это. Но, по крайней мере, ему не грозит провести за решеткой всю оставшуюся жизнь.

Его взгляд падает на Мали, и я клянусь, что вижу, как часть его души ломается. — Но я должен был.

Мали наконец-то удалось заснуть в моей постели. Я помогла ей принять душ и дала пижаму - достаточно легкую, чтобы не было больно после того, как она натерла кожу. Она определенно не в порядке, но как она может быть в порядке?

Я накидываю на нее одеяло и поворачиваюсь, чтобы увидеть Хейса, стоящего в дверях. Он был ответственным за присмотр за Кэмом, пока я заботилась о Мали. Он был нужен мне, чтобы выяснить, что именно произошло, когда Кэм вошла в дом.

— Она в порядке? — спросил он.

Оглядываясь на свою лучшую подругу, я чувствую ее печаль, как свою собственную. — Нет, но я надеюсь, что она будет в порядке. Со временем. — Я отвожу взгляд и провожу пальцами по волосам. — Как Кэм?

— В убийственном настроении, — отвечает он, и я знаю, что это даже не преувеличение. — Он сказал, что он был без сознания, когда уходил, и сильно избит, но им удалось выбраться оттуда до приезда копов. Судя по всему, никто на вечеринке даже не пытался удержать Кэма от убийства. Возможно, он бы так и сделал, если бы Мали не пришла и не стала умолять его остановиться.

Тяжесть всего происходящего ложится мне на грудь, когда я выдыхаю. — Разве от того, что я жалею, что она это сделала, я становлюсь полным уродом?

— Нет. Я думал точно так же.

Хейс, должно быть, видит, когда я нуждаюсь в нем, потому что ни одна слезинка не упала, прежде чем он заключил меня в свои объятия. Мали - самый лучший человек, которого я знаю. Моя абсолютно лучшая подруга. И когда я видела, как она разбивается, она забрала с собой часть меня.

Я прижимаюсь головой к груди Хейса, плача, а он просто позволяет мне это делать, осыпая легкими поцелуями мои волосы и проводя рукой по спине. Он знает, что мне просто нужно выговориться. Что мы ничего не можем сделать, чтобы помочь самым близким людям, и это отстой.

Я заставляю себя успокоиться и отстраняюсь от него, чтобы вытереть лицо. — Спасибо.

Он грустно улыбается, наклоняется вперед и целует меня в лоб. — Ты останешься здесь?

Я киваю. — Да. Я нужна ей, и думаю, что сейчас она мне тоже нужна.

— Эй, тебе не нужно ничего мне объяснять. Я все понимаю, — говорит он мне. — Я буду в комнате Кэма. Разбуди меня, если я тебе понадобится.

— Разбужу, — обещаю я. — Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Когда он спускается по лестнице, я поворачиваюсь и забираюсь в свою кровать, прижимаясь к Мали. Она на секунду паникует, но потом успокаивается, когда видит, что это всего лишь я. Ее глаза снова начинают закрываться, и она тихонько шепчет.

— Не позволяй ему причинить мне боль.
Я обнимаю ее. — Никогда. Я обещаю.

«Комнаты ярости» никогда не имели для меня смысла. Идея идти куда-то только для того, чтобы разбить кучу старого дерьма, казалась мне бессмысленной. Не говоря уже о том, что это утомительно. Но пока ребята собирались начать ремонт на следующей неделе, Хейс решил, что Кэм и Мали могли бы воспользоваться этой возможностью.

Мы стоим в том месте, где раньше находился серф-магазин, но теперь это пустое здание. На стенах по-прежнему висят стеллажи, стоит прилавок, но все остальное исчезло. Марк перевез все товары в другое место.

Теперь можно приступать к ремонту.

— Я даже не представляла, насколько он большой, — говорю я, оглядываясь по сторонам.

— Так она и сказала, — отвечает Мали, и хотя в ее словах нет обычного энтузиазма, они все равно шокируют всех нас троих.

Мы все поворачиваемся, чтобы посмотреть на нее. Сегодня она выглядит вполне нормально, но я не знаю, так ли это на самом деле, или она притворяется. Мали - последний человек, который позволяет себе быть жертвой, так что последнее меня не удивит.

— Что? — спрашивает она.

— Ничего, — в унисон отвечают Кэм и Хейс, но не-а.

Не я. Я не буду этого делать.

— Ты в порядке? Потому что здесь тебе не нужно делать храброе лицо. Не с нами.

Она хмыкает, подходит и берет молоток со стойки. — Хейс привел меня сюда, чтобы я ломала всякое дерьмо. Поверь мне, я сейчас в полном порядке. Хотя через минуту я не смогу сказать то же самое об этой стойке.

Мы все смотрим, как она проводит молотком прямо по дереву, и звук его раскалывания эхом разносится по пустой комнате. Затем она делает это снова, и, когда прилавок разлетается на куски, кажется, что ей стало легче дышать.

Я наклоняюсь ближе к Хейсу. — Этот прилавок ведь был не нужен, да?

Он фыркает. — Если и был, то теперь точно нет.

Нужно сделать очень многое, и нет никакой возможности сделать все это за короткое время. Нужно не только снести часть стены, на которой висели доски, и разобрать полы, чтобы настелить новые, но и построить подсобку, о которой он говорил. Этот проект займет несколько недель. Но если мы будем работать вчетвером, да еще и с помощью друзей, то к концу осени все будет готово.

— Я пойду проверю, не оставили ли они чего-нибудь наверху, — говорит нам Хейс.

Я хмурю брови. — Подожди, что? Там есть верхний этаж?

— Да, — просто отвечает он. — Мы использовали его как кладовку.

Я оглядываюсь на Кэма и Мали, вижу, как они громят все подряд, словно это их личная игровая площадка, и мои губы поджимаются. — Я пойду с тобой.

Неудивительно, что я никогда не знала, что здесь есть второй уровень. Лестница спрятана за дверью. Честно говоря, я всегда думала, что это просто кладовка. Но когда мы поднимаемся по лестнице, я понимаю, как много места здесь на самом деле. Она занимает половину здания и даже имеет собственную ванную комнату.

— Черт, — говорю я, любуясь пустым пространством. — При желании его можно было бы сдавать в аренду как квартиру.

Хейс скептически хмыкает. — Может быть, как студию. Но для этого нужно было бы поставить кухню или разрешить им использовать барную стойку в качестве кухни. И, кроме того, из меня не получится хорошего арендодателя.

Ладно, он прав. — Вполне справедливо.

Мы заходим в ванную, чтобы убедиться, что все убрано, и перед тем, как спуститься обратно, я останавливаюсь и поворачиваюсь к Хейсу.

— Как ты думаешь, с ней все в порядке? — спрашиваю я его. — В смысле, действительно в порядке?

— Мали? — отвечает он, и я киваю. — Мне кажется, что она в порядке, но ты знаешь ее лучше, чем кто-либо другой.

— Я знаю, что знаю, и я не могу избавиться от этого чувства, что я должна беспокоиться о ней. Я и беспокоюсь за нее. Прошлая ночь была... напряженной.

Он медленно выдыхает, притягивая меня к себе в объятия. — Тебе можно волноваться. Она твоя лучшая подруга, и она прошла через то, что способно изменить ее. Но Мали - одна из самых сильных людей, которых я знаю. Я не вижу, чтобы она позволила себе стать жертвой.

Все это, безусловно, правда, но мне все равно не по себе. — Я просто хочу, чтобы с ней все было хорошо.

— С ней все будет хорошо, — обещает он. — А пока мы будем за ней присматривать. Хотя лично я на месте Айзека опасался бы сталкиваться с ней, когда она трезвая. Эта девушка безжалостна.

Я усмехаюсь, потому что он прав.

Но я не буду сочувствовать ему, если с ним что-то случится.

Одна из самых приятных сторон того, что больше не нужно прятаться, - это возможность наслаждаться кострами, сидя на коленях у Хейса. Конечно, сначала Кэм жаловался на это, ныл, как ребенок, но потом смирился. Все остальные, однако, продолжают смотреть на нас, как на какой-то цирковой номер. А чувствовать себя словно в аквариуме не

очень приятно.

— Я все еще не могу поверить, что вы вместе, — говорит Оуэн.

Лукас явно не в восторге от этого, так как он ворчит себе под нос: «какая чушь».

— Я все еще пытаюсь понять, как долго это продолжалось. Как, черт возьми, это вообще произошло? — спрашивает Эйден.

Мои губы сжимаются в тонкую линию, когда Кэм саркастически смотрит на Хейса. — Да, Эйч. Расскажи мне. Как тебе удалось совратить мою невинную сестренку?

— Невинную? — Хейс насмехается. — Она практически развратила меня на данный момент.

Мали фыркает, зная обо всем, что произошло за последние пару месяцев, но что-то подсказывает мне, что Кэм не ищет грязных подробностей. Он хочет узнать, когда это началось, чтобы потом снова жаловаться на то, как долго мы это от него скрывали.

Кэм сморщился. — Гадость. Мне не нужно было этого знать.

— Это ты начал, — язвит Хейс. — Но когда я поцеловал ее на глазах у Крейга, ситуация немного изменилась. Но это стало реальным только после того, как меня выгнали с того хоккейного матча.

— Я, блядь, так и знал! — кричит Эйден, протягивая руку Оуэну. — Плати, ублюдох.

— Пари? Seriously? — говорю я.

Оуэн закатывает глаза, передавая Эйдену двадцатку, и ухмылка Эйдена расширяется. — Я назвал это дерьмом. Хейс никому не отдает свою джерси. Меня не волнует, кто ты такая.

Кэм не выглядит впечатленным или даже слегка веселым, но я думаю, что, когда шок от этого пройдет, он станет относиться к этому более благосклонно. По крайней мере, я надеюсь, что это так.

— Значит, когда ты пришел поговорить о Лейкин месяц назад... — начинает он.

Хейс заканчивает за него с кивком. — Я пытался сказать тебе.

Я поворачиваю голову в его сторону. — Для меня это новость.

Если бы я знала, что он подумывает рассказать Кэму о нас, вряд ли бы я отказала ему, когда он пытался вернуть меня. Нет слов, чтобы объяснить, как сильно я хотела снова упасть в его объятия. Но я слишком хорошо знала ту боль, которую испытала, когда он ушел, и не могла рисковать пройти через это снова.

Вместо ответа он грустно улыбается и пожимает плечами. Я знаю его достаточно хорошо, чтобы понять, что сейчас творится у него в голове. Он думает о том, как не сказал Кэму и как бросил меня. Но сейчас все это не имеет значения, потому что в конце концов мы оказались здесь.

Я кладу свою руку поверх его и трижды постукиваю большим пальцем.

Я. Люблю. Тебя.

Он улыбается и повторяет четыре раза по моей ноге.

Я. Люблю. Тебя. Тоже.

Есть моменты в наших отношениях, которые мы позволяем видеть другим, но есть вещи, которые мы просто хотим держать при себе. Скрыть и защитить от всех остальных. Это наше, и это священо.

Я не свожу глаз с Мали, внимательно наблюдая за тем, как она, кажется, немного сторонится окружающих. Никто больше не обращает на это внимания, но есть мелочи, которые показывают мне, что, хотя в основном с ней все в порядке, она все еще переживает - например, ей потребовалось в два раза больше времени, чтобы решиться открыть пиво. Или

как она тянется к Кэму, когда появляются парни.

Но Хейс был прав, когда сказал, что она сильная, потому что, если бы это была я, я бы, наверное, до сих пор лежала, свернувшись калачиком, в своей постели. Но только не Мали. Она - борец, и хотя я буду продолжать следить за ней, я знаю, что с ней все будет в порядке.

У Оуэна звонит телефон, и он достает его из кармана. — Алло?

Все остальные возвращаются к обычному разговору, но я замечаю, как он становится обеспокоенным и смотрит в сторону дома. Только когда я вижу, как подъезжают две полицейские машины, я все понимаю, и мое сердце замирает.

— Кэм, — вздыхаю я.

Мы все смотрим, как две машины подъезжают ближе, затем из них выходят офицеры. Какая-то маленькая, наивная часть меня надеется, что это недоразумение. Что ничего такого не происходит. Но когда они идут к нам, и один из них сжимает в руке листок бумаги, я понимаю, что это не так.

— Нет, — умоляет Мали.

— Чувак, ты просто мудака, — говорит Оуэн в телефонную трубку, но я слишком сосредоточена на приближающихся офицерах.

— Кэмерон Бланшар? — спрашивает один из них.

Кэм вздыхает. — Что я могу для вас сделать?

Он подходит к моему брату. — Для начала вы можете встать и убрать руки за спину. У нас есть ордер.

Хейс крепче вцепился в меня, когда Кэм встал. Узнать, что его арестовывали раньше, было непросто, но увидеть это воочию - один из моих самых страшных кошмаров, воплотившихся в жизнь. И судя по выражению лица Мали, она чувствует себя точно так же.

Тишину нарушает звук наручников. — Вы арестованы за нападение на Айзека Моррисона.

Он зачитывает ему права, и мое сердце разрывается в груди. Кэм держит рот на замке, его глаза лишь на секунду встречаются с моими, когда его начинают уводить. Он произносит всего три простых слова.

— Мне нужен адвокат.

Я не могу этого допустить. Чем дальше они уходят, тем больше я начинаю паниковать. Я борюсь с захватом Хейса, наконец, мне удастся освободиться, но прежде чем я успеваю пересечь двор, он ловит меня.

— Он не может... — кричу я. — Они не могут...

Мали прыгает передо мной, пока я пытаюсь добраться до Кэма. — Лейкин!

— Его посадят в тюрьму, — плачу я.

Слезы наворачиваются и на ее глаза. — Я знаю. Мы сделаем все возможное, чтобы помочь ему. Но сейчас ты ничего не можешь сделать. Понимаешь? Мы должны сделать все правильно, иначе мы все окажемся в тюрьме.

Я чувствую, что ломаюсь. Как будто весь мой мир рушится вокруг меня, и я могу только смотреть, как это происходит. Но ее слова проникают в меня настолько, что я перестаю бороться с хваткой Хейса.

— Я знаю, что он сделал, — возражает Оуэн, все еще разговаривая по телефону. — Но это какой-то новый уровень гребаного пиздеца.

Тело Хейса напрягается, прижимаясь ко мне. — Это Айзек?

Оуэн даже не успевает ответить, как Хейс вырывает телефон прямо у него из рук, но

звонок тут же заканчивается. Трус повесил трубку. Хейс бросает телефон обратно Оуэну и хватает один из походных стульев, отправляя его в полет.

— Я убью эту маленькую сучку! — рычит он, затем поворачивается к Оуэну. — Я знаю, что он твой друг, но, клянусь Богом, когда он попадет мне в руки...

— Больше нет, — поправляет его Оуэн. — Не после этого. Не могу поверить, что он опустил так низко.

— И что же нам делать? — спрашивает Лукас.

Я обхватываю себя руками и прислоняюсь к Мали. — Вы трое пойдете домой. Хейс сообщит вам, когда что-то узнает. Мне нужно позвонить родителям и добраться до полицейского участка.

— Я поеду с тобой, — говорит мне Хейс, прикуривая сигарету.

— Я тоже, — добавляет Мали.

И я знаю, что ничего не могу сказать такого, что заставило бы их передумать.

Вообще ничего.

Ожидание мучительно. Мои родители были в бешенстве и настаивали, чтобы мы остались на улице, пока они разбираются с этим. Почему-то стоять у полицейского управления и знать, что Кэм там, еще хуже, чем ждать дома. Каждый раз, когда открывается дверь, я надеюсь, что он выйдет, но этого никогда не происходит. А когда родители возвращаются с адвокатом и без него, у меня сводит живот.

— Что происходит? — торопливо спрашиваю я. — С ним все в порядке? Он вернется домой?

Мама грустно качает головой. — Не сегодня, милая.

Что? — Почему нет? В прошлый раз мы внесли за него залог.

— В этот раз все немного сложнее, — отвечает адвокат. — Он нарушил испытательный срок, а это значит, что судья не назначит залог сегодня. Слушание по делу о залоге состоится в течение следующих десяти дней, а до тех пор он должен оставаться под стражей.

Хейс откидывает голову назад, пытаюсь сделать глубокий вдох, но ему необходимо на секунду отойти, чтобы успокоиться. Тем временем Мали крепко держит меня за руку.

— Насколько все плохо?

Все трое переглядываются, как будто не хотят отвечать, но отец все равно дает ему добро на то, чтобы рассказать обо всем.

— Честно говоря, все плохо, — говорит адвокат. — Это его второе нападение за короткий промежуток времени, в то время как он все еще находится на испытательном сроке за первый инцидент. Судье будет трудно доказать, что он не такой жестокий человек, каким его выставляют.

— Но ведь это его слово против слова Айзека, верно? — спрашивает Мали.

Адвокат хмурится. — Боюсь, что нет. В полиции сказали, что есть видеозапись, сделанная братом жертвы, на которой Кэм совершает нападение. Дело закрыто.

Клянусь Богом, если мне когда-нибудь попадется в руки телефон Крейга, я засуну его так далеко в его задницу, что ему придется долго мучиться, чтобы позвонить.

Мали быстро качает головой. — Но он сделал это только для того, чтобы защитить меня. Айзек... он...

Она не может вымолвить ни слова, как бы ей этого ни хотелось, но это не имеет значения.

— Поверь мне, я знаю, что за люди Моррисоны, — говорит он. — Но, к сожалению, нападению на человека нет оправдания, как бы ни было это иногда неприятно.

Далее он говорит нам, что мы должны просто сидеть и ждать, но я не понимаю, как это возможно. Один из моих самых любимых людей в мире сейчас сидит в тюремной камере. Терпение - не самая сильная сторона моего характера в обычный день, а тем более сейчас.

Я чувствую онемение внутри. Как будто я наблюдаю за тем, как проходит моя жизнь, как все идет не так, как надо, но я не могу сдвинуться с места. Я не могу остановить происходящее. Единственное, что я могу делать, - это смотреть и ждать, пока неработающая система спасет моего брата.

Система, которая чуть не подвела его в прошлый раз.

Когда мы вышли из моего дома, мы втроем сели в машину Мали. Меня трясло, а Хейс был слишком зол, чтобы вести машину. Но когда Мали затормозила посреди Мэйн-стрит, я задумалась, не стоило ли нам взять Uber.

— О, черт возьми, нет, — говорит она, отстегивая ремень безопасности и распахивая дверь.

Сначала я даже не понимаю, о чем она говорит. И только когда я вижу, как она перебегает улицу, я вижу *его*. У Айзека определенно бывали и лучшие дни. Его лицо покрыто жуткими синяками и так сильно опухло, что я даже не узнала его. Но, честно говоря, я думаю, что ему повезло, что это все, что ему досталось.

— Черт, — простонала я.

Машины позади нас сигналият, когда мы с Хейсом выбегаем на улицу. Мы даже не закрываем двери, так как спешим догнать Мали. Но мы не успеваем добежать, как она со всей силы пихает его.

— Да что с тобой такое? — кричит она. — Ты прекрасно знаешь, что произошло той ночью! Ты знаешь, что заслужил все, что получил! Но тебе просто необходимо было, чтобы его арестовали, не так ли?

Айзек хмыкает, и мне приходится схватить Хейса за запястье, чтобы удержать его. Как бы мы ни любили Кэма и как бы мы ни злились, это не наша битва. Это ее битва. И она

должна это сделать сама.

— Он сам виноват в этом дерьме, — возражает Айзек.

Мали насмехается. — Это чушь собачья. Я была пьяна, а ты воспользовался этим!

Он закатывает глаза. — Типичная девчонка. Подцепила парня, а потом жалеет об этом и плачет о сексуальном насилии.

— О, отвали! — усмехается она. — Ты прекрасно знал, что я не хочу иметь с тобой ничего общего. Но твое эго просто не могло с этим смириться, не так ли? Точно так же, как оно не могло смириться с тем, что тебя выгнали из хоккейной команды.

Это задевает за живое, и я наблюдаю, как у Айзека сводит челюсти. — Это была моя гребаная команда, а он забрал ее у меня. Он заслужил небольшую месть.

— И ты пытался изнасиловать меня, чтобы получить ее? — рычит она.

— Потихе, черт возьми, — рычит он, подходя ближе. — Дело было даже не в тебе. Конечно, ты горячая штучка, но для меня ты слишком сложная. Я просто хотел трахнуть тебя, чтобы Кэм услышал об этом. Ходят слухи, что он уже давно на тебя запал, и я знал, что он с удовольствием узнает о том, как я наблюдал, как ты разваливалась на моем члене. Не слишком сурово, но это бы его разозлило. Но если он проведет следующие несколько лет в тюрьме? Это гораздо лучше.

Я не вижу лица Мали, но когда я вижу, как она сжимает кулаки, я точно знаю, что будет дальше. Она отступает назад и бьет его по лицу, прямо по синякам, которые только усиливают боль.

Айзек на мгновение отшатывается назад, а затем его глаза устремляются на Мали со злобным оскалом. — Ты еще пожалеешь об этом.

Она делает шаг к нему. — Что ты собираешься делать? Предъявить мне обвинение и арестовать меня тоже? Давай! Я, блядь, жду!

Но что-то подсказывает мне, что это не то, что у него на уме, и, двигаясь, Хейс делает то же самое. Он делает шаг к Мали и отталкивает ее назад, после чего вцепляется в лицо Айзеку. Если Мали гораздо ниже ростом, то Хейс - под стать ему.

— Вот что произойдет, — рычит Хейс. — Ты уберешься отсюда на хрен. И я не имею в виду, что с глаз долой. Я имею в виду - из гребаного города. Ты заберешь свой маленький трастовый фонд и уедешь, потому что это единственный выход, который ты можешь получить. Если я еще раз увижу здесь твою рожу, я перережу тебе горло коньком и сделаю так, чтобы это выглядело как чертов несчастный случай.

Айзек смотрит на него в ответ, но как бы он ни старался это скрыть, его страх очевиден. Против Кэма у него было мало шансов. В обычный день Хейс мог бы нанести большой урон, но когда он защищает кого-то, кто ему дорог, я не могу быть уверена, что он блефует. Айзек тоже не может быть уверен в том, что он блефует.

Хейс некоторое время смотрит ему вслед, а затем поворачивается, чтобы пройти мимо нас. — Пойдемте.

Мы с Мали начинаем идти за ним к машине, когда она наклоняется ко мне. — Ты ведь собираешься сегодня прыгать на нем, не так ли?

— Абсо-блядь-лютно.

Хейс

Есть такое чувство беспомощности, которое испытываешь, когда кто-то из близких тебе людей страдает или попадает в беду. Я чувствовал это каждую ночь, когда слушал, как мама плачет после ухода отца. Я чувствовал это, когда Девин окончательно сломалась после того, как поняла, что он никогда не вернется. И я чувствую это сейчас, когда Кэм сидит в тюрьме, а Лейкин выглядит так, словно за последние несколько часов она постарела на десять лет.

Ее волосы собраны на макушке, и она выглядит так, будто хочет спать, но не может этого сделать. Никто из нас не может. Вместо того чтобы вернуться в ее дом, мы взяли мой грузовик и приехали в мой. Это единственное место, где мы можем придумать, как помочь Кэму, не опасаясь, что нас кто-то услышит.

— Я сама выдвину обвинения, — говорит Мали.

Лейкин качает головой. — Ты даже не могла сказать вслух о том, что он сделал. Тебе пришлось бы пережить это перед целым залом суда.

— Мне все равно, — говорит она в ответ. — Это моя вина.

— Мали, — предупреждаю я, но уже слишком поздно.

Лейкин смотрит на свою лучшую подругу. — Еще раз скажешь, что это твоя вина, и я заклею тебе рот скотчем. Ты. Не. Просила. Чтобы. На. Тебя. Напали.

— Нет, но это я позвонила Кэму.

— Чтобы выбраться из опасной ситуации! — огрызнулась Лейкин. — Перестань корить себя за это! Это никому не поможет.

Мали опускает голову, и я вижу, что Лейкин неловко на нее кричать, но последние несколько часов я наблюдаю, как ее терпение истощается каждый раз, когда Мали говорит что-нибудь самоуничижительное.

— Кроме того, — добавляю я. — Даже если бы Айзек попал в тюрьму, это не избавило бы Кэма от нее.

Уже далеко за час ночи мой телефон вибрирует, показывая сообщение от Оуэна.

Что происходит? Есть какие-нибудь новости?

Пока я набираю ответ, девочки перебрасываются несколькими идеями.

Он застрял в тюрьме до слушания дела о внесении залога. Это должно произойти в течение следующей недели или около того. Но все выглядит не очень хорошо.

Черт. Это просто пиздец. Мы можем что-нибудь сделать? Ты же знаешь, мы все его поддерживаем.

Всегда, но сейчас я не думаю, что можно чем-нибудь помочь. Мы сейчас пытаемся

устроить мозговой штурм.

Хорошо. Дай мне знать, если что-то изменится. А пока я сообщу тренеру завтра, что вас с Кэмом не будет на тренировке.

— Адвокат сказал, что Крейг снял видео, так? — спрашивает Мали. — Так что, если ты притворишься, что снова увлечена им? Тогда ты сможешь забрать его телефон и стереть видео.

Это привлекает мое внимание, и я поднимаю глаза от телефона, чтобы посмотреть на Мали. — Если этот ублюдок приблизится к ней, я буду сидеть в тюрьме рядом с Кэмом.

Мали надулась. — Да ладно, неужели ты не можешь на секунду отключить своего внутреннего пещерного человека, чтобы помочь спасти своего лучшего друга?

Я беззлобно усмехаюсь, откладывая телефон. — Неужели ты думаешь, что Кэм согласится на то, чтобы его сестра стала приставать к ее мерзкому бывшему?

Она гримасничает, понимая, что у нее ничего на это нет. — Хорошо, я буду считать это вето.

Я возвращаюсь к смс Оуэну, чтобы сообщить ему о своей благодарности, когда Мали ругается под нос. Мои брови поднимаются, когда я вижу, как она и Лейкин смотрят друг на друга, как будто у них идет молчаливый разговор, а меня никто не посвящает в него.

— Мы не можем, — говорит ей Лейкин.

Мали грустно улыбается. — Я не могу придумать другого варианта, а ты?

Проведя руками по лицу, Лейкин простонала. — Нет. Черт!

— Кто-нибудь из вас хочет меня просветить?

Они обе смотрят на меня, потом друг на друга. Я и не знал, что можно чувствовать себя третьим лишним, находясь в комнате с собственной девушкой. Что бы это ни было, они уже знают, что мне это не понравится.

Мали подняла руки вверх. — Ты должна быть той, кто скажет ему. Из-за меня его лучший друг попал в тюрьму. Сейчас я ему не очень нравлюсь.

Лейкин опускает голову, вздыхая, и когда она поворачивает ее в сторону, чтобы посмотреть на меня, я понимаю, что мне это не просто *не понравится* - я буду чертовски ненавидеть это.

Мы стоим в общественном парке, вокруг бегают дети, а мамы ругаются на других мам. Кто-то должен записать это дерьмо, потом посадить их всех в комнате с большим экраном и включить воспроизведение. Можно продавать билеты и попкорн. Это могло бы побить мировой рекорд по самой грандиозной «кошачьей драке».

Я прислонился к столу для пикника, скрестив руки перед грудью. Если бы можно было поменяться с Кэмом местами прямо сейчас, я бы это сделал. Но в зависимости от того, как

все пойдет, я могу оказаться там вместе с ним.

— Эйч, — говорит Лейкин, положив свою руку на мою, но я не могу сейчас на нее смотреть.

Дело не в том, что она сделала что-то плохое. Я знаю, что это единственный вариант, который имеет хоть какой-то шанс сработать. Но именно это я ненавижу больше всего. Я злюсь не на нее, а на себя.

— Он мог бы остаться дома, — говорит ей Мали.

Я насмехаюсь. — И позволить ей быть рядом с ним одной? Ни единого шанса.

— Она не одна. У нее есть я, — возражает она.

— Ты предвзята.

— Хватит препираться, — укоряет нас обоих Лейкин. — Я думаю, это он.

Повернув голову, я вижу, что к нам приближается человек, которого я не люблю больше, чем Айзека. Человек, которого я никогда не хотел видеть снова в нашей жизни.

Монтгомери, мать его, Роллинз.

— Привет, — приветствует его Мали, обнимая.

— Привет, Мэл, — отвечает он.

Когда он идет поздороваться с Лейкин, он останавливается, и его глаза встречаются с моими. Я жду, не попытается ли он обнять и ее, но, видимо, у него есть чувство самосохранения, потому что он кивает в ответ.

Сегодня Толстосум включил свой мозг.

— Извините, что заставил вас прийти сюда, — говорит Монти, оглядываясь по сторонам. — Я должен был убедиться, что это не подстава, чтобы Хейс мог на меня наброситься.

Я фыркнул, потому что, если бы мы не собирались обсуждать свободу моего лучшего друга, я бы именно этим и занялся. Лейкин поворачивается и бросает на меня взгляд, молча говорящий мне прекратить это, и я закатываю глаза.

— Все в порядке, — говорит она ему. — Я просто благодарна, что ты хочешь помочь моему брату.

— Нет проблем. Я рад сделать все, что в моих силах. — Он засунул руки в карманы. — Итак, расскажите мне, что происходит.

— Кэм был на испытательном сроке по делу о нападении, за которое его не должны были обвинять, — объясняет Лейкин. — В то время он просто защищал свою подружку-сатанистку, а парень был пьян. Он пострадал, и выдвинул обвинения против Кэма, и он чуть не попал в тюрьму за это. С тех пор, как ему дали условный срок, он очень хорошо справлялся с тем, чтобы не попадать в неприятности.

— Но парень, которого Кэм выгнал из хоккейной команды, решил отомстить. Он приставал к Мали на вечеринке немного... агрессивно, и из-за этого Кэм выбил из него все дерьмо. Так что вчера вечером появились копы и арестовали его за это.

— Ой, — сморщился Монти и посмотрел на Мали. — Ты в порядке?

Она хмыкает. — Мне было бы лучше, если бы Кэм не сидел за решеткой.

Он кивает. — Понимаю.

— Мы думали, что это будет просто его слово против слова другого парня, но, видимо, его придурок-брат все записал, — добавляет Лейкин.

Мали насмехается. — Что за человек записывает, как его брату надирают задницу, вместо того чтобы помочь ему?

— Тот, кто знает, что Кэм играет на руку Айзеку, — отвечаю я. — Они оба отморозки. Они точно знали, что делали.

— Похоже, так оно и есть, — соглашается со мной Монти. — Ну, для начала, из того, что я знаю о правовой системе, наша первая цель - выпустить Кэма под залог. Как обстоят дела с его адвокатом?

Лейкин пожимает плечами. — Нормально, но не очень. Мои родители не могут позволить себе лучшего, и они все еще выплачивают судебные издержки по его предыдущему делу.

— Ладно, хорошо... — Монти достал из кармана телефон. — Прежде всего, я попрошу адвоката моего отца взяться за его дело. Я позабочусь о том, чтобы его гонорар был оплачен, так что тебе не придется об этом беспокоиться. Он должен быть в состоянии добиться того, чтобы Кэма выпустили под залог, но нужны ли вам деньги и на это?

— Нет, — отвечаю я, прежде чем Лейкин успеваает ответить. — Я позабочусь о внесении залога.

Вчера вечером риелтор сообщила мне, что владельцы дома приняли мое предложение, но необходимо провести проверку и сделать все необходимое, прежде чем мне придется платить за него. Надеюсь, этого времени хватит, чтобы разобраться с этим дерьмом. А если нет, то будут и другие дома.

— Хорошо, — говорит он. — Я займусь этим и буду держать тебя в курсе. Я знаю, что это трудно, но просто не высовывайтесь и постарайтесь не попадать в другие неприятности. Я позабочусь о том, чтобы он поскорее вернулся домой.

Лейкин вздохнула с облегчением. — Спасибо, Монти. Правда. Ты даже не представляешь, как я тебе благодарна.

Он улыбается ей так, что мне хочется его вырубить. — Это самое меньшее, что я мог сделать. Я рад, что у вас все получилось.

— Не сомневаюсь, — бормочу я себе под нос, и Лейкин легонько шлепает меня.

— Еще раз спасибо, — говорит ему Мали. — Я провожу тебя до машины.

Когда они уходят, Лейкин поворачивается ко мне и выглядит недовольной.

— Что? — возмущенно спрашиваю я. — Я ненавижу этого парня.

— Я знаю, что ненавидишь, но неужели тебе обязательно быть таким ослом? — язвит она. — Он может быть нашей единственной надеждой на то, что Кэм не попадет в тюрьму на ближайшие несколько лет.

Я молчу, но не потому, что не согласен с ней, а потому, что согласен. Нет ничего более ненавистного, чем тот факт, что нам пришлось обратиться за помощью к Монти. Я ничего не могу сделать, а он может. Ей нужен был герой, а я не мог им быть. Она вынуждена обратиться к *Монти*, чтобы он спас ее.

И за это я ненавижу его еще больше.

Я останавливаюсь перед катком, и когда она понимает, что я паркуюсь не на своем месте, ее брови хмурятся.

— Ты не зайдешь? — обеспокоенно спрашивает она.

Я качаю головой. — Нет. Мне просто нужно уладить пару дел. Но увидимся после.

Ее глаза впиваются в мои, как будто она пытается понять меня. — Хорошо. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Она быстро целует меня, а затем выпрыгивает из машины, чтобы отправиться на работу. Я смотрю ей вслед, пока она не скрывается из виду, ненавидя то, что сейчас я чувствую себя таким бесполезным. Как только она исчезает из виду, я разворачиваю машину и выезжаю со стоянки.

А позже, когда я провожу четыре часа из ее восьмичасовой смены, разбивая дерьмо в старом серф-магазине, я думаю о том, что никогда не прощу себе, что подвел ее.

Если он уведет у меня единственную девушку, которую я когда-либо любил, неизвестно, что я могу сделать.

11

Лейкы

Как бы я ни старалась, я не могу усидеть на месте. Как можно сохранять спокойствие, находясь в зале суда? Одной только обстановки достаточно, чтобы быть на взводе. Но учитывая, что сегодня состоится слушание по освобождению Кэма под залог, у меня нет ни единого шанса. Я либо придумываю отговорки, чтобы пройтись, - например, так часто отлучаюсь в туалет, что кажется, будто у меня инфекция мочевого пузыря, - либо ерзаю на месте.

— Кто-то должен был принести ей чертов поп-ит, — говорит Мали.

Хейс наклоняется и кладет руку мне на колено. — Ты в порядке, детка?

— Я чувствую, что меня сейчас вырвет, — говорю я ему. — Рвота будет повсюду.

Он ухмыляется. — Ты такая сексуальная прямо сейчас. Продолжай говорить грязные вещи.

Впервые за все утро я смеюсь. Это мягко, и длится недолго, но это есть. И Хейс гордо улыбается, зная, что это из-за него.

— Я ненавижу тебя, — лгу я, и он подмигивает мне.

Но когда он переплетает наши пальцы, мне удается немного успокоиться. В последние несколько дней он был моей опорой. Он всегда проверяет, как я себя чувствую, убеждается, что я что-то поела или выпила, потому что стресс всегда уничтожает мой аппетит. А в тот вечер, когда я была близка к срыву, он лег со мной и несколько часов смотрел «Девочек Гилмор», проводя пальцами по моим волосам.

Честно говоря, я не думаю, что он знает, какой он на самом деле замечательный.

— Он здесь, — говорит мне Мали, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть Монти, входящего с новым адвокатом Кэма.

Мужчина средних лет и выглядит профессионально в костюме, который, вероятно, стоит больше, чем моя машина. Он останавливается, чтобы поговорить с моими родителями, а Монти подходит к нам.

— Привет. Как вы, ребята, держитесь? — спрашивает он.

— Бывало и лучше, — отвечаю я. Нет смысла приукрашивать ситуацию.

Он грустно кивает. — Ну, Brent очень хорош в своей работе. Если все пойдет хорошо, Кэм должен быть дома уже сегодня днем.

Боже, я надеюсь на это.

Мне не хотелось звонить Монти, особенно зная, как сильно это будет беспокоить Хейса. Но когда дело дошло до этого, он оказался единственным вариантом, который у нас был. Хейс даже пытался позвонить Марку, чтобы узнать, не может ли он что-нибудь сделать, но ничего не вышло. Монти был нашим единственным вариантом.

То, что он так легко согласился, даже после того, как мы не разговаривали с ним несколько недель, показало, что ему не все равно. Конечно, технически он был мне должен после того, как влез в наши с Хейсом отношения, но он все равно мог сказать мне, чтобы я шла к черту. К тому же, гораздо труднее злиться на то, что он сделал, когда у нас с Хейсом все так хорошо.

— Brent, — говорит Монти, когда адвокат подходит к нам. — Это Лейкин, Мали и Хейс. Лейкин - сестра Кэма.

Он протягивает руку специально для меня. — Brent Уолдорф. Приятно познакомиться.

— Мне тоже, — отвечаю я. — Большое спасибо за то, что вы это делаете.

— Мне очень приятно. Ваш брат в надежных руках. — Похоже, что все начинается, и Brent слегка улыбается мне, когда ему приходится занять свое место. — Извините.

Одно дело - знать, что твой брат сейчас в тюрьме. Это тяжело, но можно как-то отгородиться от этого, чтобы было не так страшно. А вот увидеть его в наручниках и оранжевом комбинезоне - это образ, который я никогда не смогу вычеркнуть из своей памяти.

В случае с последним делом этот полиэстер даже не коснулся его кожи. Он провел в тюрьме не больше одной ночи, потому что нам удалось внести за него залог и вернуть его домой до суда. По крайней мере, тогда я знала, что он в безопасности. Но в этот раз ничего

подобного не было.

Я постоянно беспокоилась о нем.

Мне не хватало его язвительных комментариев.

Не хватало его ехидных шуточек, даже того, как он отбивает у меня парня, *потому что он был у него первым.*

Взгляд Кэма встречается с моим, и мешки под его глазами говорят мне все, что нужно знать о том, через что он прошел. Я крепче сжимаю руку Хейса, когда мой брат кивает ему, а затем он скрывает все эмоции и улыбается Мали. Я смотрю на нее и вижу выражение ее лица.

— Прекрати это делать, — шепчу я.

— Что делать?

Медленно выдыхая, я притягиваю ее к себе. — Винить себя. Это не твоя вина.

Мои родители садятся по другую сторону от нее, и видно, что маме тяжело видеть своего сына в таком положении. Моего отца всегда было трудно понять, но только не маму. Она носит свои эмоции как наряд.

Мы все встаем, когда судью вводят в зал, и садимся только после того, как он это сделает.

— Итак, давайте посмотрим, что у нас тут, — говорит он, читая лежащее перед ним дело. — Мистер Кэмерон Бланшар злобно и жестоко напал на мистера Айзека Моррисона, причинив ему тяжкие телесные повреждения, и тем самым нарушил условия своего испытательного срока. Какова позиция штата по вопросу об освобождении под залог?

Прокурор встает. — Мы просим, чтобы обвиняемый содержался под стражей без права внесения залога, Ваша честь. Это его второе преступление за последний год, и всего через несколько месяцев после того, как он был условно осужден. Невозможно гарантировать, что он не представляет опасности для окружающих и не сбежит, учитывая тяжесть нарушения испытательного срока.

Судья понимающе кивает. — Возражает ли защита против такой позиции?

Брент поднимается на ноги. — Да, ваша честь. Мой подзащитный - хороший человек, который вообще не должен был находиться на испытательном сроке. Первое нарушение было необоснованной глупостью, и если бы я был его представителем в то время, я бы добился его отмены. Все свелось к некачественному адвокату и бывшей девушке, которую никто не вызывал в суд.

— Не скажу, что я с вами не согласен, советник, — говорит судья. — Но это не тот случай, который мы здесь обсуждаем.

— Верно, но здесь речь идет о нарушении испытательного срока. В данном случае речь идет о человеке, который хочет отомстить моему клиенту за то, что тот был исключен из их общей хоккейной команды после того, как жертва напала на одного из его товарищей по команде.

— Ваша честь, у нас есть видеозапись нападения, сделанная братом жертвы, — добавляет обвинитель.

Брент хмыкает. — Что ж, позаботьтесь о том, чтобы это было отправлено в мой офис.

Судья на мгновение задерживает взгляд на своем столе, пока читает дело Кэма. Мы с затаенным дыханием ждем его решения, пока он не вздыхает.

— Хотя я понимаю точку зрения штата на это, я согласен с мистером Уолдорфом в том, что первое преступление не было рассмотрено должным образом. Мистер Бланшар, если вы

хотите обжаловать решение по этому делу, это ваше право, и вы можете это сделать. Что же касается этого дела, то я разрешаю выпустить господина Бланшара под залог в размере пятидесяти тысяч долларов.

С другой стороны зала суда раздается вздох, и я вижу, как расслабляются плечи Кэма, когда Brent благодарит судью за его решение. Мы все встаем, и Brent пожимает Кэму руку, прежде чем судебный исполнитель снова уводит его.

— И что теперь будет? — спрашивает Мали.

Brent поправляет пиджак. — Сейчас мы принесем деньги под залог в суд, и тогда Кэма выпустят из окружной тюрьмы.

— Но у нас нет... — начинает мама, но Хейс ее перебивает.

— Есть, — говорит он Brentу. — У меня есть.

Brent кивает. — Отлично. Пойдем со мной, и мы обо всем позаботимся. Заберите его оттуда как можно скорее.

Когда Хейс проходит мимо моей мамы, она обхватывает его руками и крепко обнимает. — Спасибо.

Мой отец хлопывает его по плечу. — Ты хороший человек, Хейс. Моему сыну повезло с тобой. Как и моей дочери.

Впервые отец открыто признал наши отношения, и я вижу, как загораются от этого глаза Хейса. Он всегда беспокоился о Кэме, но я думаю, что какая-то его часть втайне переживала из-за того, как мои родители отнесутся к тому, что мы встречаемся. В конце концов, они знали его с тех пор, как он был неуправляемым подростком, и порой вели себя с ним как со вторым членом семьи.

Хейс смотрит на меня, и мы обмениваемся улыбкой, прежде чем он уходит с Brentом. Тем временем я поворачиваюсь к Монти с чувством глубочайшей признательности и благодарности.

— Большое спасибо, — говорю я ему, обнимая.

Он на мгновение обнимает меня. — Не за что. Он еще не полностью не освободился, но у меня есть несколько человек, которые работают над этим. Мы надеемся, что все дело будет закрыто.

— Что это будет означать для его условного срока? — спрашивает моя мама.

— Это надо спросить у Brentа, — отвечает он. — Но я думаю, что он вернется к соблюдению первоначальных условий испытательного срока, как будто этого ареста никогда не было. Если, конечно, он не обжалует это решение.

— Я думаю, что сначала нам следует побеспокоиться об этом, — говорит мой отец.

Монти кивает. — Согласен.

Его телефон начинает вибрировать, когда ему звонят, и он уходит, чтобы ответить на звонок, сказав нам, что будет держать нас в курсе.

— Где ты его встретила? — спрашивает отец.

Мали усмехается. — В клубе. Лейкин случайно пролила на него напиток.

Оба моих родителя смеются, показывая свое облегчение, а отец игриво качает головой. — Никогда еще я не был так благодарен за твою неуклюжесть.

В тюрьме нет ничего милого. Ни башни с вооруженной охраной. Даже ни колючая проволока по верху заборов. Ни черта. От одного осознания того, что Кэм находился здесь последние пять дней, мне становится дурно. Мы ждем у ворот, пока он выйдет, и как только я вижу, что он снова в той одежде, в которой был при аресте, мне становится легче дышать.

— Слава богу, — бормочет Хейс, когда Кэм выходит за ворота.

Он подходит и обнимает сначала моих родителей, а потом подходит ко мне. Я крепко обнимаю брата. Мы никогда не были слишком ласковыми братом и сестрой. Обычно он говорит, что любит меня, угрожая надрать задницы своим друзьям за то, что они ко мне пристают, а я - мило улыбаясь. Но сегодня мне все равно. Сегодня я обнимаю своего брата, потому что мне не разрешали этого делать почти всю последнюю неделю.

Хейс - следующий, и вы можете видеть облегчение на них обоих, когда Кэм благодарит его за то, что он был рядом, не только ради него, но и ради меня. Мне кажется, что последнее значит больше. Это первое, что он сказал в поддержку наших отношений, и я не могу не улыбнуться этому.

Наконец, он отправляется к Мали. В том, как он обнимает ее, есть что-то особенное. Он говорит тихо, прямо ей в ухо. Я не слышу, что он говорит, но вижу, как она кивает ему. Когда он наконец отстраняется, он смотрит ей в глаза.

— Я серьезно, — говорит он.

Непроизвольная улыбка пробивается наружу. — Я знаю.

— Я так рада, что ты выбрался оттуда, — говорю я Кэму, пока мы все забираемся в машину моих родителей.

— Я тоже, — отвечает он. — Но, возможно, это ненадолго. Предварительное слушание состоится через неделю. Брент сказал, что тогда мы узнаем больше.

Я прислоняю голову к плечу Хейса, и он целует меня в макушку, зная, что мне это нужно.

Пожалуйста, Господи, пусть Монти поскорее сотворит чудо.

Хейс

Когда Кэма арестовали, всего лишь на следующий день после того, как мы начали ремонт в помещении, которое станет нашим будущим баром, я подумал, что хуже времени и быть не может. Но сейчас, когда мы ждем предварительного слушания по его делу и нам нужно как-то отвлечься от всего этого, оказалось, что время выбрано идеально. Нам есть на чем сосредоточиться и на чем выплеснуть свое разочарование.

— Черт, — говорит Кэм, оглядываясь по сторонам. — Вы, ребята, многое успели сделать.

Мали фыркнула. — Не мы. Только он.

Она не ошибается. Поскольку магазин серфинга закрыт, у меня сейчас технически нет работы. Так что каждую минуту, когда Лейкин работала, я проводил здесь - ломал дерьмо, как назвала бы это Мали. Я снес одну стену, уничтожил оставшуюся часть прилавка, и большая часть мусора попала в мусорный контейнер, который мы поставили на заднем дворе. Осталось только разобрать пол, и тогда мы начнем перестройку.

— Что там случилось? — спросил Кэм, увидев дыру в одной из стен, которую мы не собирались сносить.

Я усмехаюсь, потирая затылок. — Возможно, я немного увлекся.

Его брови забавно приподнимаются. — Да?

Мали подходит и садится на стремянку. — Он имеет в виду, что у него проблемы с гневом и он слишком сильно разбушевался.

Лейкин обхватывает меня сзади и прижимается лицом к моей спине. — Монти не самый его любимый человек на свете, но он справляется с этим, потому что знает, что это твой лучший шанс. Правда, детка?

— Да, дорогая, — пробормотал я.

Кэм хмыкает, но что-то в отверстии привлекает его внимание. Он подходит и внимательно осматривает его, а затем опускает голову.

— Ну, ты только что создал для нас кучу дополнительной работы, — говорит он мне. — Но ты также спас нас от бури дерьма в дальнейшем.

— Что? Почему? — Это всего лишь маленькая дырочка. Чтобы заделать ее, потребуется всего лишь заплатка и немного шпаклевки.

Кэм оглядывается на дыру. — Это место было открыто только с апреля по октябрь, верно?

— Да...

Он просовывает руку в отверстие и берется за обшивку, вырывая ее все больше, чтобы дыра стала шире. — В стенах нет утеплителя. Поскольку оно открыто только в теплые месяцы, оно в этом не нуждалось. Но если бар будет работать круглый год, нужно снять всю гипсокартонную обшивку и заложить изоляцию. Все стены должны быть заменены.

— Черт, — простонал я, откидывая голову назад. — Я понимаю, что лучше узнать об этом сейчас, чем потом, когда все будет готово, но все же.

Лейкин сжимает меня крепче. — Подумай об этом так: стены будут новыми и красивыми, когда ты закончишь.

— Ты не заметишь разницы, — отвечаю я. — Но твой оптимизм все равно милый.

Тем временем Мали практически вибрирует от возбуждения. — Значит ли это, что я смогу разбить еще больше дерьма? Потому что ты был немного эгоистичен с разрушением, мистер Пещерный человек.

Я усмехаюсь, закатывая глаза, беру молоток из сумки с инструментами и протягиваю ей. — Делай все, что в твоих силах.

— А ты уверен, что ей стоит этим пользоваться? — скептически спрашивает Кэм. — За стеной могут быть вещи, которые мы не хотим задеть.

В любых других обстоятельствах я мог бы встать на его сторону, но я качаю головой. — Марк дал мне чертежи этого места. Все в порядке, пока она остается на той стороне.

Он не выглядит убежденным, но и не спорит со мной по этому поводу.

Ладно, возможно, пребывание нескольких эмоционально напряженных людей в одной комнате в течение нескольких дней - не самая лучшая идея, которая мне когда-либо приходила в голову. Лейкин отменила все запланированные занятия в период между освобождением Кэма и предварительным слушанием, поэтому она была здесь так же часто, как и мы, а Мали приходит, когда она не работает. Это лишь вопрос времени, когда все пойдет немного не так.

Кэм выбирает безопасный путь: аккуратно проделывает дыру в одной части стены, а затем с помощью когтя молотка отламывает кусок за куском. Но я всегда считал, что нужно работать быстрее, а не лучше.

Я беру в руки молоток и пробиваю им гипсокартонную стену, как я делал это со всеми остальными демонтированными частями, и в этот момент у меня начинает звонить телефон. Я достаю его из заднего кармана и вижу, что мне звонит Оуэн.

Отвечаю, включив громкую связь. — Привет, О.

— Привет. Что ты делаешь?

— Ломаем дерьмо! — возбужденно кричит Мали.

Оуэн смеется. — Звучит очень весело. Слушай, я хотел с тобой поговорить. Это касается Айзека.

При звуке его имени мой молоток врезается в стену, и Кэм вздрагивает.

— Ты что, пытаешься пройти и сквозь эту стену? — укоряет он меня.

Я закатываю глаза и бросаю молоток, сосредоточившись на своем телефоне, пока все подходят ближе, чтобы услышать его. — А что с ним?

— Он сбежал, — говорит он. — Буквально собрал свое дерьмо и свалил. Утверждает, что нашел какую-то команду в Арканзасе, которая хочет его заполучить.

Ого. Похоже, у него все-таки есть здравый смысл. — В добрый путь. Но подожди, что это значит для дела о нападении Кэма? Он от него отказывается?

— Я надеялся на то же самое, но нет. Он сказал, что если ему нужно будет дать показания, его адвокат сказал, что он может сделать это по веб-камере.

Вот ублюдок. Я очень надеялся, что на этом все закончится, и помощь Монти нам не понадобится. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы этот придурок считал, что мы ему чем-то обязаны. К сожалению, похоже, что так и будет.

— Ну и мудака, — ворчит Кэм. — Спасибо, что предупредил нас, Оуэн.

— Без проблем, — отвечает он. — Держи себя в руках, парень.

— Обязательно.

Кэм кладет трубку за меня, и мы все на минуту замолкаем. Айзек послушался, когда я сказал ему убираться из города, но, конечно, этот ублюдок все равно затаил обиду и пытается испортить Кэму жизнь.

Я чувствую, что моя кровь начинает закипать, и снова беру молоток, снова и снова ударяя им по стене.

— Эйч, — говорит Кэм. — Ты не хочешь этого делать.

— Да нет, блядь, хочу, — рычу я.

Он качает головой, глядя между мной и чертежами. — Нет, я говорю, что ты не хочешь делать это там!

Этому парню повезло, что он мой лучший друг, потому что прямо сейчас мне хочется ударить его этим чертовым молотком. — Я знаю, что я делаю! Хочешь делать это по-своему, давай, но у тебя в руках чертежи! Я и близко не подхожу к этим гребаным тру...

Безошибочный звук удара молотка по металлу доносится до моих ушей как раз перед тем, как вода начинает брызгать повсюду, заливая всех нас и комнату. Я закрываю глаза и стою, просто позволяя воде пропитать меня. А когда я снова открываю их, Кэм ухмыляется, как и подобает раздражающему всезнайке.

— Ты неправильно на них смотрел.

Я хмыкаю, откидывая мокрые волосы с лица.

Отлично, черт возьми.

Пока мы едем к зданию суда, в воздухе витает напряжение. Как будто никто из нас не хочет ничего говорить, боясь, что спазим ситуацию в ту или иную сторону. В последнее время Монти был довольно неопределенным. Он сказал Лейкин и Мали, что работает над чем-то, но не объяснил над чем. Честно говоря, я не удивлюсь, если он просто пускает пыль в глаза.

Если мне показалось, что Лейкин была нервной и суетливой во время слушания о его освобождении под залог, то это ничто по сравнению с этим. Похоже, на этот раз ее действительно может стошнить, но меня, возможно, будет тошнить вместе с ней. Это слушание определит, пойдём ли мы в суд, и, судя по тому, что Brent сказал Кэму, у них больше всего шансов добиться отмены приговора именно на этом слушании.

Я подъезжаю к зданию суда и ставлю машину на парковку. Лейкин и Мали поехали со мной, а Кэм - со своими родителями. Он пытался сопротивляться — лично я думаю, что он хотел поехать с Мали, — но они не согласились. И, будучи маменькиным сынком, в тот момент, когда глаза его мамы начали слезиться, он уступил.

— Ты хочешь пойти внутрь или подождать здесь немного? — спрашиваю я Лей.

Она вздыхает. — Может, мы постоим на улице? Думаю, мне просто нужно подышать воздухом.

— Конечно.

Мы все трое выходим из грузовика и стоим возле ступенек. Единственное, что хорошо, это то, что мы знаем, что Кэм сегодня поедет с нами домой, независимо от результата. Предварительное слушание - это не суд. Но от этого мы не перестаём нервничать. Это дело будет висеть у нас над головой до тех пор, пока с ним не разберутся.

Если оно вообще будет улажено.

Лейкин улыбается кому-то позади меня, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть Монти. Он идет с Brentом и еще несколькими внушительными мужчинами. Он машет нам рукой, но потом я вижу, как его глаза встречаются с глазами Лейкин, и он подмигивает. И тут же я представляю, каковы мои шансы избежать наказания за убийство, если оно будет совершено на ступенях здания суда.

— Ты, наверное, издеваешься надо мной, — прорычал я.

Лейкин действует быстро, хватая меня за руку и крепко сжимает ее. — Эй. Расслабься.

— Расслабиться? — насмехаюсь я. — К черту. Он просто...

— Он не подмигивал ей, тупица, — говорит мне Мали. — Он подмигивал по поводу статуса дела Кэма.

— Она права, — мягко говорит Лейкин, положив руку мне на щеку, чтобы я смотрел только на нее. — Надеюсь, это хороший знак.

Я не совсем убежден. Не после того, как он записал наш секс с единственной целью - шантажировать меня этим. Но Лейкин этого не знает, и если мне есть что сказать по этому поводу, то она никогда не узнает. После случая с Крейгом, который держал голые фотографии над ее головой, как гильотину, я не хочу, чтобы она чувствовала, что ее постоянно пытаются компрометировать. И нет ничего более унижительного, чем осознание того, что кто-то подсмотрел такой интимный момент без твоего согласия.

Этот больной, возможно, дрожит на это, но он никогда не испытает реальных ощущений. Ближе всего он будет к этому, если представит, что он - это я.

— Большого пальца вверх было бы достаточно, — бормочу я.

Лейкин усмехается. — Это слишком очевидно.

Нет. *Очевиден* тот факт, что он просто пускает слюни на нее каждый раз, когда она рядом. Но, видимо, я единственный, кто это видит.

Я делаю глубокий вдох и медленно выпускаю воздух, после чего обнимаю Лейкин и направляюсь внутрь. Мали, однако, не из тех, кто так просто отпускает ситуацию.

— Твой парень собирается помочиться на тебя, чтобы заявить о своей территории, —

дразнит она Лейкин.

Лей смеется и прижимается ко мне. — Он знает, я бы никогда больше не позволила его члену приблизиться ко мне.

Я не знал, но это приятно знать. Золотой дождь - не мой конек, но я совершал некоторые безумные поступки, когда был пьян, так что неплохо иметь мысленный список того, чего нельзя — на всякий случай.

Это был длинный день, в течение которого мы слушали дела других людей. Мы слушаем дело женщины, которая намеренно врезалась на своей машине в дом какой-то женщины, потому что у ее мужа был роман. Другой случай, когда парень ударил свою девушку по лицу из-за розыгрыша - он думал, что она бросила его PlayStation в бассейн, а на самом деле она была сломана, чтобы она могла подарить ему новую PS5. Разумеется, он не получил новую приставку, а старую она все же выбросила в бассейн.

И я вынужден согласиться со словами «да, сучка», которые Мали солидарно пробормотала себе под нос.

Когда, наконец, настало время для дела Кэма, Лейкин схватила за руку и меня, и Мали - мою, чтобы успокоить себя, а Мали - чтобы успокоить ее. Я могу сказать, что для всех окружающих мы, наверное, выглядим как парочка, но для всего есть свое время и место, и сейчас - не оно.

— Суд рассматривает дело «Штат Северная Каролина против Камерона Бланшара».

Брент встает со своего места рядом с Кэмом. — Прежде чем мы начнем, ваша честь, все улики по этому делу не были переданы. Диск, который они передали в мой офис с вышеупомянутой видеозаписью нападения, пуст. На нем ничего нет.

— Это невозможно, — утверждает обвинение.

Брент пожимает плечами и протягивает им диск. — Смотрите сами.

Прокурор вставляет его в свой ноутбук, открывает файл и видит, что на нем ничего нет. — Ваша честь, похоже, здесь какая-то ошибка.

— Ничего страшного, — отвечает судья. — Такие вещи случаются. Почему бы вам просто не принести свою копию, и мы сейчас ее воспроизведем?

Он кивает, но когда он идет искать свою копию, она тоже пропала. — К сожалению, у меня ее нет, Ваша честь, но, если у меня будет пять минут, я попрошу, чтобы мне ее переслали.

Судья неохотно соглашается, и объявляется небольшой перерыв, но когда суд возвращается на свое место, прокурор выглядит ничуть не спокойнее, чем когда мы уходили.

— Хорошо, — говорит судья. — Давайте посмотрим эту видеозапись.

— У меня ее по-прежнему нет, Ваша честь, — говорит ему прокурор. — Я связался с полицейским департаментом и первоисточником видеозаписи. Похоже, она отсутствует на

всех серверах.

Судья сжимает переносицу, а прокурор выглядит так, будто он на грани срыва. Хотя, наверное, я бы тоже так выглядел, если бы проваливал свое дело на глазах у всего зала суда.

— В свете новой информации у меня нет другого выбора, кроме как прекратить дело, — объявляет судья.

Лейкин вздыхает, крепче сжимая мою руку, и я чувствую, что моя грудь вот-вот разорвется. Но обвинение все еще пытается дискутировать.

— При всем уважении, Ваша честь, у нас еще есть показания жертвы и его брата, который был свидетелем.

— Ну, а кто-нибудь из них присутствует здесь сегодня для дачи показаний? — возражает он.

Прокурор разочарованно вздыхает. — Я уверен, что смогу пригласить его брата, но с жертвой придется работать через веб-камеру, поскольку он недавно переехал в другой штат.

Глаза судьи расширяются. — Вы хотите сказать, что человек, обвиняющий мистера Бланшара в нападении на него, так мало заботился об этом деле, что переехал из штата еще до начала судебного разбирательства? — Прокурор собирается ответить, но судья поднимает руку, останавливая его. — Это был риторический вопрос, прокурор.

Он отвлекает внимание от дела и переключает его на Brenta и Кэма. — Мистер Бланшар, вы свободны, но первоначальные условия вашего испытательного срока остаются в силе.

— Спасибо, Ваша честь. — В голосе Кэма практически слышно облегчение.

Судья кивает один раз. — И я хочу сказать это самым приятным образом, но я не хочу больше видеть вас в моем зале суда.

— Да, сэр.

Мы все молча выходим, но как только мы оказываемся на улице, Лейкин вскрикивает и прыгает в объятия Кэма. Он улыбается настоящей улыбкой впервые с момента ареста. И я думаю, что говорю за всех, когда говорю, что лучше и быть не могло.

— Поздравляю, — говорит Монти Кэму.

Кэм наклоняет голову в его сторону. — Не знаю, как ты это сделал, чувак. Но спасибо.

Монти оглядывается на здание суда, потом на Кэма. — Эй, нам просто повезло, что они потеряли эту видеозапись.

Его безмолвное послание ясно - он сделал так, что она исчезла. Интересно, исчезла ли еще одна видеозапись, но почему-то я в этом сомневаюсь. Но он только что вытащил Кэма из ситуации, которая, скорее всего, отправила бы его в тюрьму, если бы Монти не вмешался. Так что, нравится мне это или нет, но он здесь надолго.

Но ему лучше держать свои гребаные руки и дергающиеся глаза подальше от моей девушки.

Лейкмен

Когда мы с Хейсом тайком встречались, я не переставала представлять, как бы все было, если бы мы были вместе. В смысле вместе-вместе. Держаться за руки на публике, целовать меня на глазах у всех. И я все это представляла, или, по крайней мере, пыталась представить.

Но я не представляла *этого*.

Я ходила на хоккейные матчи Кэма уже много лет. Сначала это было потому, что меня тащили сюда родители. Но когда я стала старше и начала лучше понимать игру, я стала приходить, потому что сама этого хотела. Потому что я искренне люблю хоккей. И потому что я люблю своего брата.

Ладно, я несу полную чушь.

Это потому, что его лучший друг держал все мое внимание в долбанных тисках.

Но я действительно полюбила эту игру. Предвкушение, энергия. Все это. Но самое лучшее, о чем я даже не думала, пока мы прятались, - это возможность носить джерси Хейса и его номер, нарисованный на моей щеке подводкой, когда я болею за него.

— Ты такая поддерживающая подружка, — говорит Мали. — Это отвратительно.

Я фыркнула. — А я-то думала, что ты милая.

— Очевидно, ты не знаешь меня так хорошо, как я думала.

Монти посмеивается, но он слишком увлечен всем происходящим, чтобы комментировать. Это первый раз, когда он был на матче — типа вообще впервые. Видимо, когда твой отец занимается политикой, спортивные мероприятия не стоят на первом месте в списке приоритетов.

— Знаешь, чего я не могу понять? — Я отвлеклась от игры, чтобы посмотреть на нее. — Что происходит между тобой и Кэмом?

Она закатывает глаза, затем кивает головой в сторону льда. — Парня только что отправили на борт.

— Не-а. Не сработает, — говорю я. — Почему ты мне не рассказываешь?

— Потому что нечего рассказывать. — Она пожимает плечами. — Он выбил все дерьмо из Айзека за то, что тот сделал со мной. Это заслуживает определенного уровня моего уважения.

Обычно я могу читать Мали как открытую книгу. Она не очень хорошо умеет скрывать свои чувства. По крайней мере, не от меня. И не похоже, чтобы она была хоть сколько-нибудь правдива. И я хочу сказать, я понимаю. То, что Кэм сделал для Мали, заслужило даже мое уважение.

Поэтому я оставляю эту тему и возвращаюсь к игре.

Вскоре Хэйс получает шайбу и отрывается от соперника. Все зрители на ногах, кричат, ведь остались только он и вратарь. А когда он забрасывает шайбу прямо в угол ворот, все

просто сходят с ума.

Вся команда празднует, столпившись вокруг Хейса, но как только он освобождается от них, то сразу же подбегает ко мне и делает мне приветствие обеими руками, несмотря на то, что нас разделяет стекло. Он делал это каждый раз, когда забивал сегодня, и вот уже третий. Сейчас я уже могу сказать, что он это сам придумал, и, честно говоря, мне это нравится.

Мали хмыкает, и когда я оборачиваюсь к ней, она кивает в сторону компании «зайчиков с шайбой», которые были равнодушны к Хейсу. Наверное, они думали, что у них с ним есть шанс или что-то в этом роде. Я оглядываюсь и вижу, что они смотрят на меня, просто потому что завидуют. Я помахала им рукой.

Ладно, возможно, я солгала. Возможно, *это* самая лучшая часть.

— Должна признать, — говорит Мали, когда я снова сажусь. — Я не ожидала, что он будет таким милым с тобой. Я не думала, что в нем это есть.

— Я все еще не понимаю, как это произошло, — говорит Монти. — Насколько я помню, у тебя было разбито сердце, и ты была опустошена.

Я пожимаю плечами. — Наверное, наш разрыв показал ему, что для него действительно имеет значение.

Монти поджимает губы и поглаживает подбородок. — Так что... в каком-то смысле... можно сказать, что это меня надо благодарить за ваши отношения.

— Ооо, — воркует Мали, глядя на него. — Это рискованная игра. Скажи это Хейсу.

Я бросаю на нее мрачный взгляд. — Что это? Посмотрим, сколько обвинений в нападении мы сможем собрать за лето?

Она дуется. — Ты никогда не даешь мне повеселиться.

Усмехаясь, я игриво закатываю глаза, и звучит сигнал, означающий конец игры. Мы выигрываем со счетом 4:0, и Лукас делает свой пятый шатаут в сезоне. Все ребята встают в очередь на рукопожатие и говорят: «Хорошая игра» другой команде, прежде чем покинуть лед. Я подхожу к перилам, чтобы встретить их там.

Кэм бьет меня кулаком, когда проходит мимо, но когда Хэйс уходит со льда, я перегибаюсь через перила, и он подтягивается, чтобы поцеловать меня. Когда он собирается уходить, Лукас выходит следом.

— Эй, дай-ка я тоже попробую.

Не знаю, думал ли он, что Хейс его не слышит, или ему действительно хочется умереть, но ничто не сравнится с тем, как Хейс оборачивается, чтобы посмотреть на него.

— Знаешь, сегодня ты сделал много отличных сэйвов, — говорит он ему. — Но если ты не отвалишь от моей девушки, то никто не помешает мне засунуть мою клюшку тебе в задницу.

Лукас вздрагивает и поднимает на меня глаза. — Ты действительно находишь это привлекательным? Вся эта история с тем, что он - *собственнический мудака*?

Мой взгляд встречается со взглядом Хейса, и я прикусываю губу. — Нет ничего из того, что он делает, что *не* было бы привлекательным.

Вы когда-нибудь делали шаг назад и просто смотрели на своего мужчину, размышляя о том, *как мне чертовски повезло?* Действительно давали себе время заценить его так же, как во время первого свидания? Хейсу всегда удавалось растопить меня одним лишь взглядом, но я не думаю, что есть что-то более сексуальное, чем наблюдать за его работой в баре.

Парни, у которых есть деньги, чтобы угощать вас вином и ужином, - это здорово, но те, кто не боится испачкать свои руки, - *это* те, кто вам нужны. Именно они будут трахать вас до трех часов ночи, когда вы будете настолько измождены оргазмами, что едва сможете двигаться.

Я смотрю, как напрягаются мышцы Хейса, когда он забивает гвозди в древесину. По его спине стекают бисеринки пота, поблескивая в свете, проникающем через окно. Судя по всему, возведение стены требует больших усилий, так что это был лишь вопрос времени, когда он снимет рубашку - но, черт возьми, я не жалеюсь.

Мали садится рядом со мной на пол, когда я прислоняюсь спиной к стене.

— У тебя немного... — Она показывает на уголок своего рта.

У меня этого нет, и мне даже не нужно проверять. — Если бы это было так, разве ты могла бы меня винить? Посмотри на него.

Она наклоняет голову и хмыкает. — Да, ты моя девочка, но я не буду трахать глазами твоего парня.

Даже если бы она это сделала, это и близко не было бы похоже на реальность. Хейс точно знает, где нужно прикоснуться и как нужно двигаться, чтобы я почувствовала, что все мое тело в экстазе. Как будто каждый дюйм моего тела - это его личная страна чудес, и он не хочет ничего другого, как потеряться в ней. Потеряться во мне.

Я корчусь, когда моя киска отчаянно сжимается, и когда я начинаю тихонько скулить, Мали смеется. — Как ты за одно лето превратилась из девственницы в сексуальную маньячку - для меня загадка.

— Ты поймешь, если почувствуешь, что он может делать своим языком, — говорю я ей, не отрывая взгляда от Эйча.

Словно прочитав мои мысли, он смотрит на меня и ухмыляется. — Ты собираешься просто сидеть и смотреть?

— Угу, — говорю я, кивая.

Он звонко смеется, убирает молоток обратно на пояс с инструментами, подходит и наклоняется передо мной. Я наблюдаю за тем, как он медленно окидывает меня взглядом, как будто набираясь сил. А когда они снова смотрят на меня, его зрачки расширяются.

— Это значит, что я буду наблюдать за тобой позже, — пробормотал он, прежде чем взять меня за подбородок и поцеловать.

Это так быстро, так легко, но к концу поцелуя у меня перехватывает дыхание.

— Отлично, — насмехается Мали. — Я завидую сексуальной жизни своей лучшей подруги. Это просто охренительно.

Мы с Хейсом оба засмеялись, и когда он встал и отошел, то подмигнул мне. Я настолько погружаюсь в него и во все, что он собой представляет, что даже не помню, что в комнате находится мой брат, пока его голос не разносится по ней эхом.

— Ладно, я смирился с этим, — он проводит пальцем между мной и Хейсом, — но проводить свой день за просмотром живого порно с вами двумя? Это не входит в список того дерьма, которое я хочу делать. — Все его внимание переключается на Хейса. — Эйч, надень чертову футболку.

— К черту, — возражает он. — Здесь жарко, как в аду.

Кэм хмурит брови. — Здесь жарко. — Он подходит к термостату, и у него отпадает челюсть. — Господи Иисусе. Кто установил температуру на восемьдесят девять градусов?

Мали смотрит на потолок, на стену, на пол - куда угодно, только не на Кэма, а я смотрю на нее так, словно она - герой, в котором я не знала, что мы нуждаемся.

— Я так сильно люблю тебя сейчас, что если бы я не была такой собственницей, я бы разрешила тебе одолжить Хейса, — говорю я, глядя на нее.

Она откидывает голову назад и смеется, как раз в тот момент, когда у Хейса начинает звонить телефон. Он достает его из кармана, и в его глазах появляется нервозность. Он смотрит на меня всего секунду, пытаясь изобразить, что ничего страшного не происходит, но затем выходит на улицу, чтобы ответить на звонок.

Какого черта?

Он никогда так не делал. Никогда не боялся отвечать на звонки рядом со мной. Даже когда мы встречались тайком. Не поймите меня неправильно, у меня нет причин не доверять ему. Это вполне может быть пустяком. Но что-то в этом настораживает и, похоже, не только меня.

— Что это было? — спрашивает меня Мали.

Мой взгляд останавливается на Хейсе, когда он подносит телефон к уху, но при этом смотрит в другую сторону, чтобы я не могла прочесть по его губам. — Я не знаю.

Я всегда говорила себе, что нужно доверять своей интуиции. Она никогда не ошибалась. Но сейчас я не могу понять, о чем именно она говорит. Я не думаю, что искренне верю в то, что Хейс когда-нибудь мне изменит, но, поскольку в течение следующих нескольких дней тайные телефонные звонки происходят все чаще, я не могу не задаваться этим вопросом.

Я пыталась расспросить его о них, но он только утверждает, что это что-то для бара. Что-то с бумагами или разрешениями. Но всем этим занимается Марк, и даже если бы это было так, я не вижу необходимости выносить это на улицу.

Он обсуждает с Кэмом различные варианты пола, выбирая между светлым деревом и

темным, и тут снова происходит *это*. Он смотрит на него, говорит Кэму, что сейчас вернется, и выходит за дверь. Мой брат не выглядит обеспокоенным, но меня это задевает.

— Ты же не думаешь, что он изменяет? — У меня сердце замирает от одной этой мысли.

Мали хмыкает. — Я не думаю, детка. Вы же все время вместе.

— За исключением тех случаев, когда это не так. — Я смотрю на Кэма. — Он здесь весь день, когда я на работе, или он уходит?

Кэм фыркнул. — Ты спрашиваешь меня как своего брата или как его лучшего друга?

— Не может быть и того, и другого?

— Нет, — отвечает он. — Но все же, я думаю, что отвечу, независимо от этого. Если ты искренне веришь, что он изменяет, то это ваше личное дело. Но если ты думаешь, что я буду стоять в стороне, пока он изменяет моей сестре, то ты недостаточно внимательна.

Он прав. Кэм - самый заботливый человек из всех, кого я знаю, когда дело касается тех, кого он любит, и Хейс в том числе, но в его сознании есть две версии Хейса - тот, который его лучший друг, и тот, который встречается с его сестрой. Брат-защитник всегда победит лучшего друга.

— Хорошо, — вздыхаю я. — Тогда мой следующий вопрос. Я ему просто больше не нравлюсь?

Честно говоря, я не знаю, что было бы хуже. Я была бы опустошена в любом случае. Но Мали тут же качает головой.

— С тем, как он на тебя смотрит? — спрашивает она. — Ни за что.

Хейс возвращается, но останавливается, увидев, что мы с Мали смотрим на него. — Что-то не так?

Я качаю головой и отвожу взгляд, но Мали не из тех, кто держит язык за зубами, она скрещивает руки на груди. — Именно это я и пытаюсь выяснить.

— Хорошо, — нерешительно говорит Хейс. — Не хочешь ли ты рассказать мне, что это может быть?

Кэм раздраженно вздохнул. — Они хотят знать, изменяешь ли ты или тебе просто больше не нравится Лейкин.

— Чувак, — шиплю я.

Но мой брат только пожимает плечами. — Что? Здесь слишком много опасных инструментов, чтобы Мали раздумывала, убить его или нет.

Мой желудок завязывается узлом, и я даже не могу заставить себя посмотреть на Хейса. Я никогда не хотела быть такой девушкой. Той, которая не доверяет своему парню или не уверена в своих отношениях. Но когда Хейс медленно подходит ко мне и кладет руку мне на щеку, чтобы я посмотрела на него, я понимаю, что не могу избавиться от ощущения, что он в этом деле надолго, а не на время.

— Лей, — мягко говорит он. — У тебя есть я. Весь я. Навсегда.

Может быть, это честность в его голосе или то, как он смотрит мне в глаза, чтобы убедиться, что я его слышу, но мое дыхание выравнивается, а мысли успокаиваются. Больше никого нет. Ни для него. Ни для меня. Всегда будем только он и я.

— Я люблю тебя, — говорю я ему.

Он ухмыляется и наклоняется, чтобы поцеловать меня. — Я больше, чем просто люблю тебя.

Мали хмыкает, а Кэм бормочет что-то о том, что это дерьмо никогда не закончится, но

мы двое просто остаемся рядом на мгновение - потерянные друг в друге, когда я нуждаюсь в этом больше всего.

Мои ноги качаются туда-сюда, когда я сижу на табуретке и ем мороженое, пока Кэм заставляет Мали помогать ему крепить новые листы гипсокартона на место. Обычно этим занимается Хейс, но его здесь нет. Он сказал, что утром ему нужно было о чем-то позаботиться, и он встретит меня в баре после. Это сразу же заставило меня забеспокоиться, как это бывает, когда он отказывается выпускать из поля зрения свой телефон, но потом я закрыла глаза и вспомнила, как в тот день, когда Кэм раскрыл мою неуверенность в себе, Хейс при каждом удобном случае демонстрировал мне свои чувства.

И вот так все мои тревоги рассеялись в воздухе.

— Этот кусок кривой, — говорю я, наблюдая за тем, как они пытаются держать его прямо.

Кэм поворачивается и смотрит на меня. — Это было бы не так, если бы кто-то нам помогал.

— Я помогаю, — говорю я ему. — Я помогаю тем, что говорю тебе, что он кривой.

Мали смеется, а мой брат выглядит так, будто раздумывает над тем, чтобы застрелить меня из гвоздодера, который он держит в руках. Но прежде чем он успевает полностью спланировать мое убийство, в дверь входит Хейс.

— Слава Богу, — ворчит Кэм. — Мне нужна твоя помощь. Лейкин бесполезна.

— Я контролирую! — возражаю я.

Его терпение определенно подвергается испытанию, так как его челюсть сжимается. — Ты не помогаешь!

Я надуваю нижнюю губу. — Оу, ты собираешься рассказать обо мне маме?

Хейс хмыкает и смотрит на Кэма. — Отдохни. Я помогу тебе, когда вернусь.

— Ты только что пришел, — хнычу я. — И куда ты теперь пойдешь?

Он ласково улыбается мне. — Не волнуйся, я возьму тебя с собой. Мне есть что тебе показать.

— Все готово? — спрашивает Кэм.

Мы с Мали говорим в унисон. — Что готово?

Но Хейс только кивает, протягивая мне руку. — Не беспокойся об этом. Пойдем.

Все время, пока я нахожусь в машине, я пытаюсь понять, куда он может меня везти. Для свидания еще слишком рано, если только мы не собираемся пообедать, но он не из тех, кто любит обедать. Кроме того, он сказал, что ему есть что мне *показать*.

— Скажи мне, пожалуйста, куда мы едем? — умоляю я. — Неизвестность меня убивает.

Он останавливается на красный свет светофора. — Нет. Вообще-то, мне нужно, чтобы ты закрыла глаза.

Вместо этого они сужаются до щелок. — Серьезно?

Но он улыбается мне так, что я превращаюсь в кашу, и я вздыхаю, закрывая глаза и прикрывая их руками. И когда я чувствую, как он накидывает мне на голову толстовку, я почти ощущаю, как ему это нравится.

— Не перегибаешь ли палку?

Он усмехается. — Как будто ты не собиралась подглядывать.

Ладно, может быть, он и прав, но кто бы не хотел? Он вел себя скрытно, а теперь он держит меня буквально с завязанными глазами в своем грузовике. В обычные дни у меня обычно не хватает терпения, но сейчас он испытывает его на прочность.

— Если ты хочешь, чтобы я занялась сексом втроем с девушкой, с которой ты тайком встречаешься, то этого никогда не произойдет, — ворчу я.

Его ответ вытекает сам собой, даже не требуя обдумывания. — Ничего страшного. У нее есть друзья, которые готовы.

Мои глаза распахиваются, но я вижу только толстовку. — Знаешь, это я начала шутить, но теперь мне это уже не кажется смешным.

Из его рта вырывается смех. — Хорошо.

Должно быть, мы были близко, потому что через несколько минут грузовик поворачивает и останавливается. Он выключает двигатель и говорит мне, чтобы я не двигалась, выпрыгивая из машины. Через мгновение моя дверь открывается, и он помогает мне выйти. Он снимает с меня толстовку, но закрывает глаза рукой.

— Я все еще не могу смотреть?

— Нет.

Хейс прижимает меня к себе, ведя нас по траве. Единственное, о чем я могу думать, это о пикнике или о каком-то невероятном виде, который он нашел, но ничего из этого не кажется мне подходящим. Когда мы останавливаемся, он прижимает меня к себе и убирает руки от моих глаз.

— Хорошо, теперь ты можешь смотреть.

Я моргаю, приспособившись к свету, и тут замечаю, что мы стоим перед домом. Точнее, перед моим любимым домом из всех, что мы видели. И когда он достает из кармана ключ и показывает его мне, все встает на свои места.

— Ты купил его? — спрашиваю я в недоумении.

— Угу, — хмыкает он мне в ухо. — Хочешь войти?

Я быстро киваю. — Очень хочу.

Я не наивная. Я знаю, что это не мой дом. Это дом Хейса. Но есть что-то в том, что он выбрал для покупки мой любимый дом... что-то, что говорит мне о том, что он видит для нас то же будущее, что и я.

Мы поднимаемся по ступенькам и выходим на крыльцо, и я оглядываюсь по сторонам, так как начинает смеркаться. Он открывает входную дверь и жестом приглашает меня войти.

Это место так же прекрасно, как и в прошлый раз. Он не слишком большой, но в нем достаточно места, чтобы вырастить семью. И я так и представляю, как в холодные зимние дни я могу свернуться калачиком у камина и почитать книгу.

— Я так люблю это место, — говорю я ему.

Он улыбается, глядя на меня сверху вниз. — Я знаю, что любишь.

Мое сердце подпрыгивает от интенсивности его взгляда, но прежде чем я позволяю себе упасть в него, я краем глаза замечаю камин. Там, где раньше было пусто, теперь висят наши с Хейсом фотографии. Я подхожу ближе, чтобы получше рассмотреть.

Здесь есть фотография, которую Мали сделала перед концертом Томаса Ретта, и еще одна, которую я сделала утром после того, как мы вновь были вместе, - когда мы проснулись на нашем пляже и решили остаться вдвоем, слушая, как волны разбиваются о берег. Когда мы впервые увидели это место, я помню, как говорила о том, как красиво будет смотреться этот камин с несколькими рамками для фотографий.

— Ты слушал, — вздохнула я.

Он придвигается ко мне, проводит рукой по моей шее и поглаживает за ухом. — Я цепляюсь за каждое твое слово.

Весь воздух покидает мои легкие, я выгибаюсь и целую его. Все это похоже на сон. Я потратила годы на то, чтобы мысленно погрузиться во все, что он собой представляет, а теперь он здесь, обнимает меня и любит так, как я всегда надеялась. Как будто я нарисовала в своем воображении собственную маленькую сказку и воплотила ее в жизнь.

Отстранившись, я разрываю поцелуй и упираюсь головой в его грудь. Иногда я люблю его так сильно, что у меня кружится голова. Но он обнимает меня, целует в макушку и гладит по спине. Я могла бы провести здесь всю свою жизнь и ни на что не жаловаться.

В конце концов, мы отправляемся в остальную часть дома, обсуждая, что он мог бы сделать с каждой комнатой. У него нет гаража, где он мог бы работать с досками, но есть сарай на заднем дворе, который вполне подойдет. Он упоминает о том, что хочет превратить спальню на нижнем этаже в кабинет, чтобы было где хранить все документы для бара, и что он хочет покрасить каждую комнату в разные цвета.

Потому что белый - это скучно.

Я слушаю, высказываю свои соображения, когда они есть, пока, наконец, мы не заканчиваем разговор на кухне.

Честно говоря, это была одна из моих любимых комнат. В ней я так живо представляла себе, как мы вместе готовим ужин и смеемся, когда я дразню его за мытье посуды. Даже сейчас я вижу это. И мне это нужно больше, чем воздух, которым я дышу.

— Я не могу поверить, что это твой дом, — говорю я ему.

Он подходит ближе, и мои бедра оказываются прижатыми к острову.

— Поверь в это, детка. Это все мое. — Он наклоняется, чтобы поцеловать меня в шею.

— И я планирую поклоняться твоему телу на каждом... гребаном... дюйме этого дома. Начиная прямо здесь.

Его рука скользит вверх по моим шортам и сдвигает трусики в сторону. Он сгибает пальцы и переходит прямо к моему клитору, натирая его круговыми движениями, словно его единственное намерение - заставить меня кончить как можно быстрее.

— Черт, — тихо стону я.

Он откидывает голову назад и смотрит на меня. — Мы не прячемся здесь, детка. В этом месте больше никого нет. Здесь только мы. И я хочу услышать твои крики.

Наслаждение нарастает внутри меня. От его слов, от ощущения его умелых пальцев, от того, как он наблюдает за мной. И когда моя голова откидывается назад, и я перестаю сдерживать себя, он ухмыляется.

— Вот так, — говорит он мне. — Вот это моя хорошая девочка.

Его руки перемещаются к моим бедрам, и он быстро раздевает меня, словно в отчаянии. Он обхватывает меня за талию и усаживает на остров. От ощущения холодного гранита я взвизгиваю, но тепло его взгляда согревает меня до такой степени, что мне становится все равно.

Он опускается на колени и закидывает мои ноги себе на плечи. — Посмотрим, насколько громкой ты можешь быть.

Он не дразнится, а сразу же ныряет в меня, вылизывая мою киску и посасывая клитор. Я откидываюсь назад и обхватываю себя руками, пока он так искусно пожирает меня, что я уже на пределе. Он вцепился в кожу на моих бедрах, притягивая меня ближе, как будто не может насытиться. Ему нужно все. Каждая частичка моего удовольствия принадлежит ему, и он не остановится, пока не получит ее.

Когда он вводит в меня два пальца, я перемещаю одну руку на его затылок и хватаю его за волосы. Он рычит в меня, а я притягиваю его ближе, позволяя звукам моих стонов заполнить комнату. Больше ничего не существует. Только он и я, и то, как он сосет мой клитор, пока я сижу на острове, на котором, как я представляла, мы готовим ужин.

Я не думаю, что он блефовал. Он действительно будет трахать меня на каждом дюйме этого дома, и от одной мысли об этом я сжимаю бедрами его голову. Это только еще больше подстегивает его. Его движения ускоряются, и пальцы находят внутри меня ту точку, от которой я вижу звезды.

— Отдай мне это, Лейкин, — требует он. — Кончи на мой язык, чтобы я мог зарыться в тебя поглубже.

Бесполезно даже пытаться отказать ему. Мое тело принадлежит ему, и он знает это лучше, чем что-либо другое. Все, что он хочет, он получает - в том числе и мой оргазм. Давление настолько сильное, что когда он в очередной раз присасывается к моему клитору и проникает пальцами в точку G, я выкрикиваю его имя и падаю обратно на стойку.

Он следует за моим телом, не отпуская ни на секунду, всасывая каждую частичку того, что я ему даю. И то, как он стонет от вкуса моего кайфа, - это самое сексуальное зрелище, которое я когда-либо видела.

В тот момент, когда мое тело расслабляется, он встает и окидывает меня взглядом, медленно спуская штаны. Он обхватывает свой член и проводит по нему рукой, наблюдая за мной.

— Ты просто мечта, — пробормотал он. — Я никогда не смогу насытиться тобой.

Моя грудь вздымается и опускается от тяжелого дыхания, когда он трет своим членом

мой клитор. Я так чувствительна и так возбуждена от только что сотрясшего меня оргазма, что тут же начинаю извиваться. И когда я чувствую, как он начинает входить в меня, абсолютно голым, это заставляет меня хотеть его еще больше.

— Это нормально? — спрашивает он.

Я киваю. — Мне нужно почувствовать тебя. Всего тебя.

Его глаза темнеют, и он прикусывает губу, вжимаясь в меня своим членом.

Для этого нет слов. Невозможно объяснить, как потрясающе чувствовать его внутри себя. В воде - это одно, а здесь? Это сексуальный рай, мать его.

Мышцы Хейса напрягаются, и он закрывает глаза, поглощенный ощущениями. Это заставляет меня задуматься, и я не могу удержаться от вопроса.

— Ты никогда... — мой голос затихает, но он знает, о чем я спрашиваю.

Он смотрит на меня с той же откровенностью, что и в тот день на яхте. Когда мы оба были в центре свободного падения, которое никто из нас не мог отрицать.

— Только с тобой, — признается он. — Всегда только ты.

Черт. Что-то в осознании того, что я единственная, с кем он когда-либо был вот так, заставляет меня сжиматься вокруг него и использовать свои пятки на его заднице, чтобы втянуть его глубже. Это так сильно. Так мощно. Чувствуя, как он трахает меня с такой силой, я хочу, чтобы он всегда был глубоко внутри меня.

— Боже, это так приятно, — стону я. — Так чертовски хорошо.

Его челюсть отпадает, когда он выходит из меня, чтобы снова войти. — Ты моя, Лейкин. Эта киска. Это тело. Все мое.

— Все твое, — соглашаюсь я.

Он издает нечто среднее между хмыканьем и стоном. — Хорошая девочка. Иди сюда.

Просунув руку мне под спину, он помогает мне сесть и поднимает меня со стойки, все еще с членом внутри. Он прижимает меня к дверному проему на кухню, несколько раз входит в меня, а затем несет меня к лестнице. Он выходит из меня и ставит мои ноги на пол.

— Повернись, — приказывает он, и я делаю то, что мне велено. — Теперь наклонись и держись за перила.

Его ладонь скользит по моему позвоночнику, направляя меня в нужное положение, и он снова выстраивается у моего входа.

— Хочешь, чтобы я надел презерватив?

Я качаю головой. — Просто скажи мне прямо перед тем, как ты собираешься кончить.

Он скользит в меня, его руки обхватывают мою талию, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Он смотрит, как его член входит и выходит из моей киски. Когда-нибудь я даже попрошу его записать это, чтобы я могла увидеть, как это выглядит под таким углом.

Его движения становятся быстрее. Более жесткими. Его хватка крепнет, кончики пальцев впиваются в плоть на моих бедрах. И когда моя голова снова падает вперед, я понимаю, что мы стоим прямо перед большим окном гостиной.

— Эйч, — задыхаюсь я. — Здесь нет жалюзи. Кто-нибудь может нас увидеть.

Но, похоже, его это не волнует, и он впивается в меня.

— Пусть, — рычит он. — Пусть смотрят, как я заставляю все твое тело напрягаться, как ты выкрикиваешь мое имя, чтобы весь мир услышал. Я хочу, чтобы все знали, кому ты принадлежишь.

Он наклоняется вперед, проводит рукой по моей груди и начинает играть с моим

клитором. С каждым круговым движением он входит и выходит из меня. Я настолько одержима ощущением каждого его дюйма, что уже через несколько мгновений я все ближе и ближе подхожу к краю. Давление снова нарастает, и Хейс это чувствует, потому что он гонится за ним.

Он добивается этого для нас обоих.

— Черт, — стонет он. — Я не хочу выходить. Я хочу заполнить тебя до отказа и смотреть, как моя сперма капает из твоей киски.

Боже, я тоже этого хочу. И это так чертовски заманчиво. Но я не принимаю противозачаточные средства, и никто из нас не готов к такой ответственности, которую влечет за собой этот риск.

— Не сегодня, — говорю я ему. — Сегодня я хочу, чтобы ты кончил мне в горло.

— Но я...

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него. — Я знаю.

Он облизывает губы и усиливает давление на мой клитор, чтобы подтолкнуть меня к краю. Его член входит в меня как можно глубже, и я сжимаюсь вокруг него, позволяя ему ощутить мой оргазм вместе со мной - ничто не отделяет нас друг от друга.

Когда я уже начинаю опускаться, он входит в меня раз, два, три раза.

— Черт, — ругается он.

Он выходит из меня, и я кручусь на месте, падая на колени и открывая рот, чтобы он мог войти в меня. Я чувствую собственный вкус, когда он вколачивается в мое горло. Я задыхаюсь и сглатываю, и этого оказывается достаточно, чтобы он выплеснул все, что у него есть, мне в рот.

Я ласкаю его член, когда мои щеки впадают и я сглатываю. Его рука летит к перилам, крепко хватаясь за них. Я смотрю на него сквозь опущенные ресницы и делаю это снова, просто чтобы увидеть выражение сексуального блаженства на его лице. А после того, как я наконец-то высосала его дочиста, я резко отстраняюсь от него, и он с ухмылкой смотрит на меня.

— Ты невероятная, — говорит он, вытирая большим пальцем немного своей спермы с уголка моего рта. — Я так чертовски зависим от тебя.

Я улыбаюсь, потому что я тоже это чувствую. Каждый раз, когда он целует меня. Каждый раз, когда он произносит мое имя. Каждый раз, когда я даже смотрю на него. Он единственный мужчина, которого я когда-либо любила, и единственный, кого я когда-либо буду любить. Потому что такая зависимость - она остается навсегда. Она никогда не исчезает. От нее не избавиться. Нет никаких шансов остановиться.

Она бежит по моим венам и уничтожает меня изнутри.

Хейс

Переезд из моей спальни в мамином доме вызывает горькую радость. С одной стороны, будет очень странно не жить в одном доме с мамой и сестрой. Не наткаться друг на друга мимоходом или изредка ужинать вместе. Но с другой стороны, я не могу дождаться того времени, которое я смогу провести наедине с Лейкин.

С первой ночи, которую мы провели вместе, мне трудно заснуть без нее. Если у меня нет ее головы на груди или звука ее дыхания, убаюкивающего меня, я всю ночь ворочаюсь. К счастью, моя мама никогда не беспокоится, если она остается у меня ночевать. Но родители Лейкин? Мне приходится заводить будильник на пять утра, чтобы пробраться обратно в комнату Кэма.

И, конечно, потом я не могу снова заснуть, потому что ее нет в моих объятиях.

Кэм хватает последнюю коробку и относит ее к моему грузовику, пока я стою в дверях, глядя на пустую комнату. Моя мама подходит, чтобы встать рядом со мной, и я вижу, как она пытается не прослезиться.

— Знаешь, я горжусь тобой, — говорит она. — Было время, когда я сомневалась, но то, каким ты вырос, — это именно тот человек, которым, как я надеялась, ты станешь.

Я издаю звук отвращения. — Нам обязательно сейчас устраивать праздник рыданий?

Она поднимает на меня глаза, и мой фасад трещит по швам. Я улыбаюсь, обхватываю ее рукой и притягиваю к себе.

— Спасибо, мам, — говорю я ей. — За все.

Она прикрывает рот рукой, когда начинает плакать. — Теперь ты тот, кто превращает это в праздник рыданий.

Я усмехаюсь. — Ты начала это.

— О, мерзость, — говорит Девин, заворачивая за угол. — Вы двое ведете себя глупо. Извините, я ухожу.

— Иди сюда, — говорю я ей.

Она ворчит, но все равно делает это, и я прижимаю к себе двух самых важных женщин в моей жизни. Тот факт, что у них больше не будет мужчины в доме, сидит в глубине моего сознания, но я знаю, что у них все будет хорошо. Эти двое пугают меня до смерти. Если кто-то решит вломиться, это останется между ним и Богом.

— Не будь незнакомцем, — говорит мне моя мама.

Я фыркаю. — Я буду всего лишь в нескольких милях. Все будет так, как будто я никогда и не уезжал.

— Это угнетает, — поддразнивает Девин. — Я с нетерпением ждала, когда мне больше не придется видеть твою уродливую рожу.

Мои глаза закатываются. — Заткнись. Ты знаешь, что будешь скучать по мне.

Она пытается играть жестко, но я вижу ее насквозь, когда она начинает плакать. —

Черт возьми, прекрасно. Я буду немного скучать по тебе.

Кэм кивает мне через входную дверь, и я знаю, что мы все готовы идти. Ребята возвращаются ко мне домой, чтобы помочь с разгрузкой, а Лейкин и Мали остались там, чтобы распаковать вещи и дожидаться людей, доставляющих мою мебель. По-видимому, когда у тебя есть только спальня, тебе нужно купить много дерьма.

— Эй, — говорю я Девин, у меня появилась идея. — Ты сегодня занята?

Ее губы поджимаются, прежде чем она качает головой. — Нет, а что?

— Хочешь вернуться со мной в дом? — предлагаю я. — Лейкин и Мали там. Ты можешь потусоваться с ними.

Она улыбается и смотрит на маму. — С тобой все будет в порядке?

— Со мной все будет в порядке, — уверяет она ее. — Иди, развлекайся и помоги своему брату.

Девин идет надевать туфли, пока я поворачиваюсь к маме.

— Если я тебе когда-нибудь понадобится, обещаю, что позвонишь, — говорю я ей. Она пытается отмахнуться от этого, но я не позволяю. — Я серьезно. Мне все равно, что это такое, и даже если сейчас два часа ночи. Ты звонишь мне, и я здесь.

Ее взгляд смягчается, и она кивает. — Я обещаю. Я люблю тебя, Хейс.

— Я тоже тебя люблю.

Я обнимаю ее еще раз, пытаюсь показать ей, как сильно я забочусь о ней и ценю, как усердно она всегда работала, чтобы обеспечить нас. Я знаю, это было нелегко - растить двух подростков в одиночку, но она ни разу даже не подумала о том, чтобы бросить нас. Лейкин - мое будущее, и я люблю ее больше, чем когда-либо думал, что это возможно. Но всем, чем я являюсь, и мужчиной, которым я стал, я обязан женщине, стоящей передо мной.

Еще раз попрощавшись, мы все трое выходим на крыльцо. Девин проходит вперед меня, чтобы сесть в мой грузовик, а я разворачиваюсь и иду задом наперед, разговаривая с мамой.

— Я привезу ее позже, — говорю я ей.

Она морщит нос. — Тебе обязательно?

Я смеюсь, садясь в свой грузовик, еще раз машу рукой, выезжая с подъездной дорожки.

У меня в груди тяжесть от осознания того, что она вернется в дом и будет плакать. В голове проносятся воспоминания о том, как уходил отец, но я отгоняю их. В отличие от него, я не бросаю ее с двумя детьми на произвол судьбы. Я вообще ее не бросаю. Если бы я ей понадобился, я был бы там меньше чем через десять минут.

У нее всегда буду я.

Мы вернулись в дом, и я вошел в него, чтобы увидеть, что девочкам, должно быть, стало скучно. Они распаковали все, что мы привезли, и, хотя я не знаю, где что лежит, я просто рад, что это сделано. Правда, я не уверен, как я отношусь к тому, что они собрали тумбы и

журнальный столик.

— Ты уверена, что они не развалятся на части? — спрашиваю я скептически.

Лейкин пристально смотрит на меня. — Да, придурок. Мы следовали инструкциям.

Оуэн поднимает крайний столик и встряхивает его. — Мне кажется, он крепкий. Эй, Эй! Подойди и встань на эту штуку.

— Давай не будем, — останавливаю я его и слегка улыбаюсь Лейкин. — Выглядит великолепно, детка.

— Спасибо, — говорит она, счастливо улыбаясь.

У Мали такое выражение лица, будто «я сейчас раздую из мухи слона». — Лей, расскажи ему о своей новой бизнес-идее.

Лейкин хихикает, и мне уже страшно. — В последнее время у меня так много опыта в ручном труде, что я должна начать свой собственный бизнес мастера на все руки.

Кэм заливается смехом. — Ручной труд? Ты весь чертов день сидишь и тарачишься на своего парня!

У нее отвисает челюсть. — Я только что собрала три предмета мебели! И, кроме того, смог бы *ты* выполнить какую-нибудь работу, если бы он был рядом? Посмотри на него.

Все эмоции сходят с лица Кэма, когда он медленно качает головой. — В том, что ты только что сказала, так много неправильного.

Девин съеживается. — Согласна.

Моя сестра смотрит на меня как на больного, и я отмахиваюсь от нее, прежде чем сосредоточиться на своей девушке. — Ты не будешь мастером на все руки, детка.

— Почему бы и нет? — игриво нажимает она. — Я могла бы сорвать куш, особенно если бы сделала это топлесс.

Это привлекает внимание Мали. — О, возможно, в этом что-то есть.

Когда Девин начинает открывать рот, я провожу черту и указываю на нее пальцем. — Одно твое слово, и Кэм доставит твою задницу прямо домой.

Ее губы плотно сжаты, тем временем Лукас лихорадочно обыскивает свои карманы. Брови Оуэна хмурятся, когда он наблюдает за ним.

— Чувак, какого хрена ты делаешь? — спрашивает он.

Он продолжает похлопывать везде по своему телу и оглядываться. — Я не могу найти свои чертовы ключи.

— Мы еще не закончили приносить дерьмо, — говорит ему Кэм. — Куда тебе нужно ехать?

— ИКЕА, — говорит он, как будто это очевидно.

Все посмеиваются, но я слишком занят состязанием в гляделки с Лейкин. Ей просто нравится нажимать на мои кнопки, и, упомянув о себе топлес в присутствии Лукаса, она знала, что он клюнет. Ни один из нас не отводит взгляда, когда Мали стонет.

— Они снова это делают.

— Что делают? — спрашивает Эйден.

Кэм вздыхает и отвечает за нее. — Та вещь, когда они забывают о существовании остальной части комнаты и живут в своем собственном маленьком мире.

— От этого тошнит, — ворчит Мали.

Я не обращаю на них внимания и слегка наклоняю голову в сторону, бросая на нее определенный взгляд. Она прекрасно понимает, что это значит, и встает, не говоря ни слова. Когда она идет прямо ко мне, я обнимаю ее.

— Моя, — рычу я, в основном, ради Лукаса.

Но отвечает Мали, закатывая глаза. — Да, мы знаем, Пещерный человек. Не нужно клеймить ее, чтобы прояснить ситуацию.

— Так странно видеть его таким с цыпочкой, — говорит Оуэн.

Кэм ворчит. — Как ты думаешь, что я чувствую? Находясь рядом с ними обоими, я почти скучаю по тюрьме.

Но ни одно из их мнений не имеет значения, когда Лейкин поднимает на меня взгляд, и мои глаза встречаются с ее — потому что она лучшее, что когда-либо случилось со мной. И я проведу остаток своей жизни, будучи безнадежно влюбленным в нее.

Позже вечером, после того как все разошлись по домам, остались только мы с Лейкин. Я раскладываю несколько вещей, которые она выбрала в магазине, позволяя ей оставить свои личные штрихи повсюду. Я думал о том, чтобы предложить ей переехать ко мне - даже больше, чем мне хотелось бы признать, - но что-то удерживает меня. Каждый раз, когда я собираюсь произнести эти слова, они просто не выходят.

Она сидит на диване, напевая себе под нос песню, которую пишет, и я не могу не улыбнуться. Она выглядит так по-домашнему, одетая в одну из моих футболок после того, как я сделал перерыв с единственной целью - трахнуть ее. После её выходки с топлес, мне нужно было напомнить ей, почему никто больше не может видеть её так, как я. И если я уделил повышенное внимание ее сиськам из чистой ревности, то это никого не касается, кроме меня самого.

Наблюдая за ней в таком виде, я ощущаю тепло, которое распространяется по всему телу. Оно зарождается в груди и медленно пробирается сквозь меня. А то, как она смотрит на меня и улыбается, напоминает мне о том, как моя мама улыбалась моему отцу до того, как все пошло прахом. Я достаю из кармана телефон, кладу его на камин и нажимаю пару кнопок, пока из динамика не зазвучит песня «Благословлен» Томаса Ретта.

Лейкин выглядит заинтригованной, когда я подхожу к ней и протягиваю руку.

— Потанцуй со мной, — говорю я ей.

Она хихикает. — Детка, здесь нет места.

Я оглядываюсь на мгновение, прежде чем отодвинуть кофейный столик в сторону. — Вот. А теперь потанцуй со мной.

Ее рука скользит в мою, и она встает. — О, точно. Я забыла о твоей тайной любви к женским фильмам.

Наши пальцы переплетаются, и другая моя рука ложится на ее поясницу, пока мы раскачиваемся в такт музыке. — Напомни мне убить Девин за то, что она тебе это сказала.

Она хихикает, но тут же взвизгивает, когда я отвожу ее в сторону, а затем возвращаю к себе. — Но тогда откуда бы я брала всю информацию?

— Я, — просто отвечаю я. — Во мне нет ни одной части, которую я не хотел бы, чтобы ты знала. Ты можешь спрашивать меня, о чем угодно.

Ее брови приподнимаются. — Для тебя это звучит опасно.

— Делай все, что в твоих силах.

Мы медленно танцуем по гостиной, пока она думает. — Когда ты потерял девственность?

Ха. — И ты говоришь, что у меня однонаправленный ум.

— У тебя - от вечной сексуальной неудовлетворенности. У меня - из-за ревности. Это не одно и то же.

Я ухмыляюсь, снова поворачивая ее, прежде чем ответить. — Хорошо... Мне было шестнадцать. Мы были на вечеринке. И я сделал это только потому, что все мои друзья уже сделали это.

— Это ужасная причина, — упрекает она.

Я пожимаю плечом. — Я был глупым ребенком. Я не знал ничего лучшего.

Я не жалею о своем сексуальном опыте. Было бы здорово, если бы только Лейкин знала эту часть меня? Конечно. Но тогда я был бы таким же неопытным ублюдком, каким был до этого. За эти годы я научился всему тому, что ей сейчас так нравится. Принимая это во внимание, все это того стоило.

— Отлично, ты получаешь пропуск, — говорит она и идет дальше. — Что пришло тебе в голову в тот день на яхте Монти? Ты знаешь, о чем я говорю.

От этого вопроса у меня на мгновение перехватывает дыхание, и я фыркаю от удовольствия. — Что я влюблялся в тебя. Я так старался не впускать тебя, но не смог. Это было вне моего контроля.

Она прикусывает губу, но ее ухмылка все равно становится шире. — И ты пытался сказать, что нам не суждено быть вместе.

— Самое большое сожаление в моей жизни, — честно отвечаю я. — Ты *единственная*, с кем мне суждено быть.

Ее голова покоится у меня на груди, и мы крепко прижимаемся друг к другу, продолжая танцевать, даже спустя долгое время после того, как песня сменилась на что-то более быстрое.

Предоставьте моим друзьям искать любой предлог, чтобы устроить вечеринку - даже если это не их дом. Они говорят, что это мое новоселье, но ни один человек не принес мне подарка. Кроме Оуэна. Он принес мне пиво.

Только одно.

Но я не жалуясь. Не тогда, когда вокруг меня все мои друзья и Лейкин. И приятно знать, что я могу выпить сегодня вечером и не беспокоиться о том, как потом доберусь

домой. Или спать на полу Кэма, если уж на то пошло.

И только когда в комнату заходит до боли знакомый кусок дерьма, мое настроение резко падает.

— Черт, нет, — рычу я, проталкиваясь сквозь толпу людей по пути к двери. — Проваливай. *Сейчас же.*

Крейг издевается, улыбаясь своим друзьям, как будто я шучу. — Давай, чувак. Это самая большая вечеринка лета.

— Мне насрать. Убирайся нахрен из моего дома.

Лейкин подходит и встает рядом со мной, и когда взгляд Крейга падает на нее, я понимаю, что он все еще испытывает к ней чувства. Не могу его в этом винить. Это он, тупица, потерял ее.

Когда я обнимаю ее, он маскирует свою боль раздражением. — Люди говорили, что вы вместе, но я в это не верил. Никогда не думал, что *Хейс Уайлдер* захочет мою бывшую.

— Эй, — огрызаюсь я. — Ты не можешь с ней разговаривать. Ты даже не можешь на нее смотреть. Держи свои гребаные глаза на мне.

Крейг сухо смеется. — Хорошо. Скажи мне, как на ощупь ее киска? Или она тоже держит тебя на третьей базе? Никогда не знал, что она ханжа, пока я не начал с ней встречаться.

Вся вечеринка молчит, за исключением Мали на заднем плане, пытающейся удержать Кэма от того, чтобы подойти сюда. Это умно. Держа его там, мы уберігаем его от неприятностей. Но моей свободе здесь ничто не угрожает, и он в *моем* доме.

— Видишь, в этом разница между тобой и мной, — усмехаюсь я. — Я не чувствую необходимости рассказывать о своей сексуальной жизни всем своим друзьям. Но я понимаю, что тебе есть что компенсировать. Лейкин рассказала мне все о твоём маленьком... ну, ты понимаешь.

Лей безуспешно пытается не рассмеяться. Мы никогда не говорили о члене Крейга по понятным причинам. Но, судя по тому, как краснеет его лицо, я попал в точку. Как неудачно для него.

— Убирайся отсюда, Крейг, — требую я. — И держи имя моей девушки подальше от своего рта.

Наверное, впервые половина этого зала слышит, как я называю кого-то своей девушкой, но я сосредоточен только на том, чтобы убрать этого говнюка как можно дальше от Лейкин. Одного осознания того, что он видел ее *почти* обнаженной, достаточно, чтобы мне захотелось убить его.

— Ничего не поделаешь, чувак, — говорит он мне. — Это у меня на языке каждый раз, когда я дrouchу, представляя ее рот на моем члене.

Мой кулак сжимается, и я собираюсь броситься на него, но Лейкин движется быстрее. Она проскальзывает передо мной и удерживает меня всем, что у нее есть. Ее руки поднимаются, чтобы коснуться моего лица, когда она отчаянно пытается привлечь мое внимание.

— Детка, — она пытается снова. — Остановись. Он просто пытается разозлить тебя. Не слушай его.

Я отвлекаюсь от Крейга и переключаю свое внимание на нее, именно там, где оно должно быть. Она улыбается с облегчением и скользит руками по моей шее.

— Не слушай его, — повторяет она. — Просто сосредоточься на мне.

И я прекрасно могу это сделать. Если ему не понравилось видеть, как я обнимаю ее, он действительно возненавидит это.

Притягивая ее к себе, я прижимаюсь губами к ее и чувствую, как она тает во мне. Все начинается ради Крейга, но быстро переходит в другое русло - это становится полностью для меня. Потому что она поддерживает меня. Потому что она не дает мне сойти с ума.

Потому что она единственный человек, которого я когда-либо хочу снова поцеловать.

— Снимите комнату! — шутит Оуэн.

Я отстраняюсь, и мои брови приподнимаются. — Вообще-то, у меня их три. Спасибо за напоминание. Снова сосредоточившись на Крейге, я ухмыляюсь. — А теперь, если ты меня извинишь, я собираюсь насладиться своей вечеринкой, а затем трахнуть свою девушку так, как она тебе никогда не позволяла.

Делая шаг к нему, он делает шаг назад. Сделав еще несколько шагов, он оказывается на переднем крыльце, и я захопываю дверь у него перед носом. Музыка начинает играть снова, и все возвращаются на вечеринку, как ни в чем не бывало. Мы с Лейкин идем на кухню, и я беру еще пива из холодильника.

— Этот парень такой придурок, — рычит Лукас. — Как ты вообще с ним встречалась?

Лейкин морщит нос. — Я была молода и глупа. Я не знала ничего лучшего.

Я не могу удержаться от смеха, узнав в ее словах те, которые я использовал, когда мы танцевали в гостиной. Мали возвращается из столовой, за ней следует Кэм. Мое первое предположение - она привела его туда, чтобы держать подальше от Крейга, но, поскольку он не отвлекается, глядя на нее, я думаю, дело было не только в этом.

— Кэм! — кричит Эйден. — Выпей со мной пива!

Он улыбается, но в этом есть что-то неправильное. — Я что, выгляжу так, будто мне сегодня хочется блевать?

— С тобой неинтересно. — Он оглядывается. — Мали?

Она пожимает плечами. — Да, конечно. К черту все.

— Да!

Все смотрят, как они вдвоем соревнуются, кто быстрее выпьет, но мое внимание приковано к двери - в нее вошел Монти и сейчас обменивается братским рукопожатием с Оуэном, как будто они дружат уже много лет. Я даже не подозревал, что они знакомы. А судя по тому, как Монти быстро отстранился, увидев, что я смотрю на него, думаю, что мне и не суждено было узнать.

— Ты в порядке? — спрашивает меня Лейкин.

Я возвращаю свое внимание к ней. — Да. Да, я в порядке.

Она празднует с Мали после того, как та с легкостью победила Эйдена, но я все еще не могу оторваться от Монти. Что-то в нем меня не устраивает. И я не думаю, что это связано с тем, что он угрожал мне. Она теперь моя. Это не изменится.

Если бы он не спас Кэма от того, чтобы провести следующие несколько лет в тюрьме, я бы сказал об этом Лейкин. Или даже самому Кэму. Но он заслужил уважение обоих своим поступком, и Лейкин с тех пор стала ему лучшей подругой. Поэтому у меня нет ни одной опоры, когда дело касается его.

Только если я не узнаю его скрытые мотивы.

И только позже у меня появляется возможность спросить об этом Оуэна. Я стою на улице и курю сигарету, когда он выходит на свежий воздух. Некоторые люди уже ушли. Некоторые еще продолжают гулять. Большинство пьяны. Но Монти оставался трезвым, и у меня такое чувство, что для этого есть причина.

— О, привет, Эйч, — говорит Оуэн. — Я не знал, что ты здесь.

Я поднимаю сигарету. — Лейкин не хочет, чтобы я курил в доме.

Он хихикает. — Вы двое сейчас живете вместе?

— Не-а, — я качаю головой. — Во всяком случае, пока нет. Я не знаю. Я уверен, что рано или поздно доберусь до этого.

Его глаза расширились от недоверия и удивления. — Это безумие. Я никогда не думал, что увижу тот день, когда *ты* остепенишься.

— Да, — я заглядываю внутрь и вижу, как Лейкин смеется над чем-то, что сказала Мали. — Она потрясающая.

— Черт, — выдыхает он. — Молодец. Seriously. Я рад за тебя.

— Спасибо. — Я делаю еще одну затяжку сигаретой. — Эй, я заметил, что ты разговаривал с Монти ранее. Я не знал, что вы двое знаете друг друга.

Его брови хмурятся, пока не приподнимаются в осознании. — О, Роллинз? Да, мы несколько раз тусовались у Айзека.

— Айзека? — Вот *это* интересно.

Он кивает. — Да. Эти двое довольно близки. Выросли в одном социальном кругу и все такое. Я думаю, они познакомились в школе-интернате.

Забавно, что за все время, пока Монти помогал нам с делом Кэма, он ни разу не упомянул, что даже знал Айзека, не говоря уже о том, что когда-то дружил с ним. И что-то подсказывает мне, что это не потому, что это вылетело у него из головы.

— Вау. Думаю, ты узнаешь что-то новое каждый день.

Оуэн хмыкает как раз в тот момент, когда Лукас выходит с Эйденем. Они втроем приехали сюда вместе. Предполагалось, что Эйден будет их трезвым водителем, но это пошло насмарку, когда он опрокинул три бутылки пива. Итак, Лукас переключился на воду.

— Готов? — Лукас спрашивает Оуэна.

— Да. — Он поворачивается ко мне. — Увидимся, Эйч.

Я на секунду поднимаю руку в нерешительном жесте всем троим, но мой разум как лазер сфокусирован на Монти. Я чувствую, что все, что с ним связано, — это уловка. Иллюзия. Он знает, как заставить людей поверить, что у него ничего не припрятано в рукаве, но я вижу его насквозь.

Он что-то скрывает, и я собираюсь это выяснить.

Лейкити

Позвольте официально заявить, что Мали делает из меня лжеца. Я была совершенно невольным участником. Ладно, это тоже ложь. Я не стала возражать, когда она сказала Хейсу и Кэму, что мы должны пойти к ней на работу, чтобы решить одну важную проблему. Но да ладно. Нам еще долго придется помогать им работать над этим баром, прежде чем мы начнем сходиться с ума.

Единственное, что делает все это стоящим, - это видеть, как счастлив Хейс. Иногда, когда мы проводим время у него дома, он теряется, обсуждая все свои идеи. Когда он говорит о чем-то с такой страстью, я улыбаюсь. Потому что он заслуживает всего самого лучшего.

А я заслуживаю того, чтобы отдохнуть от краски, шпаклевки и всего, что связано с ремонтом.

— Это, — говорит Мали, показывая то, что должно быть нижним бельем, но на самом деле выглядит просто как лоскутки кружевной ткани, связанные вместе.

Я качаю головой. — Абсолютно нет.

— Ты бы выглядела так сексуально!

Мои руки скрещены на груди. — Ты хочешь сказать, что в остальном я не выгляжу сексуально?

Она прищуривается, глядя на меня. — О, да. Это именно то, что я говорю. Ты законченная жаба. Удивительно, что ты заполучила одного из самых горячих парней в городе.

— Отлично! — Я вскидываю руки в воздух. — Теперь ты еще и моего парня называешь горячим. Какая-то ты лучшая подруга.

Ее взгляд говорит о том, что ей сейчас не до моих выкрутасов, но все, что я могу сделать, - это рассмеяться. После того, как я провела последний час, слушая, как она пытается уговорить меня надеть «что-нибудь развратное», как она выразилась, я могу ей немного отомстить.

— Я так сильно тебя ненавижу, — говорит она мне.

Но я мило улыбаюсь ей в ответ. — Это так мило. Ты лжешь даже самой себе.

Она отмахнулась от меня и вернулась к изучению ассортимента магазина. Она не понимает, что меня здесь ничего не интересует. Я не любительница нижнего белья. Честно говоря, я даже не уверена, что у меня хватит уверенности в себе, чтобы примерить его. Не то чтобы я была неуверенной в себе. Но все, что связано с Хейсом, заставляет меня нервничать

- в хорошем смысле, но все же нервничать.

— Ладно, как насчет этого? — предлагает Мали.

Я поворачиваюсь к ней, на кончике языка уже вертелось "нет", но я останавливаюсь, когда вижу, что она держит в руках. Это сексуально, но в какой-то степени мило. Белая кружевная ткань кажется мягкой на ощупь, и вместо того, чтобы выглядеть так, будто мою одежду растерзал медведь, это больше похоже на купальник. Я поджимаю губы и подхожу ближе, чтобы получше рассмотреть, а Мали практически сияет от того, что я еще не отказалась от него.

— Когда бы я это надела? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня в ответ, ее рот открывается и закрывается, прежде чем она решает, что сказать. — Ты серьезно? Прежде чем заняться сексом. Когда, черт возьми, еще ты бы это надела?

Мои глаза закатываются. — Нет. Я знаю это. Но я имею в виду, для чего? Потому что сегодня вторник?

— Сегодня четверг, — поправляет она меня.

Я раздражаюсь. — Ты знаешь, что я имею в виду!

— Лей, ты слишком много думаешь об этом. Это просто то, что понравилось бы Хейсу и заставило бы тебя чувствовать себя хорошо.

— Он заставляет меня чувствовать себя хорошо.

Она усмехается. — Не хочу это слушать. Не отвлекайся от темы, пожалуйста.

Я хватаю его за низ и поднимаю вверх, чтобы рассмотреть поближе. Оно действительно красивое, и даже если я не надену его сразу, по крайней мере, оно будет у меня, когда появится желание. В следующем месяце у него день рождения. Это будет самое подходящее время для него.

— Хорошо, — говорю я. — Я возьму его.

И тут мне в голову приходит блестящая идея.

Мне нужно купить кое-что еще.

Когда мы вернулись в бар, было уже поздно. Я ожидала, что Хейс напишет мне несколько сообщений, спросит, где я и когда мы вернемся, но он был относительно спокоен. И только когда мы зашли внутрь, я поняла, почему.

Стопка пустых пивных банок стратегически выстроена в пирамиду. В ней должно быть не менее тридцати банок, и это не считая случайных, валяющихся повсюду. Поскольку их всего двое, можно представить, в каком состоянии они находятся.

Мы с Мали останавливаемся прямо перед дверью, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Кэм въезжает на своем скейтборде в башню. Все рушится, но самое интересное происходит, когда он цепляется за колесо, и надирает себе задницу. Хейс теряет дар речи, хохочет до

упаду и плачет. А Кэм? Думаю, его эго пострадало больше, чем его тело.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, больше удивленная, чем что-либо другое.

Кэм встает и проводит пальцами по волосам. — Ничего. Просто... знаешь... расслабляемся.

Он пытается казаться невозмутимым, но у него это плохо получается. Особенно когда он смотрит на меня косыми глазами. Я бросаю на него оценивающий взгляд, и он встряхивается, высунув язык. Затем он пытается пнуть одну из банок и снова падает на задницу.

Мали прикрывает рот рукой, а я щипаю себя за переносицу. Хейс практически задыхается в углу. Не знаю, чего я ожидала при возвращении, но точно не этого.

— Что, черт возьми, произошло после того, как мы ушли? — спрашиваю я сквозь смех.

— Забавная история, — невнятно произносит Кэм. — Мы были измотаны. И перегружены работой.

Хейс задыхается. — Я знаю, как танцевать тверк! — *О Боже*. — В самом деле! Девин научила меня!

Он встает, кладет руки на колени и начинает танцевать тверк. На удивление, все не так плохо, как я думала, но есть что-то в его длинной, худощавой фигуре, сторбленной и делающей толчки тазом, что абсолютно уничтожает меня. Мали хватается за свой телефон, пока я наблюдаю, как он теряет равновесие и падает лицом на пол — успевая повернуть голову как раз вовремя.

— Я в порядке! — кричит он, но не потрудился подняться с пола. — О, это удобно. Почему я не сделал этого раньше?

— Нет, — ною я. — Не засыпай на полу. Я собираюсь отвезти тебя домой.

Кэм подходит и ложится рядом с ним. — Здесь удобно. Надо бы повесить краны с пивом к потолку и сделать из них бар для лежания.

— Хорошая идея! — пьяно соглашается Хейс.

Мали фыркает. — Люди могли бы подумать, что им сделают минет или какая-нибудь цыпочка оседлает их в позе наездницы, пока они пьют.

Их глаза расширяются, когда они поворачивают головы друг к другу, улыбаясь как идиоты и кивая. Затем Кэм поворачивается к Мали и тяжело вздыхает.

— Ты не можешь быть такой горячей, и иметь идеи лучше, чем у меня, — говорит он ей. — Это несправедливо.

Она ухмыляется, отправляя в рот жвачку. — Я бы сказала, что сожалею, но это не так.

— Хорошо, — говорю я, ставя точку в этом. — Ты не собираешься открывать секс-бар.

Хейс надувает губы. — Почему бы и нет?

— Потому что я не собираюсь на целый день отпускать тебя к голым женщинам. — Я хватаю его за обе руки и поднимаю на ноги. — Пора вставать. Мы должны отвезти Кэма домой, а потом я отвезу тебя к тебе домой.

— Бу! — стонет Кэм, показывая мне большой палец вниз. — Ты мне не начальник.

— Нет, но технически Марк такой, — возражаю я. — Мне позвонить ему?

Хейс и Кэм ахают и смотрят друг на друга, прежде чем выступить единым фронтом против меня. Кэм скрещивает руки на груди, в то время как Хейс пристально на меня смотрит.

— Ты бы рассказала о нас *pape*? — возмущенно спрашивает Хейс.

Мали хихикает. — Черт. Если бы я знала, что это будет так весело, я бы никогда не

придумала предлог, чтобы мы убрались отсюда.

— Мали! — шиплю я сквозь стиснутые зубы.

У Хейса и Кэма отвисают челюсти, а Кэм качает головой. — Вы, лживые лгуны, которые лгут!

— Ради любви к богу, — ворчу я на своего лучшего друга. — Это действительно было необходимо?

— Абсолютно. Посмотри на них!

Ей это нравится, и я это понимаю. Они вдвоем редко так напиваются, а когда напиваются, это всегда дает нам материал, который мы можем потом использовать против них. Это моя любимая часть. Но сейчас я не хочу ничего, кроме как свернуться калачиком в постели с Хейсом.

— Ну, за это *ты* можешь быть той, кто отвезет Кэма домой, — говорю я ей.

Закатывая глаза, она пожимает плечами. Я помогаю Хейсу встать и подхватываю его, когда он спотыкается. Обняв его, я еще раз бросаю взгляд на Кэма, прежде чем уйти с Хейсом.

— Ты действительно симпатичная, — невнятно произносит он. — У тебя есть парень? Иисус Христос. — Ага.

Он печально вздыхает. — Черт. Ему действительно повезло.

Я провожаю его к грузовику и просовываю руку в его карман, чтобы достать ключи. Он подпрыгивает при контакте и разворачивается, поднимая руки вверх.

— Вау. Как твой парень отнесется к тому, что ты вот так ко мне прикасаешься?

Серьезно, это последний раз, когда я оставляю их двоих наедине на несколько часов. Когда-либо.

— Хейс, детка, — ласково говорю я. — Ты *мой* парень.

Его глаза загораются. — Правда? Я? — Я киваю. — Это чертовски круто!

Если бы он не был сейчас таким чертовски очаровательным, я бы, наверное, разозлилась. Но, кажется, все, что я могу сделать, это ухмыляться, когда заставляю его забраться на пассажирское сиденье.

Заметьте, задача, которая требует трех попыток.

Убедившись, что его ремень безопасности пристегнут, я обхожу машину, чтобы сесть со стороны водителя. К тому времени, как я выезжаю с парковки, он уже отключается, прислонившись головой к окну. Но, по крайней мере, так ему не нужно, чтобы я останавливалась, чтобы его вырвало.

Возвращаясь к нему домой, я думаю о том, что завтрашний вечер обещает быть отстойным. С тех пор как Хейс переехал в свой собственный дом, я сплю у него. Мои родители думают, что я у Мали — что она помогает мне с новыми идеями для работы. Но завтра у меня нет выбора, кроме как спать дома. И я уже ненавижу это.

Потребовалось некоторое время, но мне удалось затащить Хейса в дом и уложить в постель. Хотя я подумывала оставить его на диване. Если бы я не знала, что не смогу спать с ним завтра ночью, я бы так и сделала. Остается еще дилемма, как его раздеть, но я решаю сначала переодеться и завязать волосы.

Лестница была достаточно тяжелой тренировкой. Представляю, на что это будет похоже.

Он не двигается, пока я снимаю с него ботинки, но как только я начинаю расстегивать его ремень, он просыпается. Его брови нахмурились, когда он посмотрел на меня, но затем он улыбнулся.

— Привет.

Я тихо хихикаю. — Привет. Мы должны тебя раздеть.

Он кивает. — Хорошо, но тогда тебе придется уйти.

— Что? Почему?

— Потому что у меня есть девушка. — Похоже, он пытается сосредоточиться, но у него плохо получается. — И я уверен, что ты великолепна, но она единственная, кому позволено скакать на моем члене, как на родео.

— Что ж, это хорошо, — говорю я сквозь смех. — Но Эйч, я же тебе говорила. Я твоя девушка.

Он мотает головой из стороны в сторону, а затем останавливается, его глаза расширяются, как будто он осознал, насколько это плохая идея.

— Хейс, — говорю я, беря его лицо в свои руки. — Посмотри на меня.

Его взгляд встречается с моим, и требуется мгновение, чтобы осознать это, но затем его лицо загорается. — Ты - моя Лейкин! — Он справляется со своим ремнем и одним движением сбрасывает штаны и боксеры, освобождая свой член, который в данный момент определенно не готов к родео.

— Запрыгивай, ковбойша! Этот бык весь твой.

Я падаю на кровать, не в силах сдержать себя, когда Хейс гордо улыбается мне в ответ. — Это отличный бык, детка, но ты слишком пьян. У тебя ни за что не получится вставить эту штуку. Может, сначала поспим, а сексом займемся утром, когда тебя уже не будет тошнить на меня?

Он надувается, пока я натягиваю на него боксеры, но как только я проскальзываю в постель и прижимаюсь к нему, он обхватывает меня руками и легко засыпает.

Утром я просыпаюсь от мягких поцелуев, нежно касающихся моей шеи. Хейс просовывает руку под футболку и поглаживает пальцами мой сосок. Я выгибаюсь в его руках и тихо стону.

— Доброе утро, — бормочет он.

Честно говоря, я удивлена. Я думала, что у него будет большее похмелье, чем сейчас.

— Доброе утро, — говорю я, затаив дыхание. — Сегодня утром кто-то проснулся с хорошим настроением.

Он напевает, оставляя еще один поцелуй прямо у меня за ухом. — Как я мог этого не сделать? Я проснулся рядом с тобой.

Я ухмыляюсь. — Ты довольно милый собеседник для того, кто даже не помнил, кем я была прошлой ночью. Хотя, было приятно услышать, как ты сказал, что мне нужно уйти, потому что у тебя есть девушка.

— Я этого не делал. — Все его поддразнивания прекращаются, и он стонет в подушку. — Скажи мне, что ты лжешь.

Я поворачиваюсь в его объятиях лицом к нему. — Ты сделал. По-моему, ты сказал, что я единственная, кому позволено *скакать на твоём члене, как на родео*.

— Ради всего святого.

Я могла бы продолжить и рассказать ему, что он сказал мне *запрыгнуть* на него, когда его член был полностью вялым, но я не думаю, что его это сейчас выдержит еще один удар. Не сейчас, когда он и так выглядит потрясенным.

Схватив телефон, я замечаю сообщение от Мали о том, что она благополучно доставила Кэма домой, и еще одно от мамы, в котором она просит меня не забыть о сегодняшнем ужине в честь дня рождения моей бабушки. Ужас охватывает меня при этом напоминании. Не поймите меня неправильно, я люблю свою бабушку. Но я также люблю спать в постели с Хейсом, в месте, где нам не нужно беспокоиться ни о ком, кроме друг друга. И мысль о том, чтобы спать без него, мне не нравится.

— Фу, — хнычу я. — Я не хочу вставать с этой кровати.

— Так и не надо, — предлагает Хейс. — Давай останемся здесь и вместе не будем обращать внимания на внешний мир.

Боже, это так чертовски заманчиво. Такое чувство, что в последнее время мы постоянно были в разъездах. Из-за того, что я работаю, а Хейс делает ремонт в баре, у нас не так много времени, чтобы просто наслаждаться друг другом. Но как бы мне ни хотелось поддержать его в этом, уже слишком поздно отменять частные уроки, которые я запланировала на это утро.

— Я действительно хотела бы, чтобы я могла, особенно зная, что я не буду спать здесь сегодня вечером, но—

— Подожди, — перебивает он меня. — Почему ты сегодня не будешь спать здесь?

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него. — У меня ужин в честь дня рождения моей бабушки. Я тебе это уже говорила.

— Нет, я знаю. Я просто подумал, что ты придешь сюда после.

— Я бы с удовольствием, но я не знаю, как долго это продлится, и я не уверена, что мои родители поверят мне, если я скажу, что *снова* собираюсь к Мали. Они, вероятно, уже заподозрили неладное после последних полутора недель.

Он не выглядит счастливым, но он это понимает. — Это плохо, что я просто хочу оставить тебя здесь при себе?

Я качаю головой. — Нет, потому что я тоже этого хочу. Но я зайду завтра утром, прежде чем ты отправишься на тренировку.

Это еще одна вещь, которая не дает покоя в эти выходные - наши графики не совпадают. Я не увижу его сегодня весь день, не увижу сегодня всю ночь, а завтра у меня будет только утро и ночь. Если бы Мали не наседала на меня из-за наших проблем с созависимостью, я бы отменила завтрашний ужин с ней, чтобы иметь возможность проводить с ним больше времени.

Но она бы меня уничтожила.

— Если я все еще буду спать, не стесняйся разбудить меня минетом, — устало бормочет он.

Закатывая глаза, я целую его в щеку и сажусь. Только когда он пытается сделать то же самое, он шипит, держась за голову от боли. Я улыбаюсь, когда он осознает ошибку, так много выпив с Кэмом прошлой ночью.

— Я ждала этого, — говорю я ему, игриво ухмыляясь. — Я принесу тебе Адвил.

Он напевает, ложась обратно. — Видишь? Ты куда не можешь пойти. Это все равно что оставить меня здесь умирать.

— Я всегда могу позвонить твоей маме, чтобы она приехала и позаботилась о тебе.

Его глаза распахиваются, когда я встаю рядом с его стороной кровати. — Ты бы не посмела.

Я передаю ему лекарство и стакан воды, который прихватила из ванной. — Да, я не думаю, что ты этого захочешь. Прими это и возвращайся ко сну на час. Что-то подсказывает мне, что Кэма тоже не будет в баре рано утром.

— О Боже, — стонет он. — Стук молотков!

Да, теперь он начинает понимать последствия своих действий.

С тех пор как я стала проводить каждую ночь с Хейсом, моя спальня уже не кажется мне прежней. В ней нет того уюта, который был раньше. Она по-прежнему выглядит так же, как и раньше, но чего-то не хватает.

Не хватает *его*.

Я говорю, как сумасшедшая. Я знаю это. Мы встречаемся всего несколько месяцев, а открыто и того меньше, но я люблю его. Я, без сомнения, отчаянно люблю его. И я никогда не буду извиняться за то, что погрузилась в него с головой.

— Кэм! Лейкин! — зовет мама. — Мы уходим! Поехали!

— Иду! — кричу я в ответ, спускаясь по лестнице, только для того, чтобы увидеть, как Кэм вздрагивает.

Он смотрит на меня так, что видно, насколько сильное у него похмелье. — Обязательно кричать?

Я застенчиво улыбаюсь и бормочу извинения, проскальзывая мимо него. Наши родители ждут нас у входной двери, все нарядные и готовые к выходу. Моя мама улыбается, когда видит меня, и заправляет мои волосы за ухо.

— Ты такая красивая, — говорит она мне. — Такое ощущение, будто я тебя совсем не вижу.

Грусть в ее голосе задевает за живое. Я имею в виду, что она не из кожи вон лезла, чтобы провести со мной время, когда я не проводила все возможные моменты, укутавшись в Хейса. Но приятно знать, что по мне скучают.

— Я собиралась пойти сделать педикюр, — отвечаю я. — Мы обе могли бы пойти на следующей неделе.

На ее лице расплывается улыбка. — Я бы с удовольствием, милая.

Кэм, наконец, заходит в гостиную, не торопясь, и мы вчетвером отправляемся на улицу.

Я не помню, когда в последний раз мы все были в одной машине. Сидя на заднем сиденье, мы с Кэмом чувствуем себя детьми. Хотя, возможно, дело в том, что Кэм ведет себя как ребенок, когда мы сидим сзади.

— Закрой окно, — бормочет он. — От ветра у меня болит голова.

— Нет. Ты знаешь, что меня тошнит на заднем сиденье, — говорю я ему.

— Меня тошнит от твоего лица, но ты не видишь, чтобы я жаловался.

— Что ж, твоему лучшему другу, похоже, оно очень нравится.

Мой папа вздыхает. — Неужели споры действительно необходимы? В последнее время вы почти не бываете рядом друг с другом.

Черт.

По выражению лица моего брата я уже могу сказать, что пожалею о том, что втянула в это Хейса. Он коварно улыбается и наклоняет голову набок.

— Да, дорогая сестра, — протягивает он. — Где *ты была* в последнее время?

Меньше всего мне сейчас хотелось бы тыкать медведя, но высокомерие, написанное на его лице, действует мне на нервы. Я опускаю взгляд и кричу, отмахиваясь от того, чего на самом деле нет. Руки Кэма летят к его голове, и он выглядит абсолютно несчастным, что означает, что мой план сработал именно так, как я надеялась.

— Извините, — говорю я родителям. — Мне показалось, что я увидела жука.

Они посмеиваются между собой, но я слишком занята тем, что наблюдаю за тем, как Кэм смотрит на меня. Он никогда не расскажет о том, что я на самом деле не была у Мали, потому что его ждет ад за то, что он знал об этом и не рассказал ничего раньше. Возможно, он отомстит позже, но сейчас, по крайней мере, победа за мной.

Шах и мат, брат.

Можно было бы подумать, что при создании продукта, который наносится на губы, учитывается, к чему вы собираетесь прикасаться *этими* губами. Очевидно, они этого не сделали. Если бы они это сделали, я бы не оттирала помаду моей бабушки со своей щеки, как будто мне нужно снять целый слой кожи, чтобы удалить ее.

Она милейшая женщина, и долгое время она была моим любимым человеком. Но то, сколько раз она считает нужным поцеловать меня в щеку, - это лишнее, учитывая, что я уже выросла. Как бы я ни повзрослела, она все равно относится ко мне как к шестилетней девочке, которой показалось, что миска с просроченными конфетами на кухонном столе очень вкусная.

Тем не менее, ужин был приятным, и провести время с семьей было здорово. Но я не могла отделаться от желания, чтобы Хейс был рядом. Мне даже не пришло в голову пригласить его. Не думаю, что мои родители согласились бы на это. Бабуля встречалась с Хейсом много раз, но представить его ей заново в качестве моего парня - это шаг, к которому, я уверена, они еще не готовы.

Закончив удалять красные пятна со щек, я забираюсь в постель и беру с тумбочки телефон. Сообщение от Хейса уже ждет меня.

Без тебя в этой постели слишком холодно.

Говорит парень, который любит, когда простыни холодные.

Я наблюдаю, как появляются три точки, пока не приходит его ответ.

Но тебя я люблю больше.

Не успеваю я напечатать ответ, как на экране появляется фотография Хейса.

Звонок по Facetime.

Нажимаю «принять», и появляется мой очень измученный и *очень раздетый парень*. При одном только взгляде на него моя кровать кажется такой пустой. Он должен быть здесь. Или я должна быть там. Но быть врозь - это не то.

Не для нас.

— Боже, как ты это делаешь? — спрашивает он.

Мои брови хмурятся. — Что делаю?

— Выглядишь так чертовски великолепно, даже когда ложишься спать.

Я хихикаю, переворачиваюсь и поднимаю телефон. — Ты должен был видеть меня раньше. На каждой щеке должно было быть не менее трех следов губной помады.

Он устало напевает. — Кто-то должен сказать бабуле, что единственный человек, которому разрешено отмечать тебя, - это я.

— Теперь ты ревнуешь к моей бабушке, да? — дразню я.

Но его глаза смягчаются, когда он смотрит на меня через экран. — Детка, я ревную к

любому, кто может быть рядом с тобой, в то время как я не могу.

Мое дыхание сбивается, как и всегда, когда он говорит подобные вещи. Как будто у него есть прямой доступ ко всем струнам моего сердца, и он обводит каждую из них вокруг пальца.

— Я скучаю по тебе, — говорю я честно.

На его лице появляется легкая улыбка. — Я тоже по тебе скучаю.

Мы оба лежим и просто смотрим друг на друга - единственный способ, которым мы можем быть вместе прямо сейчас. Это недостаточно близко, но это лучше, чем вообще не иметь возможности его видеть. Я начинаю думать, что, возможно, Мали права.

— Это красный флаг того, насколько мы зависимы друг от друга? — спрашиваю я.

Он не задумывается об этом ни на секунду. — Не для меня.

Что ж, это все, что имеет значение.

Мы вдвоем общаемся по Facetime — не особо много говорим, но обоим нужно знать, что другой рядом, — и мне удастся наконец задремать под звук его дыхания.

Утро субботы должно быть единственным утром, когда у меня есть возможность выспаться. Когда у парней ранняя тренировка, это отодвигает мои занятия как минимум на два дополнительных часа. Во время плей-офф это еще больше. Но как бы я ни старалась, я просто не могу уснуть, как только солнце появляется над горизонтом.

Как будто мое тело знает, что Хейса нет рядом со мной.

Поэтому, быстро приняв душ и забежав за пончиками, я направляюсь прямо к его дому. Я наполовину ожидаю, что он будет еще спать, когда я приеду. Он никогда не любил просыпаться рано. Но, к моему удивлению, открыв дверь, я обнаруживаю его на кухне, готовящим кофе.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и в тот момент, когда я ставлю коробку с пончиками на остров, он бросается ко мне и обхватывает руками мое тело. Это подтверждение того, что он скучал по мне так же сильно, как и я по нему. И даже несмотря на все слова Мали о том, что отдельные ночи время от времени полезны для пар, меня это не настолько волнует, чтобы прекратить.

То, что он рядом, делает меня счастливой. Почему это должно быть плохо?

— Я принесла пончики, — говорю я, не двигаясь.

Он вдыхает мой запах и целует меня в макушку. — Я вижу это. Спасибо.

— Хотя я пока не хочу тебя отпускать.

— Хорошо, — отвечает он со смешком. — Потому что я тоже этого не хочу.

Мы остаемся там, обмениваясь ленивыми поцелуями и просто находясь рядом, пока не прозвучит сигнал кофеварки о том, что все готово. Только тогда мы отпускаем друг друга, но то, как он смотрит на меня, говорит о том, что он еще не насытился.

Я запрыгиваю на остров и достаю из коробки пончик, а Хейс садится на один из барных стульев. Он смотрит на меня с идеальной ухмылкой на лице, и я знаю, что он думает о том, как поедал меня на этом самом месте. Мои бедра непроизвольно сжимаются при этом воспоминании.

— Я не мог уснуть прошлой ночью, — говорит он мне, беря свой пончик.

— Нет?

— Нет, и это все твоя вина.

Я хмурюсь. — *Моя вина?*

Он откусывает кусочек и кивает. — Мм-хм. Поэтому, мне нужно, чтобы ты договорилась о том, чтобы быть здесь каждую ночь в обозримом будущем. — У меня отвисает челюсть, когда я смотрю на него. — Можешь также взять все свое дерьмо с собой. Спасибо.

Я сижу здесь, уставившись на него и гадая, не ослышалась ли я. Слова, которые только что слетели с его губ, были произнесены с такой небрежностью, что можно подумать, мы говорим о том, что запланировали на сегодня. Не какой-то важный жизненный выбор.

Когда он замечает, что я ничего не сказала, он поднимает на меня взгляд. — Что?

— Т-ты только что попросил меня переехать к тебе?

— Нет, — говорит он с набитым пончиком ртом, и у меня на секунду сводит желудок. — *Я сказал тебе переехать ко мне. Есть разница.*

Мои брови приподнимаются, когда я хихикаю. — О, что ж, в таком случае, я собираюсь отказаться. Ты знаешь, во имя женщин во всем мире, которые не позволяют мужчинам указывать им, что делать.

Он игриво закатывает глаза, бросает недоеденный пончик в открытую коробку и встает. Его руки лежат по обе стороны от меня, его лицо всего в нескольких дюймах от моего, и то, как он облизывает свои губы, приковывает мое внимание к нему настолько, что это просто жалко.

— Лейкин, — говорит он серьезно. — Не могла бы ты, пожалуйста, переехать ко мне, чтобы мне не пришлось проводить еще одну холодную и одинокую ночь без тебя до конца моей жизни?

Мое сердце пытается вырваться из груди, когда я улыбаюсь. Поверьте мне, что нет ничего более желанного, чем жить здесь с ним. Сделать это место *нашим*. Наше собственное маленькое пространство, где в воздухе постоянно витает запах его одеколona и моих духов... Я так хочу этого. Согласие прямо на кончике моего языка. Было бы так легко сказать это. Но...

— Я бы с удовольствием, — говорю я ему, и его ухмылка становится шире, когда он выдыхает. — Но я не могу. Мои родители буквально убили бы нас обоих. Я имею в виду, мы вместе всего несколько месяцев. Я могу только представить, как бы они разозлились, если бы я сказала им, что переезжаю к тебе до брака.

Его радость сменилась, но не разочарованием. Он выглядит скорее задумчивым, чем каким-либо другим, глядя мне в глаза. Боже, иногда мне хочется просто читать его мысли.

К какому бы выводу он ни пришел, это не занимает у него много времени, потому что он хмыкает, оставляя быстрый поцелуй на моих губах. — Я могу с этим работать.

Подождите. С чем работать?

Но он не отвечает, а берет пончик и зажимает его ртом, после чего забирает со стойки телефон и ключи от машины. Затем он направляется к входной двери, ни разу не

оглянувшись.

— Эйч, что это значит? — По-прежнему тишина. — Хейс!

Он вынимает пончик изо рта, когда открывает дверь. — Люблю тебя!

А потом он просто ушел, оставив меня гадать, что, черт возьми, только что произошло.

Вы когда-нибудь пробовали научить кого-то делать что-то, в то время как ваш мозг сконцентрирован на чем-то другом? Это практически невозможно. Я провожу большую часть дня в оцепенении, пытаюсь понять, что, черт возьми, он имел в виду. Я часами ломала голову, и единственное, что мне удалось придумать, - это то, что он собирается получить разрешение моих родителей на то, чтобы перевезти меня к себе. Это было бы совершенно не в его духе, но с тех пор, как мы стали официальными, он вообще не похож на себя прежнего - во всяком случае, не в том, что касается меня.

Я сижу за ужином с Мали, накладывая салат в свою тарелку, а она рассказывает о том, как Кэм взбесился, когда понял, что она ездила на его джипе прошлой ночью. В обычной ситуации я бы полностью погрузилась во все, что она говорит. Но обычно на меня не бросают бомбу за завтраком, и я весь день пытаюсь решить самую сложную в мире головоломку.

Что бы он ни планировал сделать, я надеюсь, что это сработает. Потому что даже мысль о том, что я буду просыпаться рядом с ним каждое утро, заставляет меня чувствовать прилив сил. Я бы солгала, если бы сказала, что не представляла себе этого, когда мы играли в дом на протяжении последней недели. Просто я никогда не позволяла себе поверить в то, что он тоже этого хочет. Никогда, до сегодняшнего дня.

— По какой-то причине я всегда думала, что у твоего брата член среднего размера, поэтому я была приятно удивлена.

Я вырываю себя из этого состояния, тряхнув головой. — Подожди, какого хрена?

Она откидывается назад и скрещивает руки на груди. — Точно. Ты не обращала внимания ни на одно мое слово.

— Я знаю, что это было о моем брате и его джипе.

— Лей, это была всего лишь завязка к истории, — говорит она мне.

Я съеживаюсь. — Упс?

— Да, упс. — Она проводит пальцами по волосам. — Что у тебя на уме?

Я делаю глубокий вдох, размышляя, что лучше - медленно переходить к этому или просто выплюнуть. Но что-то подсказывает мне, что попытки ходить вокруг да около с этим приведут только к тому, что Мали сделает свои собственные предположения.

— Хейс попросил меня переехать к нему этим утром, — признаюсь я.

Мали успеваает сделать глоток, когда слова вылетают из моего рта, и она давится содовой, сильно кашляя. — Черт возьми, нам нужно поработать над твоим выбором

времени.

— Я бы сказала, что сожалею, но на самом деле это не так.

Она показывает мне средний палец. — Что, черт возьми, ты на это ответила?

Я вздыхаю. — Я ответила «нет»... Я так думаю.

— Ты думаешь?

— Да. Я имею в виду, я хотела сказать «да». — *Так чертовски сильно.* — Но ты знаешь, какие у меня родители. Они снисходительны ко многим правилам, которые, по мнению церкви, они должны заставлять нас соблюдать, но жить с Хейсом, когда мы не женаты? Что-то подсказывает мне, что это не попадет в их список.

— Господи, — выдыхает она, откидываясь на спинку сиденья. — Он был расстроен?

— Это самая странная часть, — говорю я ей. — Он вовсе не был. Я объяснила, почему не могу, и подумала, что он почувствует себя отвергнутым, но он просто поцеловал меня и сказал, что может с этим работать. Потом он ушел, и с тех пор я с ним почти не разговаривала. Он почти не отвечает на мои сообщения.

— Он может с этим работать? — Мали повторяет мне в ответ. — Что, черт возьми, это должно означать?

— Точно! — Я почти кричу. — Я не могу понять этого, и тот факт, что он почти не отвечает мне, тоже не помогает.

Она наклоняет голову в сторону, размышляя. — Может быть, он действительно чувствует себя отвергнутым, но он понимает твои доводы, поэтому он работает над тем, чтобы справиться с этим самостоятельно.

— Тогда почему он сказал, что может с этим работать? Что это вообще значит?

— Может быть, он сможет смириться с тем, что ты не то чтобы говоришь «нет», но скорее говоришь *«не прямо сейчас»*.

Такая мысль никогда не приходила мне в голову. Но если он расстроен из-за этого, я бы предпочла, чтобы он сказал мне, чем исчезал, чтобы справиться с этим самостоятельно. Я не хочу, чтобы у него были какие-либо сомнения по поводу наших отношений. Для этого нет никаких причин.

— Да, — бормочу я. — Да, ты, наверное, права.

Она ухмыляется. — Я имею в виду, либо это, либо он собирается сделать предложение, но этому мужчине потребовались месяцы, чтобы просто смириться с идеей отношений. Тебе, вероятно, светят минимум пять лет, прежде чем он сможет даже погуглить *«ювелирные магазины рядом со мной»*.

Его слова, сказанные этим утром, звучат у меня в голове.

— *Не могла бы ты, пожалуйста, переехать ко мне, чтобы мне не пришлось проводить еще одну холодную и одинокую ночь без тебя до конца моей жизни?*

До. Конца. Моей. жизни.

— Но, эй, — продолжает Мали, удерживая меня от падения в кроличью нору. — Тебе девятнадцать. Если ты хочешь переехать к нему, то по закону твои родители не смогут тебя остановить.

Я усмехаюсь и бросаю на нее многозначительный взгляд. — Конечно, если бы я хотела, чтобы от меня отказались.

— В точку.

Схватив гренку со своей тарелки, я бросаю ее в рот, гадая, в каком настроении будет Хейс, когда я увижу его сегодня вечером.

Хейс

Я никогда не был нервным человеком. Уверенность в себе, которой я обладаю, стала хорошо известной составляющей моей репутации. Кто-то может назвать это самоуверенностью, а однажды я слышал, как Мали назвала это энергией большого члена, но это все одно и то же. Я не из тех, кто уклоняется от вызова или отступает от своих желаний - за исключением того случая, когда я пожалел, что не рассказал Кэму о нас с Лейкин в тот день.

Однако я никогда еще не был так взволнован, как сейчас.

В тот день, когда ушел отец, я сказала себе, что «долго и счастливо» не бывает. Что сказки - это для книг, и никто никогда не любит кого-то больше, чем самого себя. И долгие годы все это было правдой для меня. Я никогда не находила человека, который заставил бы меня пересмотреть свои убеждения - до тех пор, пока не появилась Лейкин.

Всего за несколько месяцев она доказала, что я ошибался на каждом шагу, и показала мне вещи, совершенно отличные от того, что я думал, что знал. С ней у меня есть отношения, в которых дружбы не меньше, чем любви. У меня есть человек, который не только делает мой день лучше, но и заставляет меня с нетерпением ждать каждого последующего дня. У меня есть человек, который научил меня, как это - заботиться о другом человеке больше, чем о себе.

Моя вторая половина.

Мой любимый человек.

Моя любовь, которая бывает раз в жизни.

Поэтому, когда я выхожу из магазина с маленькой бархатной коробочкой, выпирающей из кармана, у меня нет ни малейших сомнений в том, что все так и должно было случиться.

Я стою перед зеркалом, прикладывая к прическе больше усилий, чем за последние месяцы. В голове мелькнула мысль о том, чтобы надеть костюм, но я решил не делать этого. Я все еще могу выглядеть хорошо, не заставляя ее чувствовать себя недостаточно нарядной.

Мое сердце, словно проклятая колибри, бьется в груди миллион раз в минуту. Я мог бы выпить рюмку, чтобы успокоить нервы, но не хочу. Я хочу прочувствовать каждую секунду. В конце концов, я надеюсь, что это один раз и навсегда.

Когда Лейкин подъезжает к дому, в окна светят фары, и я понимаю, что время пришло. Все, что крутится у меня в голове, усиливается — красные огни и сирены предупреждения от той части меня, которая хочет бежать. Но я никуда не пойду. Ни сегодня. Ни завтра. Никогда.

Сделав дрожащий, глубокий вдох, я медленно выдыхаю и спускаюсь вниз. Все выглядит идеально: зажженные свечи по всему первому этажу дома, бутылка вина в ведерке со льдом, пара бокалов на столе, и самый важный вопрос, который я когда-либо задавал, написанный лепестками роз на полу. Надеюсь, этого будет достаточно.

Когда я слышу, как она поднимается на крыльцо, я понимаю, что это конец. Это тот момент, когда я ставлю все на карту. Я отдаю свое сердце, все свое сердце Лейкин, чтобы она делала с ним все, что захочет. И независимо от результата, я знаю, что никогда не получу его обратно.

Дверь открывается, и в комнату входит Лейкин, которая замирает, как только видит перед собой сцену. Я, честно говоря, не уверен, что вообще дышу, пока она роняет сумку и оглядывается по сторонам. Наконец, ее взгляд останавливается на мне, но я не могу понять, что это за взгляд.

— Ты недавно ударился головой? — спрашивает она.

Я ухмыляюсь, потому что ожидал этого. — Нет.

— Наркотики?

Делая шаг к ней, я медленно качаю головой. — Нет.

— Какой-то дерьмовый розыгрыш, когда парни собираются выпрыгнуть и сказать, что меня разыграли, как вы все делали несколько лет назад?

Моя ухмылка расширяется, когда я достаю из кармана коробочку с кольцом и открываю ее перед ней. Весь воздух покидает ее легкие на одном дыхании, и она в недоумении смотрит на великолепный бриллиант.

— Ты серьезно делаешь мне предложение прямо сейчас?

Да. — Ты говоришь это так, как будто это возмутительная идея.

Она смотрит немного скептически. — *Невозмутительная*, просто на тебя это не похоже.

Ее слова мгновенно заставляют меня задуматься о том, что я еще недостаточно сделал

для того, чтобы доказать ей, как много она для меня значит. Насколько она важна.

— Что ты имеешь в виду? — нервно спрашиваю я.

— Хейс, — вздыхает она. — Тебе понадобился месяц, чтобы сказать «я люблю тебя».

Я рассмеялся. — Да, потому что я киска. А не потому, что я не был по уши влюблен в тебя с самого начала.

То, как она улыбается, вселяет в меня небольшую надежду. — Я просто не хочу, чтобы ты чувствовал, что тебе нужно торопиться с этим. Я никуда не собираюсь. Хорошо? То, что я не могу жить с тобой прямо сейчас, не означает, что я не собираюсь быть здесь каждый день.

— Нет, — говорю я, не давая ей сказать что-нибудь еще. — Позволь мне кое-что прояснить здесь, потому что я не уверен, что ты полностью понимаешь.

Делая шаг ближе, я кладу руки ей на плечи и смотрю в ее глаза — действительно убеждаясь, что она слышит каждое слово, слетающее с моих губ.

— Ты - это все для меня, Лейкин. Мне все равно, прошло несколько месяцев или тридцать чертовых лет. Это не изменится. Так что ты можешь сказать «нет», и мы можем играть в долгую игру, если ты этого хочешь. Мы можем не спешить. Но я собираюсь провести остаток своей жизни, любя тебя, независимо от этого. — По ее щеке скатилась одна слезинка, и я осторожно вытер ее. — Я не пытаюсь торопить события, чтобы добиться своего. Я действую в соответствии со своими желаниями с абсолютной уверенностью в том, что это правильный шаг, потому что ты - лучшее, что когда-либо случалось со мной. И мне не нужно ждать, чтобы понять, что ты - та, с кем я хочу прожить всю жизнь.

Ее нижняя губа дрожит, и она не сводит с меня взгляда, смахивая каждую слезинку. — Хорошо.

— Хорошо? — спрашиваю я, с надеждой, зарождающейся в моей груди.

Она кивает, и на ее лице расплывается улыбка. — Хорошо. Спроси меня.

Мое сердце заколотилось, едва не вырвавшись из груди и не бросившись к ее ногам. Будущее - это всегда лотерея. Невозможно предугадать, что произойдет. Но я знаю одно: эта женщина навсегда останется для меня единственной. И никогда не будет такого момента, когда я не буду любить ее всем, что у меня есть.

Я усмехаюсь, стараясь не расплакаться, когда опускаюсь перед ней на одно колено. Она смеется, заливаясь счастливыми слезами, и смотрит, как я снова открываю коробку.

— Лейкин Роуз, — говорю я, глядя на нее и чуть ли, не покачиваясь от интенсивности своих чувств к ней. — Если я чему-то и научился за последние несколько месяцев, так это тому, что эта жизнь не имеет смысла, если рядом со мной нет тебя. Я и так самый счастливый человек на свете, раз могу проводить с тобой хоть какое-то время, но я жаден и хочу каждую секунду, которую ты можешь подарить. Так что, ради всего святого, выходи за меня замуж, потому что все, что меньше, чем вечность с тобой, для меня недостаточно.

К концу речи она совсем расклеилась, слезы капали с ее лица на футболку, но она по-прежнему самая красивая женщина, которую я когда-либо видел. И когда ей удастся кивнуть головой в знак согласия, я понимаю, что этот образ будет запечатлен в моей памяти до окончания веков.

— Да? — перепроверяю я.

Она кивает. — Да, я выйду за тебя замуж.

Я слышал много удивительных вещей в своей жизни, но звучание этих слов, исходящих из ее уст, легко занимает первое место. Одним предложением она делает меня самым

счастливым, чем я когда-либо был за всю свою жизнь. Я встаю и обнимаю ее, целуя всеми возможными способами, которые у меня есть.

Она была сестрой моего лучшего друга, моим единственным секретом и моей девушкой. Теперь она моя невеста. И я, блядь, не могу дождаться того дня, когда она станет моей женой.

Когда я надеваю кольцо на ее палец, мы оба улыбаемся и наслаждаемся счастьем. Просто видеть его, знать, что она моя, - все это производит на меня такое впечатление. Оно воспламеняет меня и заставляет чувствовать себя в безопасности одновременно.

Она, блядь, сказала "да".

Мы вдвоем смотрим на него, видя, как идеально оно смотрится на ее пальце, и когда она поднимает на меня взгляд, я каким-то образом умудряюсь влюбиться немного сильнее.

— Я так сильно люблю тебя, — говорит она мне.

Я выдыхаю с улыбкой. — Я люблю тебя больше.

И когда я накрываю ее рот своим и притягиваю к себе, я планирую показать ей, насколько серьезны эти слова.

Я лежу на боку, опираясь на локоть и положив голову на руку. Я не могу отвести взгляд от своей новоиспеченной невесты, хотя и не стал бы, если бы мог. Я слишком занят тем, что люблюсь тем, как она прекрасна. Ее грудь поднимается и опускается, когда она ждет, когда успокоится ее дыхание. Губы у нее темно-красные и немного припухшие от поцелуев. А след, который я оставил чуть ниже ее правой груди, говорит о том, что я хочу кричать с крыш, что она моя.

Ее волосы рассыпались по полу, и я потянулся к ним, чтобы вытащить из них лепесток розы. Она смеется, забирая его у меня и сдувает.

— Ты действительно превратился в адского романтика, — поддразнивает она.

Я усмехаюсь и наклоняюсь, чтобы поцеловать ее еще раз. — Расскажи кому-нибудь, и я скажу, что ты полна дерьма. В моей репутации нет места для описания «Сентиментальный ублюдок».

— Ладно, теперь я полностью меняю твое имя в моем телефоне на «Сентиментальный ублюдок», — шутит она. — Но нет, я никому не расскажу. Ты шутишь? Все девушки, которые пытаются за тобой приударить, ищут связи на одну ночь, только потому, что убеждены, что ты не годишься в *бойфренды*. Я ни за что на свете не собираюсь это исправлять. Они выломают нашу чертову дверь.

Только одна часть из того, что она только что сказала, завладела всем моим вниманием. — *Нашу дверь?* Мне нравится, как это звучит.

Она прикусывает губу, улыбаясь. — Мне тоже.

Моя рука лежит у нее на животе, большой палец двигается взад-вперед по ее коже. —

Боже, я не могу поверить, что женюсь на тебе.

— Как мы собираемся это сделать? — спрашивает она. — Я не думаю, что у кого-то из нас хватит терпения на долгую помолвку.

Я качаю головой. — Определенно нет. Я хочу, чтобы ты стала моей женой как можно скорее, насколько это в человеческих силах. Я хочу, чтобы ты была там, где тебе самое место — занимала все мое пространство и спала рядом со мной каждую ночь.

От этого ее улыбка становится чуть ярче. — Итак, суд утром? В ближайшие пару дней вылет в Вегас, чтобы сбежать?

Это заманчиво, честно говоря. Нет никаких сомнений, что я собираюсь втянуть нас в дерьмовое шоу. Но я не хочу, чтобы она думала, что я пытаюсь скрыть ее, или нас, или то, что она для меня значит. Больше нет.

— Нет, — говорю я ей. — Я слишком уважаю обеих наших матерей, чтобы так с ними поступать.

Лейкин хмурит брови. — Хорошо... о чем ты думаешь вместо этого?

— Я думаю, что хочу жениться на тебе на глазах у тех, кого мы любим. Ничего сумасшедшего. Только ты, я и самые важные люди в нашей жизни. И это включает твоих родителей.

На ее лице появилось понимание, и она кивнула. — Ах, значит, это самоубийственная миссия. Понятно. Теперь я в курсе.

Мои глаза игриво закатываются, и я щекочу ее за бок, вызывая у нее приступ хихиканья.
С чем бы нам ни пришлось иметь дело, оно того стоит.

17

Хейс

Моя мама всегда была единственным человеком, который неизменно прикрывал мне спину. И никогда не имело значения, прав я был или нет. Она заставляла меня оправдываться за свои ошибки, но делала это так, что я понимал: она просто заботится обо мне. Я никогда не боялся рассказать ей что-либо.

До сих пор.

Не то чтобы она меня не поддержит. Я знаю, что поддержит. Но я думаю, что какая-то часть меня боится сказать ей, что я обретаю свое счастье, в то время как ее обманом лишили ее собственного.

Лейкин сидит рядом со мной за кухонным столом моей мамы, ее левая рука засунута в рукав толстовки, чтобы спрятать кольцо. Я предложил ей просто снять его и пока держать в

кармане, но она отказалась. Сказала, что если это кольцо когда-нибудь покинет ее палец, то это будет не по ее воле.

— Эйч, — говорит моя мама. — Ты должен что-то сказать. Ты начинаешь меня беспокоить.

Краем глаза я вижу, как Лейкин ухмыляется, и делаю глубокий вдох. — Я знаю. Все в порядке. Просто дай мне секунду.

И тут, как будто это самая естественная вещь в мире, Лейкин протягивает руку и переплетает свои пальцы с моими. Мы никогда не проявляли привязанности в присутствии родителей, но это совсем другое. Она знает, что нужна мне.

Безмолвное послание, говорящее мне, что она прямо здесь и никуда не денется. Даже если сегодняшней день превратится в полное дерьмо.

Ее рука сжимает мою три раза, и я отвечаю четырем в ответ.

— Мама, — говорю я спокойно. — Я люблю Лейкина.

— Хорошо... это не то, чего я еще не знала, — отвечает она.

— Я знаю, но мне нужно, чтобы ты поняла, как сильно я ее люблю. Насколько это сильно и как я бы сделал абсолютно все, чтобы быть с ней.

— Эйч, — говорит мама со смешком. — Она единственная девушка, которую ты *когда-либо* приводил домой. Возможно, я никогда не спрашивала тебя об этом, но не думай ни на секунду, что я тебя не знаю. Я могла видеть это по тому, как ты смотрел на нее в то первое утро, когда я увидела вас двоих вместе. Она твоя единственная.

Это. Это одна из тех вещей, которые я больше всего ценю в своей матери. Я смотрю на Лейкина и вижу, что на ее щеках появился легкий румянец. Когда ее глаза встречаются с моими, мы оба улыбаемся.

— Не волнуйся. Это взаимно, — говорит мне мама.

— Я знаю, что это так, — отвечаю я. — Потому что я попросил ее выйти за меня замуж, и она сказала «да».

Глаза моей мамы расширяются. — Ладно, *этого* я не предвидела.

— Это быстро. Я знаю.

— Это НАСКАР (Национальная ассоциация гонок серийных автомобилей), — поправляет она.

Я киваю. — Но мама, я никогда в жизни не был ни в чем так уверен. Она для меня - все, и я знаю, о чем ты думаешь. Что торопиться некуда. И что если нам суждено провести остаток жизни вместе, то мы и так это сделаем. Но каждый раз, когда я думаю о ней, слово «*девушка*» не подходит. Она намного больше, чем это. Поэтому я не хочу ждать только потому, что общество установило какие-то стандартные сроки для этого дерьма. Я хочу сделать ее своей, как можно более официально и законно.

Моя мама вздыхает, на ее лице появляется мягкая улыбка, когда она поворачивается к Лейкину. — А как насчет тебя? Я уверена, что у твоих родителей будут свои сомнения по этому поводу.

— Пускай, — просто отвечает она, затем ее взгляд встречается с моим. — Мы справимся с этим так же, как и со всем остальным — вместе.

Я никогда не целовал девушку на глазах у своей мамы. У меня никогда не было кого-то, *достойного* того, чтобы поцеловать ее на глазах у моей мамы. Но с Лейкином она стоит целого чертова мира, и ничто не может помешать мне прижаться своими губами к ее.

Моя мама шмыгает носом, вытирая слезу со щеки. — Черт возьми, прости. Просто очень

приятно видеть тебя таким счастливым.

— Я счастлив. Я проведу остаток своей жизни с кем-то, кто делает меня лучшей версией самого себя.

— Это все, чего я когда-либо хотела для тебя, — говорит она. — Поздравляю вас обоих. Единственный совет, который я могу вам дать, — запомнить это чувство. Держись за это и никогда не отпускайте.

Я притягиваю Лейкин к себе и целую в макушку. — Именно это я и делаю.

Входная дверь открывается позади меня, и моя сестра останавливается, когда видит, что мы все сидим за столом.

— О боже, — стонет Дев. — Кто *сейчас* умер?

Моя мама хихикает и кивает мне, чтобы я рассказал ей. Я оборачиваюсь, чтобы увидеть реакцию на ее лице. В одной руке она держит стаканчик из Макдональдса, а в другой — свой бумажник, и с любопытством смотрит на меня в ответ.

— Что?

— Как ты смотришь на то, чтобы иметь невестку?

Все тут же выпадает из ее рук, чашка проливается на пол, и она закрывает рот руками. Слезы заливают ее глаза, она смотрит на нас с Лейкин и взволнованно кивает.

В этот момент все настроение меняется. Тяжесть сваливается с плеч, и я наблюдаю, как мама и сестра обнимают Лейкин, требуя показать кольцо. Мне даже удается получить одобрительный кивок от Девин — хотя я уверен, что она частично приписывает себе наши с Лейкин заслуги.

Сопляк.

К тому времени, как мы выходим за дверь, я чувствую себя в миллион раз лучше.

— Видишь? — я спрашиваю Лейкин. — Это было не так уж плохо.

Она ухмыляется. — Ты шутишь? Это была просто тренировка.

Я забираюсь в свой автомобиль, а она садится с пассажирской стороны. Она смотрит на меня и понимает, куда мы направляемся дальше. И, возможно, мне не стоит забегать вперед, думая, что все будут рады за нас.

Лей ухмыляется, пристегивая ремень безопасности. — У тебя ведь есть завещание, да?

Черт.

Ладно, может быть, она была права. Моя мама *была* для нас тренировкой. И все прошло очень хорошо. Но сейчас, когда я сижу здесь, глядя через диван на родителей Лейкин, мне кажется, что в этой комнате не хватает кислорода. Мои руки вспотели. Воротник кажется слишком тесным. Вполне возможно, что я сейчас захлебываюсь собственной слюной.

Все шло хорошо. Они были рады видеть нас обоих, когда мы приехали. Но напряжение начало расти, как только Лейкин спросила, можем ли мы все сесть и поговорить. И сейчас,

когда я смотрю на нее, она поднимает на меня брови.

— Это была твоя идея, Казанова, — поддразнивает она. — Я здесь просто для развлечения.

Что ж, в ее словах есть смысл. Она была полностью в команде *Vegasa*. Возможно, она в чем-то права. Часть меня задается вопросом, не слишком ли поздно сделать другой выбор. Но я имел в виду то, что сказал ей. Я слишком уважаю наших матерей, да и ее отца тоже, чтобы жениться на ней без их присутствия.

Я глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю, глядя на людей, которые за последнюю треть моей жизни стали для меня вторыми родителями. — Мистер и миссис Бланшар, я хотел бы жениться на вашей дочери.

Рот ее отца открывается и закрывается несколько раз, колеблясь между растерянностью и возмущением, а ее мама прикладывает руку к груди, чтобы сжать свой воображаемый жемчуг.

— Я собираюсь стать бабушкой? — спрашивает она со слезами на глазах.

— Нет! — срочно и в унисон отвечаем мы с Лейкин.

Лицо мистера Бланшара становится красным, как свекла. — Ты обрюхатил мою дочь?

— Нет, — останавливает его Лейкин. — Папа. Нет. Я не беременна.

Оба ее родителя вздыхают - ее отец с облегчением, а ее мама - от того, что очень похоже на разочарование. Лейкин на секунду наклоняет к ней голову, прежде чем стряхнуть ее.

— Хорошо, — говорит мистер Бланшар. — Итак, почему такая скорая свадьба?

Я сажусь немного прямее. — Ну, как вы знаете, в последнее время в моей жизни произошли некоторые большие перемены, и они открыли мне глаза на то, о чем я даже не подозревал, чего хотел – главное из них – твоя дочь, официально и навсегда, — объясняю я. — Итак, с вашего разрешения и со всем уважением, даже без него, я планирую жениться на ней и сделать ее своей женой.

— Да кто ты такой, черт возьми! — Сердитый голос Кэма эхом разносится по комнате.

И ладно, мне, вероятно, следовало сначала поговорить с ним об этом. Но я боялся, что он попытается отговорить меня от этого. Судя по его реакции прямо сейчас, я думаю, что это было довольно точное предположение.

— Кэмерон! — отчитывает его мама. — Язык!

Кэм усмехается. — Нет. К черту это. Одно дело, когда они начали встречаться, но я не собираюсь сидеть и смотреть, как он юридически запирает ее, потому что хочет киску по первому требованию.

— Боже милостивый, — говорит миссис Бланшар, слегка оскорбленная.

Тем временем мистер Бланшар, похоже, замышляет мое убийство - и оно будет жестоким. — Это правда? Это все, что ты пытаешься вытянуть из моей маленькой девочки?

Все, чего сейчас не хватает Лейкин, - это попкорна, когда она подпирает подбородок руками и наклоняется ко мне. — Все идет хорошо.

Иисус, блядь, Христос.

— Нет! — говорю я ее отцу, затем поворачиваюсь к Кэму и повторяю. — Нет.

Но он не хочет этого слышать и выбегает из комнаты, оставляя нас расхлебывать беспорядок, который он только что устроил. Я знаю, с этим мне нужно будет немного разобраться. Последнее, чего я хочу, это чтобы он снова на меня разозлился. Особенно когда мы вместе открываем бар. Однако прямо сейчас я должен сосредоточиться на мистере

Бланшар, прежде чем он убьет меня и закопает мое тело на заднем дворе.

— Это совсем не так. Даже не близко.

Он оглядывает меня с ног до головы, оценивая больше, чем когда-либо за последние семь лет, и я не виню его за это. — Тогда что? Почему ты хочешь жениться на моей дочери?

— Потому что я люблю ее так, как никогда никого не любил, — немедленно отвечаю я. — Она очень быстро стала центром моей вселенной. Единственный человек, без которого я не могу жить. И если я смогу провести остаток своей жизни так, чтобы она испытывала ко мне хотя бы *половину* того, что я испытываю к ней, это будет жизнь, которую стоит прожить.

Глаза Лейкин встречаются с моими, и она улыбается так, как она это делает только для меня. Я беру ее руку в свою, целуя тыльную сторону. Если я умру сегодня от рук ее отца, это все равно будет стоить того.

Но он, кажется, успокаивается, так что, может быть, я переживу еще один день. Он скептически наблюдает за нами обоими, а затем вздыхает, сосредоточившись исключительно на своей дочери.

— А как насчет тебя? — спрашивает он. — Это то, чего *ты* хочешь?

Она показывает свою левую руку, на пальце которой сверкает кольцо с бриллиантом. — Носила бы я кольцо, если бы не хотела?

Глаза ее мамы расширяются, когда она подходит ближе. — О, милая. Оно великолепно.

Она права. Это очень красивое кольцо. Я понял, что оно то самое, как только увидел его. Но даже в этом случае оно бледнеет по сравнению с женщиной, которая его носит.

Лейкин улыбается своему отцу. — Я люблю его, папа. Я знаю, это кажется быстрым. Я понимаю это. Но это... лишь для тебя. Ведь я была влюблена в него с тех пор, как мне было пятнадцать. — Она оглядывается и толкает меня локтем. — Ему просто потребовалось немного времени, чтобы войти в курс дела.

Я усмехаюсь, нежно закатывая глаза. Предоставьте ей заставить меня смеяться в такой напряженной ситуации, как эта. Но в этом ее особенность. Я мог бы оказаться в центре своего личного кошмара, и когда она рядом, ничто не сможет меня сломить. Она делает меня сильнее. Лучше. Достойным быть любимым так, как она любит меня.

— Я буду честен, — начинает мистер Бланшар. — Это не самая моя любимая вещь, которая когда-либо происходила. Ничего не имею против тебя, Хейс. Мы любим тебя как сына. Ты это знаешь. Ты хороший парень и всегда был отличным другом для Кэма. Но то, что Лейкин выйдет замуж в девятнадцать лет, никогда не было тем, что мы для нее представляли.

Мое сердце замирает в груди. Я знаю, что сказал, что женюсь на ней без его благословения, но, честно говоря, я не знаю, хватит ли у меня духу предать его таким образом. Я не знаю, смогу ли я так поступить с Лейкин.

— С учетом сказанного, — продолжает он. — Хотя мне, возможно, и не нравится мысль о том, что вы двое поженитесь так рано, я *действительно* люблю свою дочь. Ее счастье всегда было очень важно для меня. Итак, если это действительно то, чего вы двое хотите, у вас есть мое благословение. Но ты должен пообещать мне, что всегда будешь заботиться о ней, ставя ее потребности выше своих собственных.

— Я обещаю, — честно говорю я. — Она в хороших руках.

— Теперь я верю.

И вот опять у меня перехватывает дыхание, но на этот раз в лучшем смысле этого слова. Мы все встаем. Лейкин идет обнимать свою маму, а яжимаю руку ее отцу. Эти люди,

которые были рядом со мной в самые трудные моменты моей жизни, станут моими свекрами. Мало того, что я получаю в жены лучшую девушку из всех, кого я знаю, так они еще и юридически станут моей семьей.

Не думаю, что я когда-либо чувствовал себя настолько благословенным.

Но прежде чем я смогу в полной мере насладиться этим моментом, мне нужно решить кое-что еще.

— Извините, — говорю я им троим. — Я скоро вернусь.

Они все понимают, точно зная, куда я иду. И пока Лейкин сидит со своей мамой и объясняет, что мы думаем о свадьбе, я прохожу через кухню и поднимаюсь по лестнице. Я подумываю просто войти, но потом вспоминаю хоккейную шайбу, которая прилетела мне в голову в тот вечер, когда я рассказал ему о нас с Лейкин, и решаю не делать этого.

Я стучу дважды, затем открываю дверь, немного отступая назад. Когда в дверь ничего не бросают, я заглядываю и вижу Кэма, сидящего на своей кровати. Он закатывает глаза, но не говорит, чтобы я уходил, поэтому я вхожу и сажусь рядом с ним.

— Предложение заколоть тебя все еще в силе? — ворчит он. Я вытаскиваю складной нож из кармана и протягиваю ему, но он только усмехается. — Умник.

На мгновение воцаряется тишина, пока я тщательно подбираю слова.

— Ты думаешь обо мне самое худшее, когда дело касается твоей сестры, — говорю я ему. — И я не виню тебя за это. Я никогда не давал тебе повода думать иначе. Все, что ты знал, когда дело касалось меня и девушек, — это бессмысленные связи на одну ночь. Но мне нужно, чтобы ты поверил мне, когда я говорю, что это другое.

— О, отвали с этим дерьмом, — усмехается он. — Вы двое были вместе сколько? Примерно три с половиной месяца? Ты ее едва знаешь.

Я улыбаюсь, глядя на свои колени. — Я знаю, что она разговаривает во сне, если выпьет кофе перед сном. И что, хотя она ведет себя как крутая, и часть ее таковой и является, она также хрупка и готова броситься на клинок, чтобы защитить тех, кого любит. Я знаю, что она постоянно сомневается в себе, хотя она самый удивительный человек, которого я когда-либо встречал. — Чтобы отвлечься, я тереблю нитку на своих джинсах, пока Кэм хранит полное молчание. — И я знаю, что ее старший брат — один из ее самых любимых людей в мире, и если его не будет на нашей свадьбе, ее не будет, потому что он один из самых важных людей в ее жизни... и в моей.

Он выдыхает, показывая, что слушает, но я его еще не переубедил.

— Ответь мне на это, — говорю я ему. — Когда ты когда-нибудь видел, чтобы я хотя бы оставлял девушку на ночь, не говоря уже о том, чтобы хотеть провести с ней каждое мгновение — бодрствуя или спя?

Телефон, который он вертел в руке, останавливается, и он вздыхает. — Черт возьми. Это действительно не просто интрижка, не так ли?

Я качаю головой. — Я хочу провести с ней остаток своей жизни.

Он фыркает. — Ты действительно так сильно себя ненавидишь?

Мы двое смеемся, и я чувствую себя лучше, зная, что у нас все будет хорошо. Он всегда был мне как брат, а теперь он собирается стать моим шурином. Когда мы были моложе, мы часто говорили о том, как было бы здорово, если бы мы были братьями. Но я не думаю, что он когда-либо думал, что это произойдет, если я женюсь на его сестре.

Хотя эта мысль промелькнула в моей голове даже тогда.

— Итак, что ты скажешь? — спрашиваю я. — Ты будешь моим шафером?

Он издает смешок, недоверчиво качая головой. — Да, но при одном условии.

— Каком?

— Прекрати задавать мне важные вопросы сразу после того, как я перестану злиться на тебя.

Моя голова откидывается на стену. — О, чувак. Я планировал поспорить с тобой прямо перед тем, как попросить тебя стать крестным отцом нашего будущего ребенка.

Он поворачивается и бросает на меня многозначительный взгляд. — Как будто ты хочешь, чтобы я воспитывал твоего ребенка, если с вами что-нибудь случится.

Справедливое замечание. — Эх, с определенной девчонкой, думаю, у тебя бы все получилось. И кстати... когда ты собираешься что-то с этим делать?

Кэм мгновенно отворачивается, тяжело выдыхая. — Я не знаю, чувак. Это разговор на пять кружек пива.

— Хорошо, что мы открываем бар, не так ли?

18

Лейжыны

Маленькие девочки мечтают о дне своей свадьбы. Они представляют, как она будет выглядеть, какое платье наденут и кого пригласят. А я? Я всегда представляла, кто будет стоять на другом конце прохода. А с пятнадцати лет я представляла себе Хейса.

Конечно, я говорила себе, что этого никогда не случится. Что он никогда не увидит во мне ничего, кроме младшей сестры своего лучшего друга. Но все равно было забавно фантазировать и представлять, как это будет.

Если бы только та девушка могла увидеть меня сейчас - в мамином свадебном платье, с завитыми волосами и фатой на голове.

Хейс не шутил, когда говорил, что хочет жениться на мне как можно скорее. Он очень нетерпелив. Когда два дня назад мы пошли в здание суда, чтобы получить разрешение на брак, он чуть не попытался жениться на мне там. Но если мы собирались сделать это таким образом, то не было смысла говорить об этом родителям.

К тому же, это кажется более особенным.

— Я хорошо выгляжу? — спрашиваю я свою маму.

Она промокает салфеткой под глазами, кажется, в миллионный раз с тех пор, как вошла. — Ты прекрасно выглядишь, милая. Я всегда знала, что из тебя получится такая великолепная невеста.

Я улыбаюсь, еще раз глядя на себя в зеркало. Честно говоря, я не могу поверить, что мы здесь. Даже за ужином в тот вечер с Мали мы едва ли даже рассматривали возможность того, что предложение было тем, что он имел в виду под «*Я могу с этим работать*». И, говоря о...

Когда я слышу звук шагов, поднимающихся по лестнице, я также слышу, как Мали ворчит себе под нос. И мне, вероятно, следует упомянуть, что я еще не рассказала ей ни о чем из этого. Отчасти потому, что я не хотела, чтобы она пыталась отговорить меня от этого, а также потому, что так гораздо веселее.

— Твой парень чертовски странный, — говорит она, входя в комнату, ее глаза сосредоточены на телефоне. — Он не позволил мне войти в парадную дверь. Настоял, чтобы я зашла сзади и сразу поднялась наверх по какому-то поводу — Она поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, и замирает. — Ты в свадебном платье.

Я ухмыляюсь. — Ничто не проходит мимо тебя, не так ли?

В этот момент она видит мою маму, сидящую в кресле, тоже нарядную, и ее глаза расширяются, когда она снова смотрит на меня. — Т-ты выходишь замуж? Например, сегодня? Прямо сейчас?

— Да, — медленно произношу я. — И, если ты будешь моей подружкой невесты, твое платье висит в ванной.

Она идет в ванную и хватается за платье, затем возвращается, все еще глядя на меня как на сумасшедшего. — Как давно ты беременна?

— Она не такая, — говорит ей моя мама, сопровождая это воздушными цитатами.

Иисус Христос. — Мам, правда. Я не беременна.

Но она только вздыхает, как будто она знает о том, беременна я или нет, больше, чем я сама. — Все в порядке, милая. Я понимаю, как важно подождать, пока не пройдут три месяца, чтобы рассказать людям.

О, ради всего святого.

Мои глаза встречаются с глазами Мали, и она, должно быть, в состоянии видеть, что мы с ней не в ладах по этому поводу, потому что она прижимает кулак ко рту, чтобы удержаться от смеха, затем отвлекается на одевание.

Я никогда не понимала всей этой традиции «*что-то старое, что-то новое*». Кто решил, что куча случайных вещей необходима для того, чтобы иметь хороший брак? Опрашивали ли они тех, у кого не было всего этого, и сколько из них развелось? Черт возьми, половина пар, вступающих в брак в наши дни, разводятся. Наверное, не хватило «*чего-то синего*».

Тем не менее, когда моя мама проверяет, все ли у меня есть, я не пытаюсь ее остановить. Такие мелочи делают ее счастливой. Хотя, когда она кладет руку мне на низ

живота, и говорит: «*что-то новое*», для меня это уже слишком.

— Мама! — Я отталкиваю ее руку. — Опять же, я не беременна.

Она улыбается. — Конечно, милая.

Мои глаза закатываются, когда она хватается за мой букет и вручает его мне, показывая синий цветок в центре — тот, о котором у меня не хватает духу сказать ей, что на самом деле он бирюзовый. Но это нормально. Мали незаметно достает из сумочки синюю заколку для волос и прикрепляет ее сбоку к букету.

— Хорошо, — говорит мама, еще раз оглядывая меня и обмахивая глаза, когда она снова начинает плакать. — Увидимся внизу. Я так сильно тебя люблю.

Я не могу удержаться от улыбки. — Я тоже люблю тебя, мама.

В ту же секунду, как она выходит из комнаты, Мали смотрит на меня прищуренными глазами. — Серьезно, ты даже немного не беременна?

— Нет.

Она весело напевает. — Ха. Через несколько месяцев твоя мама будет ужасно разочарована. — Я улыбаюсь как раз перед тем, как она, наконец, произносит то, чего жаждала с тех пор, как вошла. — Но если ты не беременна, не могла бы ты рассказать мне, что, черт возьми, происходит? С каких это пор ты *выходишь замуж*?

— Уже как несколько ночей назад, — признаюсь я. — Помнишь тот наш с тобой разговор за ужином в субботу вечером? Да, я пришла к нему в тот вечер, и он попросил меня выйти за него замуж.

— Срань господня. Это была *идея Хейса*?

— Да, — выдыхаю я. — И я пыталась сказать ему, что ему не нужно этого делать. Я дала ему выход. Но он практически убедил меня в этом. Не то чтобы я не согласилась бы немедленно, если бы знала, что он был серьезен.

Мали выглядит совершенно шокированной, пытаюсь разобраться в этом. — Черт возьми, детка. У тебя волшебная киска?

Я смеюсь, как раз в тот момент, когда мой папа дважды стучит и открывает дверь. В тот момент, когда его взгляд останавливается на мне, его глаза начинают увлажняться. Я привыкла к тому, что моя мама плачет. Однажды я не торопилась загадывать желания на свечах в день рождения, и она плакала, потому что я *так много думала об этом*. Но до сих пор я никогда не видела, чтобы мой отец пролил хоть одну слезинку, и это мгновенно трогает меня.

— Вау, — выдыхает он. — Я представлял этот момент со дня твоего рождения. Ты намного моложе, чем я думал, но ты такая же красивая. Хейс - очень счастливый парень.

Сжимая губы в тонкую линию, чтобы попытаться удержаться от слез, я подхожу к своему отцу и обнимаю его. Он легонько целует меня в щеку, а затем перемещает свой рот прямо к моему уху.

— И если он когда-нибудь причинит тебе боль, он будет очень *мертвым* парнем.

Из меня вырывается смех. — Спасибо, папа.

Он гладит меня по спине и смотрит на Мали. — Ты хорошо выглядишь, Мэл.

— Спасибо тебе, папочка Би, — говорит она, затем съеживается. — Мм, нет. Больше не могу тебя так называть. Переспи с парнем, у которого проблемы с отцом, один раз, и все изменится...

Мой папа подавился воздухом. — Я вижу, все еще не хватает фильтра.

Как будто она только что осознала, что сказала, ее глаза закрываются, и она сжимает

переносицу. — Да. Конечно.

Тем временем я смеюсь так сильно, что у меня болит живот, потому что, *какого хрена* она только что сказала моему отцу. Она выглядит совершенно подавленной, как и мой папа, если уж на то пошло. К счастью, Кэм заглядывает в дверь.

— Ребята, вы готовы? — Но когда он видит меня, он улыбается. — Посмотри на себя.

— Как он? — Нервно спрашиваю я. — Он все еще будет там, когда я спущусь вниз?

Кэм закатывает глаза. — Ты шутишь? Как ты думаешь, почему я здесь? Он готов затащить пастора Тодда сюда и жениться на тебе в спальне.

Что ж, это сэкономило бы нам время позже. Но, *в отличие от Мали*, у меня есть фильтр, так что эта мысль остается спрятанной в моем мозгу.

— Ладно, хорошо, — говорю я с облегчением. — Да, мы готовы.

Кэм кивает и, прежде чем уйти, подходит, чтобы обнять меня. — Я рад за тебя, сестренка, даже если ты *крадешь* моего лучшего друга.

— Пожалуйста. Вы вместе открываете бар, — говорю я ему. — У тебя будет с ним больше времени, чем у меня.

— Это справедливо. Он был у меня первым.

Я показываю ему язык, и он ухмыляется, прежде чем покинуть комнату.

Когда я слышу, как внизу начинает играть музыка, я понимаю, что пора. Мой папа, Мали и я подходим к лестнице. Через несколько минут я стану миссис Лейкин Уайлдер. И, *о Боже*, это меня просто поразило.

Мали спускается на одну ступеньку, а затем оборачивается. — Ты уверена насчет этого? Потому что мы можем выйти через черный ход — будем на Бора-Бора завтра к полудню. Никто нас не найдет.

Я улыбаюсь предложению, когда мой папа наклоняет голову в мою сторону. — Я слышал, там красиво в это время года.

— Вы оба невозможны, — говорю я со вздохом, а затем киваю Мали. — Я уверена. Иди.

— Хорошо, — скептически говорит она. — Пойдем, повесим тебе ошейник с цепью на шею.

Я смотрю, как она осторожно спускается по лестнице и поворачивается, подмигивая мне, прежде чем скрыться из виду. Держась за руку моего отца, я делаю глубокий вдох, когда мы вместе спускаемся вниз. Все, что я могу сделать, это сосредоточиться на том, чтобы не скатиться с лестницы, но как только мы спускаемся и поворачиваем к гостиной, я поднимаю глаза, и мой взгляд встречается с Хейсом.

Все нервы, которые у меня были, немедленно рассеиваются. Просто так, больше ничего не имеет значения. Я люблю его и хочу провести с ним остаток своей жизни. Люди могут подумать, что я сумасшедшая, или предположить, что я, должно быть, залетела. Мне все равно. Потому что, если бы у них было то, что есть у нас, они приняли бы точно такое же решение.

Он смотрит на меня в ответ с широчайшей улыбкой на лице и слезами в глазах, и у меня нет ни единого шанса сдержаться сейчас. Я поджимаю губы, пытаюсь не заплакать. Он опускает голову, смеясь, и вытирает случайную слезу.

Кажется, что спустя целую вечность мы наконец добираемся до него. Он делает шаг вперед и пожимает руку моего отца.

— Если ты когда-нибудь причинишь ей боль, я *убью* тебя, — говорит ему мой отец.

Хейс смотрит на меня с одним лишь восхищением в глазах, но его слова предназначены

моему отцу. — Если это когда-нибудь случится, я позволю тебе.

Кажется, ему нравится этот ответ, потому что он целует меня в щеку и передает Хейсу — официально отдает меня. Наклоняясь вперед, Хейс приближает губы к моему уху.

— От тебя захватывает дух.

Бабочки вспыхивают у меня в животе, и я вручаю Мали свой букет, когда подхожу к пастору, который наблюдал, как мы с Кэмом растем. Мали стоит позади меня, в то время как Кэм стоит за Хейсом. Остальная часть комнаты заполнена моими родителями, мамой Хейса и Девин.

Возможно, это не традиционная свадьба, проходящая посреди нашей гостиной, но она наша. И все цветы, и украшения, которые наши мамы расставили по комнате, показывают, как нас поддерживают. Большинство людей, которых мы знаем, могут подумать, что мы сумасшедшие, но те, кто имеет значение, прямо здесь — наблюдают, как мы обещаем друг другу себя на всю оставшуюся жизнь.

Пастор Тодд начинает говорить, произнося речь перед обетом о том, почему мы все собрались здесь сегодня — как будто люди могли подумать, что это что-то другое. Но большая часть того, что он говорит, исчезает вдаль, когда я теряюсь в глазах Хейса. Мужчина, стоящий передо мной, — это все, чего я когда-либо хотела, и даже больше. Я не смогла бы выдумать его, даже если бы попыталась. И все то, через что мы прошли, что привело нас сюда, это показали нам, что действительно важно. Я благодарна за это.

Я благодарна за *него*.

— Пара подготовила свои собственные клятвы, которые они сейчас прочтут, — объявляет пастор. — Хейс, не хочешь ли ты начать первым?

Он улыбается, кивает и достает из заднего кармана сложенный листок бумаги. — Лейкин. Я не знаю, как мне выразить словами свои чувства к тебе, но ты хотела, чтобы мы написали наши собственные клятвы, так что я собираюсь попробовать.

Остановливаясь, чтобы посмотреть на меня, он сглатывает, комкает бумагу и отбрасывает ее в сторону.

— Да, ничто в этом не отдало бы тебе должного. *Нет* слов, чтобы выразить, как сильно я люблю тебя, потому что, *боже*, у меня от этого кружится голова. Ты — причина, по которой я встаю по утрам. Первый человек, к которому я хочу пойти, когда у меня плохой день, и когда у меня хороший день. Возможно, мы начинали не так, как любая другая пара, но я думаю, что это только делает нас сильнее. Ты была самым большим риском, на который я когда-либо шел, и ты была *лучшим* риском, на который я когда-либо шел.

— Нет никого другого, кто любил бы так, как любишь ты, — так беззаветно и без всяких угрызений совести. И знать, что я смогу сидеть под твоим светом и любоваться тобой до конца своих дней, — это все, о чем я могу просить. Поэтому я обещаю любить тебя, быть рядом с тобой и поддерживать тебя всем, что у меня есть, пока мир не взорвется, а возможно, и тогда. Спасибо тебе не только за то, что любишь меня, но и за то, что никогда не отказываешься от меня.

Мое сердце похоже на лужу воды, оно едва бьется, потому что он забрал его — украл его прямо из моей груди. Слезы текут по моим щекам, когда я беззвучно говорю ему: «Я люблю тебя». Но единственным звуком, который мы слышим, является всхлипывание позади меня. Хейс наклоняется в сторону и смотрит на Мали.

— Правда, Мэл? — спрашивает он.

Она издает влажный смешок. — Заткнись. Моя лучшая подруга выходит замуж, а она

даже не предупредила меня, чтобы я могла привыкнуть к этой мысли.

Все смеются, и я на мгновение отвлекаюсь от Хейса, чтобы обнять свою лучшую подругу. Оглядываясь назад, я должна была сказать ей, особенно теперь, когда я знаю, что она не собиралась пытаться отговорить меня от этого. Но последние несколько дней были таким ураганом в самом лучшем виде. И, кроме того, ее реакция была фантастической.

— Он крадет тебя у меня, — громко шепчет она.

Я хихикаю и глажу ее по голове. — Никто никогда не сможет украсть меня у тебя.

Она поднимает глаза и сердито смотрит на Хейса. — Слышал это? *Никто*.

К счастью, Мали - единственный человек, с которым он не испытывает ко мне собственнических чувств. Я имею в виду, это, вероятно, потому, что он знает, что она ударила бы его по голове так сильно, что он даже не вспомнил бы, кто я, но все же.

Хейс ухмыляется, когда я отпускаю Мали и снова поворачиваюсь к нему лицом.

— Лейкин, — говорит пастор Тодд, кивая мне, чтобы я продолжала.

Я делаю глубокий вдох.

Я справлюсь.

— Хейс. Я стою здесь, перед тобой и нашими семьями, и мне поручено объяснить, как много ты для меня значишь, но ты был прав. Это невозможно, как сфотографировать луну - результат никогда не будет таким же хорошим, как на самом деле.

— Три года назад я влюбилась в мальчика, который настаивал на том, чтобы во время игры в хоккей носить кепку задом наперед, а не шлем. С тех пор мои чувства к тебе только растут и не ослабевают. Ты тот, с кем я хочу делить свои хорошие дни, и тот, кто будет поддерживать меня в плохие.

— Я обещаю, что всю оставшуюся жизнь буду верить в тебя и поддерживать твои мечты. Я обещаю болеть за тебя на играх и всегда надевать только твою джерси. И я обещаю всегда ставить тебя на место, как тебе это нравится.

Он усмехается, и я не могу не улыбнуться при этом звуке.

— То, что я буду вечно любить тебя, для меня не новость. Я знаю это уже много лет. Но то, что я смогу делать это, нося твою фамилию, - это мечта, о которой я никогда не думала, что она сбудется. Для меня всегда был только ты, Эйч. И это никогда не изменится.

Взгляд в его глаза, то, как он вытирает слезу, как только она вытекает, показывает мне, насколько я важна для него. Ту уязвимость, которую он пытается скрыть от мира, пытаюсь защитить себя, он показывает мне. Я единственная, кто может видеть его настоящего, неприкрытого и уязвимого, и тот факт, что он доверяет мне настолько, что это значит для меня все.

— Прекрасно сказано, — говорит нам обоим пастор Тодд. — У вас будет прекрасная совместная жизнь.

— Таков план, — шутит Хейс.

Он смеется вместе со всеми, а затем возвращается к делу. — Хейс. Берешь ли ты Лейкин Роуз Бланшар в жены? Чтобы любить и беречь, в болезни и здравии, в богатстве и в бедности, храня себя ей до тех пор, пока вы оба будете живы?

Брови Хейса хмурятся, когда он вытягивает шею, чтобы заглянуть в книгу, которую держит пастор Тодд. — У тебя там есть что-нибудь длиннее этого?

Боже, я люблю этого мужчину.

Пастор улыбается. — Боюсь, что нет.

— Тогда ладно. — Хейс смотрит мне в глаза. — Я буду любить тебя, даже после того,

как мы оба умрем.

— Лейкин, берешь ли ты в мужья Хейса Беккета Уайлдера? Чтобы любить и беречь, и болезни и в здравии, в богатстве и в бедности, сохраняя себя для него до тех пор, пока вы оба будете живы?

— Да, — уверенно говорю я.

Не думаю, что когда-либо в моей жизни два слова имели большее значение. Я снова потерянно смотрю на него, осознавая, насколько он несправедливо великолепен, когда он говорит ему, что можно обойтись без колец, потому что у нас их нет. У нас была другая идея на этот счет, и поверьте мне...

Я только за.

Пастор Тодд улыбается. — Тогда властью, данной мне штатом Северная Каролина, я объявляю вас мужем и женой. Вы можете поцеловать невесту.

Хейс ухмыляется, хватая меня за шею и притягивает к себе, словно ждал этого целую вечность. Его рот накрывает мой, и, придерживая меня рукой, он прижимает меня к себе. И когда мы целуемся в первый раз в качестве мистера и миссис Хейс Уайлдер, меня осеняет.

Я проведу остаток своей жизни, занимаясь этим.

19

Хейс

Голова Лейкин прижимается к моей груди, когда мы покачиваемся под песню «Take My Name» группы Parmalee. Медленное звучание свадебной версии идеально, а слова песни настолько точны, что можно подумать, что она была написана о нас. Может быть, наша свадьба и была, по сути, забегом к алтарю, но это единственное, что я бы не стал откладывать.

Держать ее в объятиях, танцевать под песню, которая наиболее точно отражает мои чувства к ней, - ничто не может превзойти этого. Ее клятва повторяется в моей голове, и часть меня думает о том, чтобы вытатуировать каждое слово на своей груди. Прямо над сердцем, которое никогда не будет принадлежать никому другому.

— Я люблю тебя, миссис Уайлдер, — тихо говорю я ей.

Она поднимает голову и смотрит на меня с улыбкой. — Я тоже тебя люблю.

Прежде всего, хочу сказать, что я люблю свою семью. Люди в этом доме, которые смотрели и поддерживали нас, когда мы женились, - это лучшая семья, о которой я мог бы попросить. Но они должны убраться отсюда.

Видите ли, с той секунды, как Лейкин спустилась по лестнице в этом платье, единственное, о чем я мог думать, - это о том, чтобы остаться с ней наедине. А после того, как я провел последние несколько часов, празднуя наше торжество, все, чего я хочу, - это любить ее так, как я умею.

— Я выгляжу беременной или что-то в этом роде? — раздражается Лейкин.

Я чешу затылок и прищуриваюсь. — Это похоже на ловушку.

Она смотрит на меня, а Мали смеется. — Спокойно. Ты должна дождаться момента, когда брак *будет* зарегистрирован в суде, прежде чем убить его. Иначе ты просто невеста-убийца.

Моя голова наклоняется набок, когда я смотрю на Мали. — Ты часто размышляешь о моем убийстве?

— Ты что, шутишь? Это же моя лучшая подруга, — насмехается она. — Я продумала все до мелочей. Сделай ей больно, и все подумают, что ты обкурился кокса в Вегасе с парой проституток.

— Это то, что я бы сделал?

Она ухмыляется и подмигивает мне, в то время как Лейкин закатывает глаза.

— Вы двое можете сосредоточиться? Пастор Тодд только что сказал мне, чтобы я обязательно связалась с ним, когда мы будем готовы крестить ребенка!

Вау. Ее мама действительно помешана на этой истории с беременностью. — Расслабься, детка. В конце концов, все поймут, что ты не беременна.

— Отлично. А пока они все думают, что я жду ребенка.

Иметь собственную семью никогда не было тем, что я представлял в своем будущем. В конце концов, для этого нужно быть с кем-то дольше, чем пара ночей. Но впервые эта мысль не пугает меня до чертиков.

Я обвиваю руками талию Лейкин и притягиваю ее к себе. — Заставь всех этих людей уйти, пока я не потащил тебя наверх и не трахнул.

— Мой папа и Кэм буквально убили бы тебя, — протяжно произносит она.

Прижимаясь легким поцелуем к задней части ее плеча, я напеваю. — Полагаю, тогда ты станешь вдовой.

Она откидывается назад и поворачивает голову, чтобы улыбнуться мне, целуя меня в лоб. Это такой простой ход, о котором она, вероятно, дважды не подумала, но он зажигает меня. Потому что это то, чем она занимается. Все, чем я являюсь, и все, чем я хочу быть, вращается вокруг нее.

Мы стоим у входной двери, я обнимаю Лейкин, когда прощаемся. Как только машина скрывается из виду, я поворачиваюсь и прижимаю ее к дверному проему, накрывая ее рот своим. Поцелуя, который мы разделили, когда сказали «да», и каждого из последующих было недостаточно.

Ее руки перебираются на мою спину, и она проводит ногтями по ней, задыхаясь. — Это ты крадешь мою добродетель?

Схватив ее за задницу, я притягиваю ее к себе и прижимаюсь к ней. — Это я заставляю тебя чувствовать себя так хорошо, что *sоседям* понадобятся затычки для ушей.

— Да, пожалуйста, — говорит она, снова целуя меня.

Я стону ей в рот. — Это моя хорошая девочка.

Она визжит, когда я наклоняюсь и поднимаю ее в свадебном стиле. Я несу ее вверх по лестнице в нашу спальню. Но когда я иду, чтобы уложить ее на кровать, она останавливает меня.

— У меня для тебя сюрприз, — говорит она.

Я сбит с толку легкой ноткой нервозности в ее голосе, но она не дает мне шанса задать вопрос, прежде чем уходит в ванную и закрывает дверь. Пока я жду, я снимаю рубашку и бросаю ее в корзину для белья.

Лежа на кровати, я прокручиваю в голове события сегодняшнего дня. Если бы кто-нибудь сказал мне в начале этого лета, что к концу его я женюсь, я бы попросил немного из того, что они принимают. Но теперь, когда я здесь, я бы не променял это ни на что на свете. Я влюбился в нее так чертовски быстро, что у меня кружится голова. Или, может быть, чувства, которые, как я клялся, у меня не было много лет назад, на самом деле никогда не исчезали — вместо этого они росли на заднем плане.

Почти забавно думать, что я действительно пытался сохранить между нами непринужденность. Я должен был знать, что у меня никогда не было шансов на это.

— Каков мой сюрприз? — спрашиваю я.

Она приоткрывает дверь и высовывает голову. — Не будь нетерпеливым.

— Знай, за кого ты вышла замуж. Во мне не хватает терпения, когда дело доходит до того, что ты оказываешься подо мной.

Ее глаза закатываются. — Хорошо, хорошо. Еще одна минута.

Я хватаю свой телефон и отвечаю на сообщение от моей мамы, в котором говорится, как она счастлива за нас с Лейкин. Как только я нажимаю отправить, дверь ванной снова открывается.

— Хорошо, — бормочет Лейкин.

Отрываю взгляд от телефона, и широчайшая ухмылка немедленно расплывается на моем лице, когда я вижу ее. Она прислонилась к дверному проему, одетая в гребаный тренч. Это

наша шутка с той ночи, когда я, наконец, перестал бороться с этим, и, окидывая ее взглядом, я понимаю, что нет ничего, в чем она *не* выглядела бы грешной.

— Пожалуйста, скажи мне, что на тебе ничего нет под этим, — умоляю я.

Она прикусывает нижнюю губу. — Почему бы тебе не подойти и не узнать?

Мне определенно не нужно повторять дважды. Встав, я подхожу к ней, не сводя с нее взгляда. Оказавшись достаточно близко, я медленно расстегиваю пальто и снимаю его с ее плеч, но в тот момент, когда я это делаю, я, блядь, теряю дар речи.

На ней белое кружевное белье. Похоже, она воспользовалась фантазией, о существовании которой я даже не подозревал, и в совершенстве воспроизвела ее. Боди облегает ее во всех нужных местах. И когда я провожу руками по мягкому материалу, она выгибается навстречу моему прикосновению.

— Тебе нравится? — спрашивает она, глядя на меня из-под опущенных ресниц.

Я выдыхаю, даже не в состоянии пошутить прямо сейчас. — Мне это нравится. Боже, ты потрясающий. Притянув ее ближе к себе, я прижимаюсь губами к раковине ее уха. — Я буду поклоняться каждому дюйму твоего тела.

— Это все твое.

Черт. — Чертовски верно.

Сначала мои губы встречаются с кожей между ее шеей и плечом, нежно целуя ее. Я имел в виду то, что сказал — я собираюсь не торопиться с ней сегодня вечером. Она выдыхает и выгибает шею, чтобы дать мне больше пространства, в то время как я провожу кончиками пальцев вверх по внутренней стороне ее бедра.

Чем хороши эти боди, так это тем, что их так просто убрать с дороги. И когда мои пальцы касаются ее клитора, она выглядит более чем довольной своим решением. Она прислоняется спиной к дверному проему ванной, и я приподнимаю ее правую ногу ровно настолько, чтобы получить правильный угол обзора.

Чертовски жарко видеть ее такой, которая мгновенно начинает разваливаться у меня на пальцах. Но чего она не знает, так это того, что я не планирую останавливаться, пока она не начнет умолять меня. Ее голова откидывается назад, когда она дарит мне первый оргазм за ночь, и она закусывает губу, но ей больше никогда не нужно молчать. Не здесь. Не со мной.

— Не-а, — говорю я ей. — Ты дашь мне *все* это услышать. Я хочу, чтобы ты кричала до тех пор, пока у тебя не пересохнет горло.

Опускаясь на колени, я перекидываю ее ногу так, чтобы она перекинулась через мое плечо. Она наблюдает за тем, как я ухмыляюсь ей и принимаюсь за что-то гораздо более вкусное, чем свадебный торт, которым она меня угощала ранее. Хриплый стон срывается с ее губ, когда я посасываю ее клитор и просовываю два пальца внутрь.

— О Боже мой, — задыхается она. — Твой рот должен быть запрещен.

Я ухмыляюсь в ее киску. Это единственное, что мне в ней нравится — она всегда так чертовски отзывчива. Достаточно одного щелчка моего языка, чтобы она завелась, и она даже не осознает, как сильно это меня заводит.

— Мали может достать тебе еще одну из этих штук, верно? — спрашиваю я, имея в виду боди.

Она кивает, и это все, что мне нужно знать, прежде чем я разорву его пополам, полностью отдавая ее мне.

— Так-то лучше.

Тихий смех слетает с ее губ, но в ту секунду, когда я снова оказываюсь на ней, он

превращается в стон. Ее пальцы опускаются, чтобы запутаться в моих волосах, и она выгибает бедра, чтобы потереться о мое лицо. Ее вкус настолько затягивает, что я не могу подойти достаточно близко. Я хочу, блядь, задохнуться от нее.

Обхватив ее за талию, я приподнимаю ее. Другая ее нога перекидывается через мое плечо, я переносу ее на кровать и ложусь на нее к ней лицом. Она тут же пытается зависнуть, но когда я хватаю ее и тяну вниз, она понимает, что к чему.

— Черт, — выдыхает она. — Хейс.

Вот и все, детка.

Ее бедра начинают двигаться, когда она трется о мое лицо, пока она во второй раз отчаянно не достигает собственного кайфа. И когда она отпускает, ее звук наполняет комнату, когда мой рот проводит ее через это, все ее тело дрожит от ощущения.

— Посмотри на себя. Как же ты, блядь, хороша для меня.

Она слезает с меня и начинает расстегивать мои брюки. — Всегда хороша для тебя.

— Так и есть, детка, — говорю я ей. — Ты всегда идеальна для меня. Такое совершенство.

Одним движением снимаю штаны и боксеры, и мой член высвобождается. Она обхватывает ладонью основание и опускается, чтобы поцеловать кончик. Ее рот слегка приоткрывается, когда она слизывает прелеку и мурлычет. Это не должно быть так горячо, как есть, но все в ней чертовски сексуально.

— Боже, Лей. Ты невероятна. — Мои глаза остаются сосредоточенными на ней, пока она целует и посасывает мой ствол. — Такой хорошенький ротик на моем члене.

Ее язык скользит по нижней части, прежде чем она полностью берет меня в рот. Я чувствую, как попадаю в ее горло, и она давится моим членом, только чтобы отстраниться и сделать это снова. Это так интенсивно, то, как она обхватывает меня губами, что я вжимаюсь головой в подушку.

А когда она берет мою руку и кладет ее себе на голову - безмолвное послание трахнуть ее рот, - я в полном восторге от нее.

Я хватаю ее за волосы и выгибаю бедра, притягивая ее к себе и чувствуя, как она задыхается. Ее глаза находят мои, и она выглядит такой же возбужденной, как и я в данный момент. Потому что так уж мы устроены - не только наше собственное удовольствие доставляет нам наслаждение, но и удовольствие другого.

Когда я насаживаюсь на ее рот, я не свожу с нее взгляда. Она такая охренительно горячая, со слезами на глазах от рвотных позывов, когда я проникаю глубоко в ее горло. Но если я продолжу, то уже не смогу остановиться, а я еще не закончил с ней.

Я отстраняю ее от себя и собираюсь отодвинуться, но она кладет руку мне на грудь и толкает меня обратно вниз. Перекинув одну ногу через меня, она обхватывает мой член и опускается на меня. И, черт возьми, как же глубоко я вхожу в нее.

Она начинает подпрыгивать на моем члене, все еще в нижнем белье, но это мешает моему обзору. Мои руки скользят по ее бокам, тянут его за собой, пока она не снимает его и не бросает на пол.

— Ты такая красивая, — говорю я ей, пощипывая пальцами один сосок. Затем я сажусь и беру второй в рот. — Такая чертовски великолепная.

Ее голова откидывается назад, и она начинает двигать бедрами по кругу. То, что ее киска принимает меня целиком, и то, что я оказался в ней голым, делает это еще более интенсивным. Я не могу дождаться того дня, когда смогу опустошить себя внутри нее.

Кончить вместе с ней, чувствуя, как она сжимается вокруг меня, пока мой член пульсирует. Именно *так* я представляю себе рай.

Опустившись на кровать, я наблюдаю за тем, как она так искусно скачет на мне. И самое интересное, что она даже не пытается заставить меня кончить - она делает это для себя. Я хватаю ее за бедра, притягивая к себе чуть сильнее, когда вхожу в нее. Она так близко, и ее ногти впиваются в кожу на моей груди. Ее волосы падают перед ней, очерчивая ее лицо и закрывая все остальное от взгляда.

— Сделай это, детка, — приказываю я ей. — Кончай на мой член, как хорошая девочка. Тебе так хорошо вот так. Могу только представить, что ты почувствуешь, когда кончишь.

Ее движения становятся небрежными, когда мои слова подталкивают ее намного ближе к краю. Она отчаянно раскачивается взад-вперед, пока, наконец, не взрывается, падая вперед на меня, когда я чувствую, как ее киска сжимается вокруг меня, и я трахаю ее еще сильнее.

Она совсем потеряла силы, изнемогая от трех оргазмов, но я хочу большего. Я хочу получить все до последней унции удовольствия, которое она получит сегодня.

Оторвав себя от меня, она перекачивается на спину. Я переворачиваюсь и наклоняюсь, чтобы попробовать ее еще немного. Чувствительность настолько ошеломляющая, что она вскрикивает, когда я посасываю ее клитор.

— Я не могу, — говорит она, тяжело дыша. — Это слишком.

Я выпрямляюсь и беру свой член, потираясь им о нее. — Ты можешь.

Похоже, что она хочет бороться с этим, но большая часть ее взволнована идеей кончить снова. Позволить мне взять все, что она может дать.

Когда я снова проскальзываю в нее, она закрывает глаза и блаженно вздыхает. Именно здесь наше место, вот так.

Опуская руку вниз, я прижимаю большой палец к ее клитору и начинаю потирать его круговыми движениями. И когда я наклоняюсь вперед, используя свое тело для усиления давления, ее глаза распахиваются, и я знаю, что попал в нужное место. Мой член трется о ее точку G, в то время как мой большой палец ласкает ее клитор, и этого достаточно, чтобы она громко закричала.

Я трахаюсь с ней, наблюдая, как она кончает снова и снова. Каждый раз, когда я думаю, что она закончила, еще один разрывает ее. Это не похоже ни на что, что я когда-либо видел раньше, но она всегда удивляла меня на каждом шагу.

— Черт, черт, черт! — кричит она.

Я знаю, что если я не выйду из игры в ближайшее время, я собираюсь наполнить ее, но, видя ее такой, я не хочу останавливаться. Я *не* могу остановиться. Моя челюсть сжимается, когда я сдерживаюсь и чувствую, как она переживает седьмой оргазм за ночь. И когда она наконец убирает мою руку с себя, я вырываюсь в последнюю секунду и покрываю ее живот своей спермой.

Ее грудь поднимается и опускается, когда она пытается отдышаться, и я падаю на кровать рядом с ней. Я никогда не понимал, почему парней так возбуждает, когда девушка вся в сперме — до сих пор. Видя, как я покрываю ее, я снова начинаю хотеть ее, но я думаю, что она может кастрировать меня, если я попытаюсь.

— Святое дерьмо, — выдыхает она, ее голова склоняется набок, чтобы посмотреть на меня. — Срань господня.

Я прикусываю губу, чтобы скрыть улыбку, полностью довольный собой, и целую кончик

ее носа, прежде чем пойти принести ей теплое полотенце, что помыть ее.

И они говорят, что супружеская жизнь - это когда секс прекращается.

Что-то подсказывает мне, что у нас не будет этой проблемы.

Иглы многократно прокалывают мою кожу, проникая чернилами под нее. Слышен только звук двух татуировочных пистолетов, работающих одновременно. Типичные пары, возможно, решат пойти традиционным путем, используя кольца, чтобы показать, что они женаты, но я не заинтересован ни в чем из того, что можно снять.

— Я все еще не могу поверить, что ты сейчас женат, — говорит мне Зак. Он единственный, кому я когда-либо позволял делать себе татуировки. — Я даже не знал, что ты с кем-то встречаешься.

Посмотрев на Лейкин, она улыбнулась и подмигнула мне.

Тот факт, что на безымянном пальце у нее сейчас красуется буква «Х», говорит о моей собственнической стороне. О том, что я хочу вырубить парня только за то, что он слишком долго на нее смотрит. Она навсегда останется с моими инициалами, как и я - с буквой «Л» на безымянном пальце.

— Меня это тоже удивило, — признаюсь я. — Но, черт возьми, чувак. Я никогда раньше не чувствовал ничего подобного.

Он ухмыляется. — Я могу сказать. С ней ты другой.

Я слышу это не в первый раз и уверен, что не в последний, потому что с ней я *другой*. Она заставляет меня хотеть стать лучше. Кто-то, достойный ее. Кто-то, с кем стоит провести жизнь. И я не знаю, смогу ли я когда-нибудь достичь этого в полной мере, но я точно знаю, что никогда не перестану пытаться.

— У тебя все в порядке? — кричу я ей через всю комнату.

Лейкин кивает. — Да, но ты можешь не быть таким, когда Мали увидит, что ты заклеил меня.

Да, возможно, мне следовало подумать об этом заранее.

Теоретически, я должен быть сейчас где-нибудь в тропиках. С Лейкин на коленях и с

напитком в руке, живя полной жизнью медового месяца. Но когда ты в процессе превращения бывшего магазина для серфинга в бар, и ты почти бежишь к алтарю, времени на это не остается.

Тем не менее, заведение наконец-то начинает обживаться. Мы нашли человека, который может построить бар именно так, как я хочу, и хотя это обошлось мне дороже, чем хотелось бы, оно того стоит. У нас с Кэмом одинаковое видение этого места, и мы не хотим жертвовать этим из-за более высокой цены.

Мы перебираем сорта пива, которые хотим взять с собой, когда в зал врывается Лейкин, явно расстроенная. Она бросает сумку на пол и скрещивает руки, глядя на Кэма.

— Чувак, что ты натворил? — спрашиваю я его.

Он такой же невежественный, как и я. — Черт возьми, если я знаю.

Она ничего не говорит, но выглядит взбешенной. Даже в ярости. Как будто она готова сжечь весь мир дотла. Между тем, ни один из нас, похоже, не хочет дразнить медведя.

— Спроси у нее, — говорю я, подталкивая его локтем.

Он качает головой. — К черту это. Она *твоя* жена.

Черт возьми, да, она такая, но я предпочитаю спокойную и счастливую Лейкин — эту демоническую версию он может сохранить себе. — Она убивает взглядом не меня. — Она смотрит на меня, и я вздрагиваю. — Или, по крайней мере, это было не так.

Кэм вздыхает и сдаётся, прежде чем покрасить стены в красный цвет. — Что с тобой не так?

— Твоя мать - сумасшедший человек, вот что, — огрызается она.

Он поджимает губы, выглядя еще более смущенным. — Это забавно. Я всегда думал, что у нас одна мать.

— Не-а. Нет. — Она качает головой. — Я не собираюсь брать на себя ответственность за эту женщину.

Забирая у нас ноутбук, она нажимает пальцами на несколько клавиш, а затем разворачивает его обратно. Кэм пытается не рассмеяться, когда фотография его мамы стоит над множеством детских снимков.

— У нее целая доска объявлений на Pinterest! И это *публично!* — визжит она. — На протяжении всех сегодняшних уроков родители поздравляли меня с мыльшом. Один даже сказал мне, что в *моем состоянии* мне не следует кататься на коньках.

Кэм фыркает, возвращаясь к выбору пива, пока я обхожу стол. Я нежно кладу руки ей на талию, и она тает во мне. Надувшись, она кладет голову мне на грудь.

— Мне пришлось выбежать оттуда, когда миссис Тиммонс начала рассказывать мне, как ее влагалище разорвалось до самой задницы.

На мгновение я замираю. Это... тревожит. Мои пальцы запутались в ее волосах, когда я целую ее в макушку, и снова мысль о том, что она такая большая и беременна моим ребенком, не вызывает у меня желания бежать куда глаза глядят. Черт возьми, идея иметь семью даже немного привлекательна.

— Это действительно было бы худшей идеей? — тихо спрашиваю я. — Ждать нашего ребенка?

Она отступает и поднимает на меня брови. — Ты что, не слышал меня? *Ее влагалище разорвалось до задницы.* Какая часть этого не звучит как худшая идея всех времен?

Посмеиваясь, я пожимаю плечами. — Не знаю. Мне даже нравится идея, что ты такая миленькая и беременная моим ребенком.

Я подхожу ближе и кладу руку ей на живот, и она оставляет ее там на секунду, пока не убирает. — Ты не хочешь ребенка.

— Почему бы и нет?

— Потому что ты слишком эгоистичен, чтобы делиться мной, — просто говорит она. — А ребенок - это почти постоянная помеха.

Черт. Да, определенно я об этом не подумал. Я оглядываюсь, нахожу свои ключи на стойке и беру их, прежде чем направиться к двери.

— Куда ты идешь? — спрашивает она.

— Нам нужно больше презервативов.

Именно тогда, когда вы думаете, что все идет идеально, все идет не так. Это практически закон. Мы должны были знать, что это произойдет с баром. Но сейчас, когда мы с Кэмом стоим здесь и смотрим на плесень, которую инспектор обнаружил в одной из стен наверху, никто из нас этого предвидел.

— Нам придется вырвать всю гипсокартонную стену здесь, — говорит Кэм. — Мы все здесь уберем, а потом попросим кого-нибудь прийти и позаботиться о плесени.

— Может быть, стоит изолировать это после, — добавляю я.

Он кивает. — Это займет некоторое время, но ты прав. Это поможет сохранить тепло зимой.

Вздыхая, я достаю телефон и отправляю сообщение Лейкин. Мы планировали сходить куда-нибудь позже, но, похоже, я собираюсь пробыть здесь до конца дня. И каждый день на этой неделе, если уж на, то пошло.

Приятного обеда с Мали, детка. Похоже, я застряну в баре. Мы должны сорвать стены наверху. Не стесняйтесь присоединиться к нам, если хотите. □

Так хочется уже поскорее закончить с этим местом.

Лейжыны

Все меняется. Каким-то образом за одно лето я прошла путь от влюбленности в лучшего друга моего брата до свадьбы с ним. Я бы ни за что на свете не променяла свою жизнь. Все, что я когда-либо хотела, упало мне прямо в руки. Но все же приятно, что есть одна вещь, которая никак не изменилась, - это моя дружба с Мали.

Я люблю Хейса всем сердцем и искренне верю, что мне суждено провести с ним всю оставшуюся жизнь. Но Мали - моя вторая половинка. Она - тот единственный человек, который поддержит меня, что бы ни случилось и как бы сильно я ни облажалась. Она - мой вечный друг. Она всегда поражает меня своей силой и стойкостью. Хотя, признаюсь, я все еще волнуюсь за нее. Она самый сильный человек из всех, кого я знаю, но даже у бриллиантов есть слабые места.

Подъезжая к ее подъездной дорожке, я замечаю машину Монти. Должно быть, он вернулся из Аспена. Очевидно, у его семьи там дом, и они всегда ездят туда в это время года. Я удивлена, что он не связался со мной, когда вернулся домой, но, выйдя из машины и заметив цветы в руках Мали, я начинаю понимать, почему.

— Привет, детка, — говорит мне Мали.

— Привет. Мы все еще собираемся пообедать?

Она кивает. — Позволь мне просто сходить за своей сумочкой.

— Хорошо, — говорю я ей, и она оставляет меня снаружи с Монти. — Как прошла твоя поездка?

— Это было действительно хорошо, — отвечает он. — Взглянул на многое в перспективе. В горах есть способ сделать это.

Что бы *это* ни означало. — Это здорово! Я рада, что тебе понравилось. Ты заслуживаешь хороших вещей.

Его ухмылка становится шире. — Я заслуживаю, не так ли?

Всего секунду спустя выходит Мали и улыбается мне. — Готова идти?

— Ага, — отвечаю я, затем смотрю на Монти. — Ты идешь с нами?

Он качает головой. — Мне нужно позаботиться о нескольких вещах. Распаковка и все такое.

Это странно. Он только что вернулся и сразу направился сюда? Но когда мы собираемся уходить, он быстро обнимает меня, а затем целует Мали прямо в губы.

Что. За. Черт.

Мои глаза расширились, и Мали незаметно отмахнулась от меня. Будучи ее лучшей подругой с тех пор, как мы стали достаточно взрослыми, чтобы понимать, что такое настоящая дружба, я не раз видела, как она с кем-то встречается. И я могу сказать, что *это* не то, что ей нравится. Но она соглашается, заставляя себя улыбнуться, когда он отстраняется.

— Увидимся позже, детка, — говорит он ей.

Мои губы сжимаются, когда я пытаюсь удержаться от смеха и паники одновременно. Мы с ним машем друг другу, и он еще раз улыбается Мали, прежде чем сесть в свой Range Rover и уехать. В ту секунду, когда он уходит, я поворачиваюсь к ней.

— Ладно, что, черт возьми, это было?

Честно говоря, в течение последнего месяца я думала, что она питает тайные чувства к моему брату. Как только все в баре утихнет, я собиралась спросить ее об этом. Но это бросает вызов всему этому.

Она вздыхает, подходит к моей машине с пассажирской стороны и забирается внутрь. — Я не знаю. Он написал мне и сказал, что ему нужно со мной кое о чем поговорить, а когда я вышла на улицу, он вручил мне букет цветов и пригласил на свидание.

— И ты сказал «да»? — спрашиваю я.

Она вскидывает руки вверх. — Ну, что я должна была сказать? Кэм чуть не попал в тюрьму из-за меня. И не начинай нести чушь про то, что *ты ни в чем не виновата*. Единственная причина, по которой он сейчас не в тюрьме, это то, что Монти спас его задницу.

Ладно, значит, она жалеет, что встречается с ним, но это все равно на нее не похоже. — Значит, ты собираешься встречаться с ним в качестве чего? В качестве оплаты за его услуги?

Она пожимает плечами. — Я обязана дать ему хотя бы шанс. Кроме того, он хороший парень.

Ее слова говорят об одном, но скрытый смысл последнего предложения становится совершенно ясным. Она сказала «да», потому что он *безопасен*. Он не будет пытаться принуждать ее к чему-то, чего она не хочет делать, и никто не будет приставать к ней, когда она встречается с Роллинзом.

Если это поможет ей, если это поможет ей почувствовать себя лучше после всего, что произошло, то пусть так и будет.

Я проглатываю все, что еще собиралась сказать, и даю задний ход. — Не могу поверить, что ты встречаешься с *Монти*.

Она напевает. — Честно говоря, я всегда думала, что ты ему нравишься.

Не позволяй Хейсу услышать это. — Я думала, что он гей.

Мы обе смотрим друг на друга, одновременно пожимаем плечами, затем разражаемся смехом.

Вот тебе и конец со всем этим громким стуком в баре. По крайней мере, с этим видом стука, и по крайней мере пока. Никаких обещаний по поводу других видов стука, как только это место откроется, не будет. Мы входим в дверь и видим, что Хейс разговаривает с Грантом, парнем, которого они наняли для проектирования и строительства стойки.

— Привет, детка. — Я выгибаюсь и целую его. — Как дела?

Он зажмуривает глаза и стонет. — Это кошмар. Мы не сможем пройти проверку, пока не переделаем стены наверху. И поскольку нам все равно придется это делать, мы собираемся добавить изоляцию, как мы сделали здесь. Возможно, это к лучшему, но прямо сейчас это просто расстраивает. Я думал, мы будем готовы открыться к моему дню рождения.

Моя нижняя губа выпячивается. — Это отстой. Мне жаль.

— Все в порядке. — Он обнимает меня. — Теперь, когда ты здесь, я чувствую себя лучше.

Мали издает звук отвращения. — Брак сделал вас двоих еще более тошнотворными.

Я хихикаю, поворачиваясь в его объятиях. — О, не волнуйся, Мэл. Я уверена, что твой новый парень будет с тобой милым. Черт возьми, он мог бы даже купить тебе машину в любой случайный вторник.

Мали смотрит на меня, в то время как Хейс выглядит смущенным. — Подожди, какой новый парень?

— Я ненавижу тебя, — говорит она мне. — Как будто действительно, искренне ненавижу тебя.

Я морщу нос. — Ты не можешь. Кроме того, теперь мы можем ходить на двойные свидания.

Она фыркает. — Да, хорошо. Я знаю, как это будет. Ты хочешь, чтобы Хейс забанил меня пожизненно.

— Что происходит? — говорит Кэм, подходя, чтобы взять еще кое-какие инструменты.

Хейс бросает на него взгляд. — Это то, что я пытаюсь выяснить.

Мали закатывает глаза. — Это не так уж и важно.

— Хорошо, тогда скажи им.

Не поймите меня неправильно, я полностью понимаю, почему она это делает, но это не значит, что приятно наблюдать, как она избавляется от страха. Мали - величайший человек, которого я знаю, и мне нравится Монти, но он ее не заслуживает - и я не думаю, что он смог бы с ней справиться, если честно. Он просто не тот парень, который ей нужен.

— Прекрасно, — бормочет она, сосредоточив свое внимание на земле. — Я встречаюсь с Монти.

Кэм стоит к нам спиной, поэтому я не вижу его лица, но то, как он неподвижен, заставляет меня думать, что ему это не нравится. Тем временем брови Хейса приподнимаются.

— Мне жаль, — говорит он сквозь смех. — Должно быть, весь этот стук повредил мой слух, потому что это звучало так, как будто ты сказала, что *встречаешься* с Монти. — Когда никто из нас ничего не говорит, до него доходит. — Боже мой, ты встречаешься с Монти.

— Мы можем не делать этого? — умоляет она.

Но Хейс не собирается так просто сдаваться. — Как мы можем этого не делать? Это Монти. Ты *встречаешься* с Монтгомери Роллинзом.

Она издевается. — Спасибо тебе за эту информацию. Я думала, что встречаюсь с Монти Пайтоном.

— Да? — спрашиваю я, но она только отмахивается от меня.

Мали смотрит на Кэма с серьезным выражением лица. — Кэм?

Он, наконец, оборачивается. — А?

— Ты тихий, — бормочет она.

Мой брат выдавил из себя смех. — Извините, я пытался сообразить, какой молоток я хочу использовать. Это здорово, Мэл. — Он подходит и обнимает ее. — Я действительно рад за тебя.

Ее глаза закрываются, когда она обнимает его, и когда он отстраняется, она проводит пальцами по волосам. — Спасибо.

Схватив со стола молоток, он возвращается наверх. На мгновение становится тихо, напряжение в воздухе слишком густое, чтобы говорить, а затем мы слышим это — звук, с которым Кэм с силой ударяет молотком в стену. Он всегда был таким осторожным, и когда Хейс попал в трубу, он часами читал ему лекцию о том, почему пользоваться молотком — плохая идея, пока они чинили ее. Он взбешен, это ясно, но чего я не могу понять, так это того, что если он хотел Мали, почему он никогда не приглашал ее на свидание?

За этим следует звук чего-то трескающегося, и Кэм во все горло кричит: «Ублюдок!». Мы все съеживаемся.

— Я должен... — Начинает Хейс, но Мали останавливает его.

— Нет, — говорит она. — Позволь мне.

Глубоко вздохнув, она направляется в заднюю комнату и поднимается наверх, в то время как Хейс кивает на дверь. — Нам нужно пойти прогуляться.

Он открывает для меня дверь и переплетает мои пальцы со своими. Температура начинает опускаться, но это к лучшему. Уже не так жарко и влажно, как месяц назад. Наоборот, это идеальная температура.

Волны разбиваются, поднимая воду на пляж. Она почти доходит до нас, но мы обходим ее стороной.

— Я все еще не могу поверить, что она встречается с Монти, — говорю я ему.

Мне трудно это осознать. Мали может любить деньги, но она не из тех девушек, которые соглашаются на это, потому что у парня их много. В ней много достоинств, но «охотница за деньгами» — не одно из них.

— Об этом. — Он на секунду замолкает. — Ты думаешь, он с ней по правильным причинам?

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю. Ты не думаешь, что он просто использует ее, потому что знает, что она бы это сделала? Пользуется ли он этой возможностью?

Я отпускаю его руку. — Ты что, издеваешься? Ты все еще держишь против него это дерьмо?

Он смотрит на меня так, словно я сошла с ума. — Э-э, да, и это немного расстраивает, что ты не такая. Он нас разлучил.

— Нет, — поправляю я его. — Ты нас разлучил. Он просто дал тебе повод для этого.

— Он угрожал рассказать Кэму о нас.

— Потому что ты не собирался! — Я скрещиваю руки на груди. — Тебе это может не понравиться, но если бы не то, что он сделал, мы бы все еще встречались тайком, и я бы все еще цеплялась за те части тебя, которые ты был готов отдать мне в то время.

Он раздражается. — Что мне не нравится, так это он. То, как он смотрит на тебя? Я говорю тебе, Лейкин. У меня плохое предчувствие на счет этого парня.

Я на секунду отвожу взгляд, бормоча, что это чушь собачья. — У тебя плохое предчувствие олюбом парне, который приближается ко мне на расстояние десяти футов. И

да, иногда бывает жарко, когда ты ведешь себя как пещерный человек, но прямо сейчас это просто раздражает. *Я вышла за тебя замуж.* Буквально поменяла мою фамилию на твою. Я не знаю, как еще показать тебе, что другого парня больше не существует на моем радаре.

Его плечи опускаются, и он пытается дотянуться до меня. — Я не хочу с тобой ссориться. Не из-за него. Этот придурок больше не сможет разлучить нас.

Но его слова не заставляют меня чувствовать себя лучше. — Могу я напомнить тебе, что *этот придурок* - тот, кто спас моего брата от тюрьмы? Твоего *лучшего друга*?

— О, так это просто делает его хорошим парнем? Ты серьезно защищаешь его прямо сейчас после того, что он сделал?

— Я думала, он загладил вину после того, как помог нам, когда в этом не было необходимости. — Но прежде чем я скажу что-нибудь еще, я останавливаюсь и делаю шаг назад, сухо усмехаясь и качая головой. — Нет. Знаешь, что? Я не собираюсь делать это прямо сейчас. Приходи домой после того, как разберешься со своим дерьмом, и поймешь, что одна ошибка не определяет человека. Ты, как никто другой, должен быть благодарен за это.

Я разворачиваюсь и оставляю его стоять там.

Вот тебе и счастье молодоженов.

21

Хейс

Почему каждый раз, когда мы с Лейкин по-настоящему счастливы, этот ублюдок приходит и все портит? У него достаточно денег, чтобы встречаться с чертовой супермоделью, а он выбирает лучшую подружку моей жены? Я, блядь, на это не куплюсь. Он что-то задумал и использует для этого Мали. Другого объяснения нет.

Лейкин протискивается мимо меня, когда они с Мали уходят. Я не пытаюсь ее остановить. Сейчас она злится. Она знает обо всем, что он сделал, и да, он, возможно, помог Кэму, но если то, что сказал Оуэн, было правдой, и он дружит с Айзеком, кто может утверждать, что он не приложил руку к тому, что произошло вначале?

Я поднимаюсь наверх и вижу Кэма, прислонившегося к стене. Он расстроен - возможно, на себя, или на Мали за то, что она не отказала Монти. Кто знает? Но я слишком зол, чтобы сейчас обращаться с ним как с маленьким.

— Тебе просто нужно было быть таким чувствительным и беспокоиться о том, подходишь ты ей или нет, не так ли? *Да, я знаю. Я гребаный лицемер.* — Неужели ты не мог просто подойти к ней, когда я тебе сказал?

— Отвали, Уайлдер, — рычит он.

— Почему? Потому что ты знаешь, что я прав? — усмехаюсь я. — Если бы ты вырастил пару яиц и пригласил ее на свидание, она бы не встречалась с мистером Толстосумом.

— Ты думаешь, я этого не знаю? — рывкает он, бросая молоток на пол. — Ты думаешь, я не надираю себе задницу за это? Но что, черт возьми, я должен делать? Я даже не могу злиться из-за этого, потому что парень может быть придурком, но я обязан ему своей свободой.

Я усмехаюсь, вскидывая руки в воздух. — Какого хрена вы, Бланшары, считаете этого урода рыцарем в сияющих доспехах? Из-за такого дерьма у него и появился этот чертов «комплекс Бога».

Кэм хмурит брови. — Почему ты вообще так злишься из-за этого? Я знаю, почему он мне не нравится, но я не могу понять, почему он тебе не нравится.

— Потому что он хочет Лейкин. Вот почему он угрожал мне и сказал, чтобы я порвал с ней, иначе он собирался рассказать о нас тебе.

— Хорошо. Конечно, это дерзкий ход с его стороны. Но это привело к тому, что ты рассказал мне, и теперь вы двое, блядь, женаты. Вы все еще друзья с Лукасом, а он открыто хочет ее. Так почему ты так чертовски сильно ненавидишь Монти?

Я зажимаю переносицу, тяжело выдыхая. Правда о секс-записи вертится у меня на кончике языка, но я сдерживаюсь. Ничего хорошего не выйдет, если он узнает об этом. Особенно сразу после того, как узнал, что Мали встречается с ним сейчас.

Он убил бы его, а мы пытаемся уберечь его *от* тюрьмы, а не ищем причины, чтобы посадить его туда.

— Ты прав. — Это не так, но я притворяюсь, что сдаюсь, чтобы положить конец этому дерьмовому шоу. — Я должен просто забыть об этом.

Кэм напевает. — Ты должен. По крайней мере, ты победил... в отличие от меня.

— В любом случае, ты всегда мог бы пойти за ней, — предлагаю я. — Будь честен с ней.

Он качает головой. — Не-а. Он лучший парень для нее, даже если он мудака. Он сделает ее счастливой.

Это чушь собачья, и мы оба это знаем. Сегодня это было написано на их лицах. Она не выглядела ни в малейшей степени довольной своим новым статусом в отношениях, и если бы у нее не было чувств к Кэму, она бы не обратилась к нему за одобрением.

Часть ее хотела, чтобы он боролся за нее.

Сказал ей, чтобы она была с ним вместо этого.

Сказал ей *что угодно*, кроме того, что он сделал.

Но прямо сейчас до него не достучаться. Не тогда, когда рана все еще свежа. Кроме того, Мали - умная девушка. Что бы Монти ни задумал, она разберется в этом и бросит его задницу, когда это произойдет.

Я просто надеюсь, что это произойдет скорее раньше, чем позже.

Необходимость просить прощения за то, что я ненавижу парня, который, если бы ему представился шанс, покончил бы с моим браком, очень похожа на жестокую пытку. Меня до сих пор раздражает, что Лейкин защищала его передо мной после того, что он сделал. Но, опять же, она не знает всей истории.

И я не могу ей рассказать.

Монти опасен. Это ясно. Невозможно точно сказать, как далеко этот псих готов зайти и что мне нужно сделать, чтобы обеспечить ее безопасность. Если что-то пойдет не так, я не могу допустить, чтобы она попала под перекрестный огонь.

Подъезжая к дому, я вижу, что ее машина стоит на подъездной дорожке, а внизу горит свет. Я чувствую облегчение, когда понимаю, что она дома. Не то чтобы я думал, что ее не будет, но сегодняшний день выбил меня из колеи.

Я отпираю дверь и вхожу внутрь. Лейкин сидит на диване, читает книгу и смотрит на меня, когда я вхожу. Тот факт, что она не выглядит счастливой, увидев меня, задевает, не буду врать. Я никогда не переносил, когда она злится на меня, и, похоже, в ближайшее время это не изменится. Поэтому, вместо того чтобы тянуть время, я подхожу к ней и сажусь на пол рядом с диваном, кладу голову ей на живот и вздыхаю.

— Мне жаль, — говорю я ей. — Я знаю, что иногда я бываю слишком упрямым, но мысль о том, чтобы потерять тебя, пугает меня до чертиков.

Она откладывает книгу и проводит пальцами по моим волосам. — Мне тоже жаль, но тебе нужно усвоить, что я никуда не собираюсь. Твой инициал на моем безымянном пальце и свидетельство о браке, которое ты повесил на стену в рамке, как чертово свидетельство о собственности, являются доказательством этого.

Я ухмыляюсь. — Это не свидетельство о праве собственности. Мне просто нравится смотреть на это и знать, что это был не сон. Что ты действительно вышла за меня замуж.

— Конечно, я это сделала, — отвечает она. — Я люблю тебя, даже когда ты заноза в заднице.

Утыкаясь носом в ее живот, я вдыхаю ее аромат. Это помогает мне за считанные секунды перейти от крайности к спокойствию. Просто еще одна волшебная вещь, которую она делает. Господь знает, что их много.

— Я тоже тебя люблю. Боже, ссориться с тобой - это хуже всего.

Она хмыкает. — Ну, я придумала, как мы можем сделать так, чтобы Монти не был проблемой между нами, но ты должен оставаться неподвизтым.

О Боже. Это должно быть хорошо. — Я слушаю.

— Я хочу, чтобы мы сходили на двойное свидание с ним и Мали.

Отлично, она *хочет* соблазнить меня возможностью надрать ему задницу. — Это обязательно?

— Ну, нет, — печально говорит она. — Мы не *обязаны* что-либо делать, но я бы хотела. Я думаю, вы с Монти начали не с той ноги.

— Ты имеешь в виду ногу, которой он угрожал убить нас, если я не расстанусь с тобой. Эта нога?

Ее глаза сужаются. — Все, что я говорю, я думаю, ты должен дать ему еще один шанс. Он встречается с Мали. Он хочет не меня.

Почему-то я сомневаюсь в этом. Она ослеплена его версией, которая помогла ее брату, и я ненавижу это. С того момента, как он добился прекращения дела Кэма, я знал, что это дерьмо будет висеть у меня над головой. Она может сказать, что нам не обязательно идти, но я знаю, что если я откажусь, она снова на меня разозлится. И мы совсем недавно вступили в этот брак, чтобы одному из нас сегодня спать на диване.

— Хорошо, — неохотно соглашаюсь я. — Ради тебя я пойду.

На ее лице расплывается улыбка - такая, ради которой я готов на все. *Наглядный пример*. Ее рука перемещается на мою шею, и она притягивает меня к себе, вдыхая в меня жизнь поцелуем. Я не могу не вздохнуть в ответ.

— Спасибо тебе, — говорит она мне. — Я знаю, он тебе не нравится, но я ценю, что ты даешь ему еще один шанс.

Как будто у меня был другой выбор. — Шансы на то, что я изменю свое мнение о нем, невелики.

— Я понимаю это, но я все равно ценю это.

— Да? — Я приподнимаю брови. — Как сильно?

Знаешь, что говорят, секс после ссоры - лучший секс.

Она прикусывает нижнюю губу, и все понеслось. Я собираюсь сделать так, чтобы Толстосум не приходил ей в голову до конца ночи.

Кофе - необходимое зло. Я ненавижу его вкус, но когда накануне ты не спал допоздна, вычеркивая позы из *Камасутры*, словно это твой личный список достижений, это единственное, что может спасти меня от необходимости таскать весь день свою задницу. Между дополнительным ремонтом, необходимым в баре, и исследованием, которое я сейчас провожу в отношении Монти, я не могу позволить себе устать.

Я сижу на острове и просматриваю свой ноутбук. Должно быть, есть и другое мошенническое дерьмо, которое ему сходит с рук. Он сделал так, что видео с дракой Кэма с Айзеком исчезло, как будто ничего не было. Видеозапись, которая была не только на компьютере адвоката, но и на серверах прокурора и полицейского управления. А потом оно исчезло, не оставив ни малейшего следа, что оно вообще существовало. Даже Крейг не смог найти его на своем телефоне. Как будто ничего и не было.

Ублюдок хорошо замечает следы, потому что я ни черта не могу на него найти. Даже

его имени в школьном альбоме нет. Все статьи ссылаются на то, что он сын сенатора Роллинза. Не удивлюсь, если Монтгомери Роллинз - это даже не настоящее имя. Если Лейкин не была лично знакома с его отцом, я бы подумал, не врет ли он и об этом.

— Боже, как мне нравится эта насадка для душа, — говорит Лейкин, входя на кухню.

Нажатием одной кнопки все окна исчезают, оставляя только выбор пива, который мы с Кэмом все еще выбираем. Она подходит и целует меня, прежде чем взять себе чашку кофе.

— Это потому, что, когда я переехал, я просверлил в нем дыру, чтобы он не регулировал давление воды, — объясняю я.

Она улыбается. — Ну, ты гений. Если бы только она была ручной.

— О, мне жаль. Тебе было недостаточно трех оргазмов прошлой ночью, принцесса?

— Я никогда не смогу насытиться тобой или тем, что ты со мной делаешь.

Я ухмыляюсь. — Наша брачная ночь доказывает обратное.

Она откидывает голову назад, смеясь. — Ладно, прекрасно. Но в свою защиту скажу, что если бы ты продолжал, то не смог бы вовремя остановиться.

— Принимай противозачаточные, и мне вообще не придется останавливаться, — возражаю я.

— Именно поэтому я назначила встречу, чтобы сделать укол, — говорит она мне. — Но это не раньше, чем через месяц. По-видимому, у них действительно все расписано. Хорошее состояние владалища, должно быть, в моде в наши дни.

От одной мысли о том, что я могу постоянно обладать ею таким образом, у меня наполовину встает в джинсах. Видеть, как моя сперма вытекает из ее киски — чертовски охренительно. Я встряхиваюсь и смотрю, как Лейкин ухмыляется, точно зная, что она только что со мной сделала.

— О, кстати. Монти забронировал столик на сегодняшний вечер.

И весь мой стояк проходит. — Это был твой план? Заставить меня думать о сексе, чтобы меня не раздражало, когда ты упоминаешь его?

— Это зависит от того, сработало ли это?

Я хватаю ее за талию и притягиваю к себе, ставя ее кружку на стойку. — Ты играешь нечестно.

Она улыбается. — Я никогда не говорила, что делаю это. — Поцеловав меня на мгновение, она отходит. — Но серьезно. Мы собираемся в какое-нибудь пятизвездочное заведение для гурманов в получасе езды отсюда. Он сказал, что все забронировано обычно на шесть месяцев вперед, но он знает владельца.

Конечно, черт возьми, он знает. — Звучит заманчиво, детка. Однако мне пора идти. Марк зайдет в бар этим утром, чтобы посмотреть, как все продвигается.

Она кивает, а затем подходит, чтобы поцеловать меня еще раз. — Хорошего дня. Я люблю тебя.

— Я люблю тебя больше.

И когда я выхожу за дверь, мне интересно, имеет ли она хоть малейшее представление о том, насколько. Что если этот ублюдок попытается снова встать между нами, я без колебаний позабочусь о том, чтобы он больше никогда не показывался здесь. Потому что я не потеряю ее.

Я не могу.

Не думаю, что я бы это пережил.

За все время, что я знаю Марка, мне кажется, я никогда не нервничал рядом с ним. До сих пор. Но, опять же, я никогда не был его деловым партнером. Я был просто его проблемным сотрудником. Что-то вроде благотворительной организации. Сейчас я наблюдаю за тем, как он осматривает бар, и затаил дыхание в ожидании его критики.

— Хорошо, — стону я. — Избавь меня от страданий, пожалуйста.

Он усмехается и поджимает губы. — Это выглядит потрясающе.

Спасибо, черт возьми. — Серьезно?

— Да, серьезно. Я действительно впечатлен. Вы, ребята, действительно воплотили здесь свое видение в жизнь. Я вижу все мелкие детали, которые вы объясняли, и они, наконец, обретают смысл для меня.

Поворачиваясь к Кэму, мы стукаемся кулаками.

— Неудачная проверка была немного обременительной, — говорит он Марку. — Но мы должны закончить с этим к завтрашнему полудню, а инспектор собирается вернуться послезавтра.

Марк понимающе кивает. — Я уверен, это расстраивает, но хорошо, что они это уловили. В противном случае это распространилось бы и лишило вас бизнеса, пока вы *снова* разбирали бы заведение, просто чтобы избавиться от него.

— Я не думал об этом, — говорю я. — Нет худа без добра.

Марк оценивает ручную работу на новой стене, которую мы установили. — Мне действительно нравится эта закулисная комната.

Кэм гордо улыбается. — Да. Ящики с пивом тяжелые. Мы не хотели носить их вверх и вниз по лестнице, поэтому сделали кладовку.

— Умная мысль, — отвечает он. — Итак, как ты думаешь, что ты в конечном итоге будешь делать с верхним этажом?

— Мы действительно еще не разобрались в этом, — признаю я. — Впрочем, он достаточно велик, чтобы стать чертовой квартирой, так что возможности безграничны.

Кэм хихикает. — Может быть, я перееду туда. Уберусь нахрен из дома моих родителей.

Это неплохая идея, честно говоря. Расположение идеальное, и его дорога на работу состояла бы из спуска по лестнице. Есть только одна проблема.

— У нас нет кухни, дружище. И ты ешь больше, чем кто-либо из моих знакомых.

Он выглядит разочарованным, но только на секунду. — Эх, значит, я буду питаться едой навынос. Ты делаешь это.

— Больше нет, — поправляю я его. — Теперь я женатый мужчина. Стал домашним и завел себе жену.

— Что за черт, — кричит Марк. — Ты женился?

Я провожу большим пальцем по букве «Л», которая навсегда запечатлена чернилами на

моей коже. — Да. Попросил Лейкин выйти за меня замуж, и мы провели крошечную церемонию в нашей гостиной несколько дней спустя.

Он усмехается. — Ты ее обрюхатил или что-то в этом роде?

Кэм съеживается. — Не спрашивай *ее* об этом. Она тут же оторвет тебе голову.

Он не лжет. — Не-а. Просто знал, чего хочу, и пошел на это. Жизнь коротка и все такое дерьмо.

— Да, верно. — Кэм закатывает глаза. — Это было нечто среднее между его склонностью становиться пещерным человеком, когда дело касается ее, и желанием быть моим шурином, настолько сильно, что он был готов продать душу дьяволу, чтобы это произошло.

Я фыркаю. — Ты только что намекнул, что твоя сестра - дьявол?

— Абсолютно. Я люблю ее, но она безжалостна. — Он кладет руку мне на плечо. — Удачи тебе. Пожалуйста, знай, возврата нет. Все продажи окончательные.

Марк прислоняется к стене и скрещивает руки на груди. — Будет забавно увидеть, как вы двое управляете этим заведением вместе. Тебе следует подавать попкорн.

Но все, что я могу думать, это то, что если он думает, что мы забавные, подожди, пока он не увидит Лейкин и Мали вместе. *Это* заслуживает попкорна.

Единственное, что может быть хуже, чем двойное свидание, - это необходимость надевать на него костюм. Я не люблю формальную одежду. Черт, я даже не надел полный костюм на нашу свадьбу, и это не потому, что она проходила в нашем доме. Может, сейчас и сентябрь, но это не значит, что на улице не чертовски жарко. Никто не хочет надевать пиджак в такую погоду. Но в месте, которое выбрал Монти, есть дресс-код, который мы должны соблюдать.

Костюм Монти выглядит так, будто стоит дороже моего дома, а бриллиантовое кольцо на шее Мали говорит о том, что он думает, будто ее привязанность выставлена на продажу, и он собирается предложить самую высокую цену. По мере того как мы с Лейкин сближались, Мали стала одной из моих самых близких друзей. Я забочусь не только о Лейкин.

О ней тоже.

Хостес ведет нас к нашему столику в VIP-секции. В самом деле, он не мог бы выпендриться еще больше, если бы попытался. Мы все садимся, и я едва успеваю взглянуть на меню, как к нам подходит мужчина, чтобы поздороваться.

— Монтгомери Роллинз, — приветствует он его. — Приятно видеть тебя снова. Как поживает твой отец?

Монти улыбается ему. — Он великолепен. Вносит значительные изменения в политический мир.

— Я заметил. Это фантастика. — Он оглядывает стол. — Итак, кто эти замечательные

люди, которые с тобой сегодня вечером?

Он обнимает Мали. — Это моя девушка Мали, моя подруга Лейкин и ее парень Хейс.

Его слова удивляют меня. Либо он сделал это нарочно, чтобы подорвать наши отношения, либо он не знает. И, судя по тому, как Лейкин не пытается его поправить, я предполагаю, что это последнее.

— Вообще-то, я ее муж, — говорю я, протягивая руку. — Приятно познакомиться с вами, мистер...

— Август, — добавляет он и качает головой. — Мне это доставляет удовольствие.

Они с Монти обмениваются любезностями, после чего он сообщает нам, что к нашему столу приставлен лучший официант и шеф-повар, и чтобы мы сообщили ему, если что-то не будет доведено до совершенства. Мы все благодарим его, и как только он уходит, Монти поднимает брови.

— Итак, вы двое поженились? — спрашивает он, делая глоток воды.

Я киваю, беру руку Лейкин в свою и кладу их на стол. — Около недели назад. Я удивлен, что ни одна из них не упомянула об этом.

Ухмылка на его лице далека от искренней. — Я немного обижен, что меня не пригласили.

— На самом деле никто не был, — отвечает Лейкин. — Только семья.

— Я предполагаю, что Мали была там.

— Как она и сказала, семья, — повторяю я. — Мали - это семья.

У этого парня много нервов, он думает, что, поскольку он сыграл определенную роль в спасении Кэма — что, как я заключил, было больше благодаря связям его отца, чем принадлежало ему, — он заслуживает того, чтобы его включили в такой интимный момент. Если даже парни из команды не были приглашены, то он уж точно не был бы приглашен.

— Что ж, это отличные новости, — выдыхает он. Поднимая свой бокал, он кивает нам. — Выпьем за счастливую пару.

Я ухмыляюсь, чокаясь своим бокалом с его. Лейкин выглядит смущенной, когда я незаметно опускаю ее руку, но она не должна быть такой. Она рассказала всем, кто был готов слушать, что мы поженились. Даже кассирша в продуктовом магазине все об этом слышала. Но так уж случилось, что ее единственный друг, который сыграл свою роль в нашем расставании, *нет*?

Попробуй еще раз.

Но сейчас я пью воду из бокала для шампанского, как будто мое место в этой прославленной забегаловке.

Дерьмо, облитое золотом и по завышенной цене, все равно остается дерьмом.

Я стою у перил, выходящих на танцплощадку, и наблюдаю за тем, как Лейкин и Мали проводят время в свое удовольствие. Они двигаются в такт и кружатся вокруг друг друга с широкими улыбками на лицах. Нет ничего более приятного, чем видеть Лей именно такой — когда она так счастлива, что это заразительно.

— Она великолепа, не так ли? — говорит Монти, подходя ко мне.

— Я не знаю, чувак. Я никогда не смотрел на Мали с такой точки зрения.

Он делает глоток своего пива. — Я говорил не о Мали.

Сукин сын. — Не смотри, блядь, на мою жену.

— Или что? — усмехается он. — Ты натравишь на меня старшего брата? Ты не хочешь этого делать. В исправительном учреждении Нойз все еще есть камера с его именем на ней.

— Ты думаешь, я не захочу сам сделать грязную работу? Что мне не доставит удовольствия разбить твое лицо о бордюр? Не только у тебя есть связи, Роллинз. Я задушу тебя, и все будет выглядеть так, будто ты свалил куда-то на остров с человеком по имени Рамон.

Ухмыляясь, он не выглядит ни капельки испуганным. — Осторожно, Эйч. Посмотри на нее. Она счастлива. Ты же не хочешь быть тем, кто это разрушит?

Я насмехаюсь. — Отвали. Ты ведешь себя так, будто ты большой и сильный, но ты всего лишь маленький мальчик, у которого проблемы с привязанностью, потому что твои родители не уделяли тебе достаточно внимания в детстве. — Я поворачиваюсь к нему лицом, глядя вниз из-за разницы в росте. — Я знаю, что ты дружишь с Айзеком, или, по крайней мере, дружил. Оуэн рассказал мне. Это забавно, потому что ты ни разу не упомянул, что знаешь его, пока мы занимались делом Кэма.

— Я встретил его на вечеринке по случаю дня рождения Лейкин и Мали, — просто говорит он.

Хорошая попытка, Толстосум. — Айзека не было на вечеринке по случаю дня рождения Лейкин. Возможно, стоит еще немного поработать над репетицией этой лжи. Не хотелось бы, чтобы ты попала впросак в самый ответственный момент.

Его уверенное поведение ускользает. — Что это должно означать?

— Это *значит*, что я приду за тобой, — говорю я ему. — Я собираюсь выяснить о тебе все, что только можно узнать. Твои секреты. Твою ложь. Твои проступки. И если я узнаю, что ты портишь жизнь людям, которые мне дороги, я сделаю уничтожение тебя своим главным приоритетом. Даже дорогой папочка не сможет спасти тебя от меня.

Он все еще пытается сохранить свое дерзкое отношение, но я замечаю, как он резко сглатывает. — Ты уверен, что хочешь это сделать? Я не лучший вариант для того, чтобы иметь такого врага.

— Ты начал это в тот момент, когда решил попытаться украсть ее у меня. Поместил свое имя прямо вверху моего списка дерьма и подчеркнул его красным. Ты можешь быть сыном сенатора, но *никто* не смеет шутить с моей семьей. Что ты думаешь? Что Айзек просто *решил* уйти?

Я ухмыляюсь, подмигиваю ему и отступаю назад.

— А теперь, если ты меня извинишь. Я собираюсь пойти потанцевать со своей *женой*. Я пойду потанцую с женой. Она так возбуждается, когда прижимается ко мне задницей.

С этими словами я ухожу и оставляю его стоять там и смотреть, как у меня есть то, чего у него никогда не будет.

Лейки

Он в ярости. Почему? Понятия не имею. Но он ходит здесь как будто постоянно на взводе. Сначала я подумала, что это как-то связано с двойным свиданием, но Мали помогла мне понять, что в ту ночь он был в порядке. Только на следующее утро он начал вести себя странно. И каждый раз, когда я спрашиваю его об этом, он отвечает, что все в порядке.

Короче говоря, мой муж превратился в подростка, страдающего ПМС.

Я стою в ванной, завиваю волосы, когда он заходит в спальню. Он останавливается и окидывает меня взглядом, но та часть меня, которая надеется, что ему это нравится, рушится, когда он хмыкает и качает головой.

— В чем твоя проблема в последнее время? — спрашиваю я, наконец-то насытившись его отношением.

Он прислоняется к дверному проему. — Я не знаю, Лей. Почему бы тебе не сказать мне, где ты взяла это платье?

О, это должно быть весело. — Это было доставлено.

— Толстосум теперь покупает тебе дерьмо?

— Нет, — говорю я строго. — Это от дизайнера, и оно вернется к ним после сегодняшнего гала-концерта. По сути, я ходячий рекламный щит. Я упомянула в нашем групповом чате, что мне нечего надеть, и Монти связал меня с человеком, который организует показы мод для этих мероприятий.

Он издевается. — Ты в групповом чате со своей лучшей подругой и ее парнем? И ты не находишь это странным?

— Может быть, если бы я познакомилась с ним, потому что она с ним встречается, но это было создано задолго до того, как они стали чем-то.

С ним явно не поспоришь, когда он разворачивается и идет прилечь на нашу кровать — хотя называть это так прямо сейчас, возможно, было бы немного натяжкой. В последнее время он избегает меня, работая в баре допоздна, что к тому времени, как он возвращается домой, я уже сплю.

Мои брови хмурятся, когда я смотрю на время, отмечая, что нам нужно уходить через тридцать минут, а он еще даже не принял душ.

— Ты не собираешься собираться? — спрашиваю я.

Он не отрывает взгляда от своего телефона. — Нет, потому что я не пойду.

У меня отвисает челюсть. — Серьезно?

— Не делай вид, что ты удивлена, — говорит он мне. — Ты всю неделю знала, что я не собираюсь в конечном итоге идти на эту высокопарную ерунду.

— Нет, я этого не делала, потому что ты не разговаривал со мной несколько дней. — Я чувствую, что нахожусь на грани срыва. — Почему ты не идешь?

— Потому что это не мой мир! И это тоже не твой, как бы сильно ты этого ни хотела.

— Что, черт возьми, это должно означать?

Он бросает свой телефон на кровать. — О, не прикидывайся дурочкой. Ты точно знаешь, о чем я говорю.

— Я не знаю! — кричу я.

— Ты не знаешь. — Он саркастично повторяет. — Правда? Это уморительно, потому что ты, казалось, не могла перестать говорить о том факте, что мы поженились, но, как по волшебству, единственным человеком во всем Колдер-Бэй, который не знал, был Монти .

Этого не может быть. Если бы я знала, что он взбесится из-за того, кто знает о нашей свадьбе, а кто нет, я бы закричала об этом с крыш. Даже если бы это было написано на чертовом небе. Но я никогда не думала, что он такой человек, чтобы беспокоиться об этом — не после того, как он держал *меня* в секрете первые пару месяцев.

Нельзя даже сказать, что я намеренно не рассказала Монти. Единственный раз, когда я была рядом с ним после нашей свадьбы, был в тот день, когда я узнала о нем и Мали. Излишне говорить, что это немного отвлекало. Но прежде чем я успеваю сказать ему это, он ухмыляется так, словно его следующие слова призваны причинить боль.

И они делают.

— Почему ты не сказала ему, Лей? — нажимает он. — Хотела оставить свои варианты открытыми?

Такое чувство, что он только что со всей силы ударил меня кулаком в живот. С другой стороны, это, вероятно, было бы предпочтительнее. Это было бы не так больно. Слезы наворачиваются на мои глаза. Я не знаю, кто парень, стоящий передо мной, но это не тот Хейс, за которого я вышла замуж.

— Пошел ты, — шиплю я.

Если он все еще думает, что он не единственный парень, которого я, по сути, *когда-либо* хотела, это его проблема. Я не собираюсь стоять здесь и позволять ему ругать меня за это. Я разворачиваюсь и направляюсь к двери.

— Куда ты идешь? — зовет он.

— На праздник, — отвечаю я. — Без тебя.

Спускаясь по лестнице, я слышу его проклятия, сопровождаемые звуком его шагов по потолку надо мной. — Детка, подожди.

Но я не хочу это слышать. Не прямо сейчас. Последние несколько дней он почти не разговаривал со мной, и после того дерьма, которое он только что наговорил, он может несколько часов пробовать свое собственное лекарство.

Должна признаться, я не хочу здесь находиться. Все выглядят такими счастливыми, танцуют вокруг, как будто их мир так идеален. Возможно, так оно и есть. Эти люди - люди из «старых денег». Им никогда в жизни не приходилось ни о чем беспокоиться. Большинство из них даже не работают. Они просто приходят на подобные мероприятия и швыряются деньгами, как будто их происхождение - это повод для гордости.

Возможно, Хейс и был прав - это не наш мир. Но он ошибся, когда предположил, что я хочу, чтобы он был таким. Как будто любой другой мир, кроме того, в котором есть он, - это то, о чем я могу даже подумать. Это заставляет меня чувствовать, что я не должна была приезжать без него.

Часть меня просто хочет уйти. Вернуться домой и разобраться с этим дерьмом. Мы женаты. Мы дали клятвы. И быть сейчас здесь, а не дома с ним - это неправильно. Но это неплохая идея - дать нам обоим успокоиться. Если мы все еще будем злиться, когда попытаемся поговорить, это только усугубит ситуацию.

Так что я остаюсь, но это не значит, что я хорошо провожу время.

Монти держит руку на спине Мали, как будто ему нужно что-то доказать. И я не могу не заметить, как Кэм постоянно смотрит на него. Как только он понял, что Хейс не придет, я поняла, что он хочет уйти. Но уже слишком поздно. Он уже здесь.

— Не могу поверить, что лето закончилось, — говорит Мали, оглядывая вечеринку.

Кэм не согласен. — Сейчас у местных жителей лето.

— Да, но это длится всего несколько недель. По сути, все закончилось.

Я вздыхаю, думая о том, что приближается двадцать первый день рождения Хейса. Наш первоначальный план состоял в том, чтобы бар был готов, чтобы мы могли отпраздновать там, но, похоже, этого пока не произойдет. Однако это ни в коем случае не означает, что мы оставим это событие без внимания.

— У Эйча скоро день рождения, — указываю я.

Кэм ахает, изображая шок. — Правда? Вау. Я понятия не имел. Слава Богу, что ты вышла за него замуж, чтобы я мог узнать эту полезную информацию.

Я отмахиваюсь от него. — Я думала устроить ему вечеринку-сюрприз. Ты знаешь, поскольку бар не будет готов вовремя.

— Вау, — говорит Мали. — Злишься на него и все еще планируешь для него что-то приятное? Какая ты взрослая. Я так горжусь тобой.

Монти цепляется только за одну часть этого. — Злишься на него? Есть ли проблемы в «Раю Уайлдеров»?

У меня в животе поселяется яма. Идея поговорить с Монти о наших проблемах, когда я знаю, что он не нравится Хейсу, — мне не нравится. Вот почему я рассказала об этом Мали, только когда мы были одни. Я бы не хотела, чтобы Хейс говорил с девушкой о слабых местах

нашего брака. Так что, это правильно, что я отношусь к нему с таким же уважением.

— Нет, у нас все хорошо. Просто «опусти сиденье унитаза, ты здесь не один живешь» - разногласия. — Я отмахиваюсь от темы. — Хотя, серьезно. Его день рождения. Должны ли мы сделать это в доме? На катке?

Кэм не в восторге от этой идеи. — Не-а. Он не из тех, кто любит вечеринки-сюрпризы. Ты хочешь сделать его счастливым? Все, чего он хочет, это выпить с несколькими своими друзьями.

Я поджимаю губы. В его словах есть смысл. Это действительно все, чего Хейс когда-либо хотел. Я знаю, что его мама планирует приготовить для него торт. На днях она обязательно упомянула об этом на случай, если я что-то планирую. Но оставить это и пойти куда-нибудь, где мы могли бы просто выпить и повеселиться, звучит как довольно хорошая идея.

— Если народу не слишком много, мы могли бы воспользоваться моей лодкой, — предлагает Монти.

Мали фыркает, но в тот момент, когда она собирается открыть рот, я обрываю ее. — Я подумаю об этом. Спасибо, Монти.

Она уже наполнила шампанским четыре бокала. Последнее, что мне нужно, это чтобы она подробно описала неприязнь Хейса к Монти. По крайней мере, Хейс притворяется милым с виду. И Монти не знает его лучше, чтобы заметить, что это подделка.

— Мне нужно еще одно пиво, — говорит мой брат, затем бормочет «или семь» себе под нос.

Монти кивает направо. — Бар бесплатный, мой друг. Нокаутируй себя.

— Спасибо, — ворчит он, уходя.

Взгляд Мали, кажется, задерживается на нем, и на ее лице появляется намек на грусть, но когда Монти целует ее в щеку, она отводит от него взгляд и улыбается. Хотя до ее глаз это не доходит.

С ним этого никогда не происходит.

Начинают звучать вступительные ноты «Take My Name», и у меня сводит желудок. *Наша свадебная песня*. В последний раз, когда я слушала ее, я была на седьмом небе от счастья, танцуя по своей гостиной, как будто это было самое романтическое место в мире. Ничто другое не имело значения, потому что я была в его объятиях. И теперь его здесь нет, чтобы поделиться этим со мной.

Что я делаю?

Я не должна быть здесь — не тогда, когда мой брак в беде. Он не зря расстраивается. Если бы я думала, что он намеренно скрывает нашу свадьбу от людей, я бы тоже так думала. И чем дольше я здесь нахожусь, тем хуже может получиться.

— Мне нужно идти, — говорю я в спешке.

Но когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, я нахожу Хейса, стоящего там, только что принявшего душ, выбритого и одетого в костюм, в котором он выглядит *так* охренительно хорошо.

— Могу я пригласить тебя на танец?

Звук его голоса словно возвращает меня домой. Он протягивает руку, и я беру ее. Возможно, нам еще есть, о чем поговорить, но прямо сейчас мне нужно быть в его объятиях, как дышать.

— Я должен был сказать тебе, как ты прекрасно выглядишь, прежде чем ты ушла, —

тихо шепчет он мне на ухо.

Я вздыхаю и расслабляюсь в его объятиях. — Мне жаль. — Я должна была сказать ему. — Дело не в том, что я стыжусь нас или хочу кого-то другого, кроме тебя. Честно говоря, у меня просто еще не было шанса, за исключением того момента, когда я узнала, что он и Мали встречаются, и это сбило меня с толку. Но, клянусь своей жизнью, я *не* прятала тебя. Я люблю быть замужем за тобой больше всего на свете.

Он приподнимает мой подбородок и целует меня. Невозможно объяснить чувство облегчения, которое охватывает меня. И когда он отстраняется, он смотрит мне в глаза.

— Мне тоже жаль, — искренне говорит он. — То, что я сказал тебе сегодня, было неуместно. Я не горжусь тем, как вел себя последние несколько дней. Честно говоря, я все еще не до конца верю, что заслуживаю тебя, и я позволяю этой неуверенности взять верх надо мной. Но смотреть, как ты сегодня выходишь за дверь, было опустошающе. Я бы никогда не простил себя, если бы позволил тебе уйти.

Боже, я люблю этого мужчину.

Я снова целую его, на этот раз немного медленнее. — На днях я собираюсь заставить тебя осознать, что тебе не о чем беспокоиться. Я твоя, Эйч. Навсегда.

— Просто не отказывайся от меня, — умоляет он, в его голосе слышится уязвимость.

— Никогда, — обещаю я. — И ты тоже не можешь от меня отказаться. Ты не единственный, кто иногда ошибается.

— О, я знаю, — поддразнивает он. — Я могу только представить, что меня ждет.

Я смеюсь, и моя голова снова ложится ему на грудь, когда мы раскачиваемся под музыку. Он тихо подпевает, а я запоминаю звук, потому что нет ничего лучше, чем слышать нашу свадебную песню его голосом и знать, что он подразумевает каждое слово.

Я выхожу из машины, захопываю за собой дверь, и Хейс делает то же самое. Все было хорошо. Мы все прекрасно проводили время, пили и смеялись. Но я обещала быть назначенным Кэмом водителем, поэтому оставалась трезвой, пока Хейс пользовался открытым баром. И чем больше он набирался смелости, тем большим засранцем становился.

— Я не понимаю, в чем, черт возьми, проблема, — спорит он. — Ты знаешь, что он мне не нравится.

Я скидываю руки в воздух, разворачиваясь. — Он не обязательно должен тебе нравиться, но и ты не обязан быть мудаком!

— Я не был мудаком. Я просто вел себя не по-хорошему.

— Хейс, он просто хотел рукопожатия, а ты просто смотрел на это и смеялся. — Он этого не понимает. — Это было чертовски грубо!

Он издевается. — Нет, что грубо, так это то, что он хочет мою гребаную жену и знает, что я знаю, но ведет себя мило, чтобы сохранить лицо перед тобой!

— О Боже мой, — стону я. — Только не это дерьмо снова. Он! Встречаться! С! Мали!

— Да, чтобы он мог оставаться рядом с тобой!

Глядя на небо, я не могу поверить, что мы *снова* ссоримся. Мы буквально только что покончили с этим несколько часов назад. Я испытала свою изрядную долю упрямства. Я выросла с Кэмом, и, черт возьми, он может затаить обиду, когда захочет. Но это другой уровень.

— Ты бредишь. — говорю я ему. — Ты вообще слышишь себя?

— О, да ладно тебе, — рычит он. — Между этими двумя столько же химии, сколько между миссис Гаррисон и жирафом.

Его слова застают меня врасплох, и мне приходится сдержать смех. Мысленные образы милой цветочницы, проносящиеся в моей голове, тревожат, но в то же время веселят. И когда я ухмыляюсь ему, я чувствую, что мой гнев утихает.

— Все дело в языке, не так ли? — дразню я.

Его плечи опускаются, и он пытается скрыть улыбку. — Это несправедливо.

— Я знаю! — соглашаюсь я. — У жирафов языки длиной в восемнадцать дюймов!

Я вижу, как темнеют его глаза, когда он подходит ближе, глядя на меня сверху вниз. — Ты думаешь, это значит, что это было бы лучше, чем со мной?

Склонив голову набок, я отвожу взгляд, чтобы сохранить серьезное выражение лица. — Ну...

Прежде чем я успеваю закончить это предложение, он берет меня на руки и несет в дом. Я взвизгиваю от внезапного движения, но когда его губы встречаются с моей шеей, это быстро переходит в стон.

Это.

Прямо здесь.

Это то, что нам нужно — потеряться друг в друге и забыть о существовании остального мира. У нас не было секса несколько дней, и хотя кому-то это может показаться разумным, для нас это ненормально. Мы постоянно занимаемся сексом, когда остаемся наедине. Я бы списала это на то, что мы молодожены, но я не могу. Просто мы такие, какие есть.

Физическое прикосновение - это наш язык любви, и в этом нет ничего плохого.

Закрывая за нами дверь, он прижимает меня к ней. Его язык переплетается с моим, и наши стоны смешиваются, когда он прижимается ко мне. Это так необходимо. Так отчаянно. Руки повсюду, и поцелуи достаточно грубые, чтобы оставить синяки. Он спускается к моей ключице и жестко оставляет метку на моей коже. Мне больно, но так приятно, когда его руки сжимают мою грудь.

— Ты приводишь в бешенство, — рычит он. — Такая чертовски невыносимая и такая чертовски моя. — Его рука поднимается и сжимает мое горло, когда он смотрит мне в глаза. — Скажи это. Скажи, кому ты принадлежишь.

— Тебе, — выдыхаю я. — Я твоя.

Уголок его рта приподнимается в ухмылке. — Вот моя хорошая девочка.

Черт. Вот что он делает. Он заставляет меня хотеть его так сильно, что я не могу мыслить здраво. Это так мощно, что ослепляет меня. Превращает меня в ту версию себя, которая хочет угодить только ему.

Обхватив пальцами бретельки платья, он осторожно снимает его с моих плеч и оставляет на полу. Наверное, мне стоит его поднять. В конце концов, оно не мое. Оно должно вернуться к дизайнеру. Но, глядя на то, как он облизывает губы, разглядывая меня, я

не решаюсь пошевелиться.

Он хмыкает, проводя костяшками пальцев по центру моей груди. — Ты - произведение искусства. Нет никого прекраснее тебя.

В обычной ситуации я бы почувствовала себя незащищенной. Стоя здесь в одних трусиках и на каблуках, я чувствую себя неудобно. Но он умеет заставить меня почувствовать себя сексуальной. Он видит меня такой, какой я себя никогда не видела.

Взяв меня за задницу, он приподнимает меня. Я обхватываю его ногами за талию и глубоко целую. Нет ничего, чего бы я хотела больше, чем его. Мне нужно это. Нужен он.

Когда мы поднимаемся наверх, я ожидаю, что он сразу же отправится в постель, но вместо этого он приводит нас в ванную. Его губы прижимаются к моим, когда он проводит рукой по стене, чтобы включить свет. Затем он осторожно опускает меня на пол и разрывает поцелуй, поворачивая меня лицом к огромному зеркалу.

— Посмотри на себя, — говорит он, и когда я пытаюсь отвести взгляд, он хватается за подбородок и переводит мой взгляд туда, куда он хочет. — Чертовски безупречна.

Я наблюдаю в отражении, как он покрывает легкими поцелуями мое плечо и шею. Его кончики пальцев скользят по моим бокам, пока он не начинает спускать трусики вниз по ногам. Когда они доходят мне до колен, он останавливается и расстегивает ремень.

Мое дыхание учащается, когда он вытаскивает свой член и трется им о мою киску. Он действительно собирается это сделать. Он собирается трахнуть меня и заставить смотреть, как он это делает. И, черт возьми, это горячо.

Он надавливает тыльной стороной ладони мне между лопаток и наклоняет меня вперед. Мои руки лежат на столешнице, и его глаза встречаются с моими через зеркало, когда он входит в меня. Его голова откидывается назад, когда он стонет от удовольствия.

— Ты моя, Лейкин, — рычит он, как будто мне нужно об этом напомнить. — Вся, блядь, моя. Каждый дюйм тебя.

Я издаю неразбериху из стонов, наблюдая, как он сжимает мои бедра, вводя и выводя свой член из меня. И тогда у меня появляется идея.

Если он хочет, чтобы я наблюдала за ним, будет только справедливо, если я заставлю его наблюдать за мной.

В тот момент, когда он поднимает голову и его взгляд встречается с моим, я ухмыляюсь. Моя рука скользит вниз передо мной, и я прижимаю два пальца к своему клитору. Это и близко не так приятно, как когда он это делает, но то, как он глубже проникает в меня, делает это более чем стоящим.

— Тебе приятно, детка? — бормочет он. — Тебе нравится трогать себя, не так ли?

Я прикусываю губу. — Мне нравится представлять, что это ты. Никто не делает это так, как ты.

Мои слова напрямую касаются его собственнической стороны. Он обхватывает рукой мое горло и тянет меня вверх, прижимаясь грудью к моей спине. Это меняет ракурс, но по тому, как он покачивает бедрами, я чувствую каждый его дюйм внутри себя. Другой рукой он сжимает одну из моих сисек и покусывает мою шею, наблюдая, как я играю сама с собой.

— Посмотри на себя. Такая маленькая грешная соблазнительница.

Он щиплет мой сосок, и я задыхаюсь, откидывая голову назад. Мои ноги чувствуют слабость, когда начинают дрожать, но когда они начинают поддаваться, это лишь еще немного опускает меня на его член.

Я смотрю, как его рука медленно скользит вниз, пока не накрывает мою. Утро в моей

спальне повторяется, только на этот раз лучше.

На этот раз он внутри меня.

На этот раз он мой.

— Боже, детка, — стонет он, дразня мочку моего уха. — Ты такая тугая. Это так приятно.

Я не могу долго сдерживаться. То, как я чувствую его член у себя в районе живота, - это, блядь, самая горячая вещь. Он отдает мне все, что у него есть, а я такая жадная. Я хочу его всего. Я хочу его везде.

— Кончай в меня, — говорю я, затаив дыхание.

Он ухмыляется, его глаза встречаются с моими. — Поверь мне, детка. Я ничего так не хочу, как этого. Но ты сама сказала, что я слишком жаден до твоего внимания, для ребенка.

Я хнычу, двигая бедрами напротив его, чтобы доставить ему удовольствие. — Мне все равно. Мне это нужно.

Похоже, он обдумывает это, и я цепляюсь за каждую секунду. Я хочу кончить, когда он кончит. Но вместо этого он скользит рукой немного ниже, просовывая два пальца в мою киску рядом со своим членом. Это становится намного интенсивнее, когда я растягиваюсь вокруг него.

— Дай мне это, Лейкин, — требует он. — Смочи мой член и мои пальцы своим удовольствием.

Нет такой части меня, которая могла бы отказать ему, когда мой оргазм пронзает меня, сжимаясь вокруг него. Комнату наполняют громкие стоны, исходящие от нас обоих. Я падаю вперед, когда он убирает хватку с моей шеи, и рука Хейса заменяет мою собственную, чтобы потереть мой клитор, пока все мое тело дрожит. Но дальше происходит то, чего я не ожидала.

Он убирает свои пальцы изнутри меня, и его взгляд остается прикованным к моему, пока они дразнят единственное отверстие, которое он не пробовал. Я прикусываю нижнюю губу, но не осмеливаюсь сказать ему «нет». У меня как будто есть прямой доступ к его мыслям, и я хочу того, что он делает.

Один палец скользит в мою задницу, смазанный моим удовольствием. Поначалу напряженно, но через минуту становится лучше. Он двигает бедрами, чтобы поразить мою точку G, отвлекая меня, когда вводит второй палец. Как будто он точно знает, что делать, как именно работает мое тело, и когда его пальцы начинают разрезать меня ножницами, я начинаю отчаянно нуждаться в этом.

— Ты позволишь мне трахнуть тебя в задницу, детка? — он тихо спрашивает. — Будешь хорошей девочкой и примешь всю мою сперму?

Черт возьми. Это будет больно. Мали уже предупреждала меня о том, насколько это неудобно, а Хейс *большой*. Но знание того, что он сможет кончить внутри меня, наполняя меня каждой каплей своей спермы, заглушает голос беспокойства.

Любовь и боль - это одно и то же, верно?

— Пожалуйста, — умоляю я. — Я хочу этого. Я хочу, чтобы ты кончил мне в задницу.

Он на секунду закрывает глаза. — Это моя хорошая девочка. Всегда так добра ко мне, дает мне все, что я хочу.

Его пальцы еще немного приоткрывают мою дырочку, прежде чем он вытаскивает свой член из моей киски и направляется к моей заднице. Он слегка нажимает, и я шиплю от напряжения. Такое чувство, что меня разрывают на части. Но он наклоняется вперед и

целует мою спину.

— Расслабься, — воркует он. — Тебе станет легче, если ты расслабишься.

Я делаю несколько глубоких вдохов, успокаивая себя, и он проскальзывает еще немного. Он медленно двигается, пока полностью не оказывается в моей заднице. Мали был права, это чертовски больно, но пока он ждет, пока боль утихнет, его пальцы потирают мой клитор, и давление в моей сердцевине начинает нарастать — сначала маскируя боль, а затем работая с ней, чтобы возбудить меня.

— Сделай это, — говорю я ему. — Трахни меня в задницу.

Он облизывает губы и стонет, когда начинает двигаться. Сначала это медленно, едва заметно, но с каждым толчком его движения ускоряются.

— Я чувствую себя внутри тебя потрясающе, — стонет он. — Ведешь себя со мной как хорошая маленькая принцесса.

Чем больше он растворяется в чувствах ко мне, тем больше это заводит меня. Я смотрю, как он гоняется за собственным кайфом, трахая меня в задницу, как будто это нужно ему для выживания. Я откидываюсь на него, чтобы встретить каждый толчок. И когда он, наконец, проникает глубоко в меня и высвобождает все, что у него есть, он подводит меня прямо к краю вместе с ним.

Его член пульсирует в моей заднице, когда мой второй оргазм уничтожает меня — пощады не будет. Я наблюдаю, как напрягаются его мышцы, и чувствую, как он опустошает себя внутри меня. Капелька пота стекает с его лба, и он смотрит вниз, восхищаясь тем, как он растягивает мою задницу.

— Мы так хорошо подходим друг другу, — говорит он. Его большой палец проводит по краю моей дырочки, чтобы почувствовать меня рядом с ним. — Ты была создана только для меня.

Он медленно отстраняется, и я не отвожу взгляда от зеркала, когда его брови хмурятся. Он прикусывает губу и стонет при виде вытекающей из меня его спермы. Затем он использует свой член, чтобы размазать ее по моей киске.

— Черт, — стонет он. — Это самая горячая вещь, которую я когда-либо видел.

Он любит этим еще немного, затем подходит, чтобы включить душ. Комнату заполняет пар, и я выпрямляюсь, восстанавливая контроль над своим дыханием и чувствуя его повсюду. Он подходит и встает передо мной, и когда я поднимаю на него взгляд, я все еще вижу тот дразнящий взгляд в его глазах.

— Никуда не уходи. Я еще далеко не закончил с тобой.

Я лежу с головой на его груди, мы оба голые и бездыханные после третьего раунда. Я даже не могу сосчитать, сколько раз он заставил меня кончить сегодня, но моя киска все еще покалывает. И я не думаю, что это прекратится в ближайшее время. Но какой-то голос в

глубине моей головы напоминает мне о нашей ссоре.

Тот, который говорит, что мы не можем продолжать трахаться только для того, чтобы не говорить об этом.

Все было прекрасно с того момента, как мы снова стали вместе, но теперь мне кажется, что мы постоянно ссоримся. Как будто дерьмо с Монти зажгло фитиль, который мы не можем потушить. И если быть до конца откровенной, меня это пугает. Мы никогда не были такими. Даже когда мы расставались, мы были несчастны, но мы не ссорились.

— У нас все будет хорошо? — спрашиваю я, нарушая тишину, и нет никакой возможности скрыть нотку страха в моем голосе.

Он вздыхает и целует мои волосы. — Всегда. Пока весь мир знает, что ты моя.

— О, я сохранила тебя в секрете, и тебе это не понравилось? — Я поддразниваю его, напоминая о времени, которое было не так давно. — Мм-хм. Расскажите мне больше.

Его пальцы впиваются в мой бок, когда он щекочет меня, и комната наполняется смехом, пока я умоляю его остановиться.

Да. У нас все будет хорошо.

23

Хейс

Пора менять тактику. Услышав вчера вечером тон голоса Лейкин, как будто она искренне не была уверена, что у нас все будет хорошо, я понял, что действовал неправильно. Невозможно показать ей, какой он на самом деле, если он изо всех сил старается скрыть от нее эту свою сторону. А то, что я настаиваю на этом, только усугубляет наш брак.

Но я не могу сделать это в одиночку. Сила в количестве, но, насколько я понимаю, мне для этого нужен только один человек.

Еще рано, едва рассвело, когда я вхожу в спортзал. Раньше Кэм приходил сюда в три часа утра, чтобы позаниматься перед работой. Но теперь, когда мы отремонтировали бар, он может приходить чуть позже. Но все равно рано, как черт.

— Привет, — приветствует меня женщина. — Я тебя здесь не видела. Ты новенький?

Я не упускаю то, как она выпячивает грудь и облизывает губы, чтобы они засияли, но если бы она увидела, кто сейчас спит в моей постели, она бы поняла, что у нее нет шансов.

— Нет. Просто ищу Кэма Бланшара.

Она ухмыляется. — О, так ты друг Кэма, да?

Отлично. Мы играем в игру «скажи мне, что ты трахала моего лучшего друга, не говоря мне, что ты трахала моего лучшего друга».

— Да, я также женат на его сестре, так что можешь убрать свои сиськи. Спасибо.

Может быть, это грубо. По словам Лейкин, у меня есть склонность быть таким. Но в данном случае, я не думаю, что она была бы против. Улыбка женщины исчезает с ее лица, и она выглядит немного обиженной, но это не моя проблема.

Я обхожу стойку и иду дальше в спортзал, обнаруживая Кэма у гантелей. Его глаза расширяются, когда он видит меня.

— Черт, я никогда не думал, что доживу до этого дня, — говорит он.

Я ухмыляюсь. — Да, не привыкай к этому. Я предпочитаю тренироваться другими способами.

Он откладывает гантели и съезживается. — Отвратительно. Это можно было сказать только тогда, когда ты имел в виду не мою сестру.

— Справедливое замечание. Забудь, что я это сказал.

— Я бы хотел, чтобы я мог. — Он подходит к тренажеру и устанавливает вес. — Итак, если ты здесь не для того, чтобы потренироваться, что заставило тебя проснуться на рассвете?

Честно говоря, я еще не спал. Я некоторое время лежал там, прислушиваясь к дыханию Лейкин, но, как бы я ни старался, я не мог задремать. Мой разум находится в бесконечном цикле. Услышав страх в голосе Лейкин, я понял, что если я не придумаю другой способ справиться с этим, есть шанс, что я могу потерять ее.

И это, блядь, не вариант для меня.

— Тебе нужно украсть Мали у Монти, — говорю я ему.

Он позволяет весу упасть и хлопнуться внутри машины. — Нет.

— Просто выслушай меня.

Но он даже не собирается. — Я не буду этого делать, чувак. Ты видел его дом. Он может буквально дать ей все, чего она когда-либо хотела. Я не могу конкурировать с этим, и я не собираюсь пытаться.

— Чушь собачья, — усмехаюсь я. — Она *хочет* тебя. Она всегда чертовски хотела тебя. Ты просто слишком упрям, чтобы позволить себе увидеть это. Но меня беспокоит даже не это. Нам просто нужно увести ее нахрен подальше от этого придурка.

Он вздыхает, хватая полотенце и вытирает им лоб. — Я думал, ты позволил этому дерьму уйти.

— Я пытался, но не могу.

Другого пути нет. Я не могу сказать ему ничего, что заставило бы его понять мою ненависть к Монти, кроме правды. И он единственный, кто может помочь мне избавиться от этого ублюдка раз и навсегда.

— Я собираюсь тебе кое-что сказать, но мне нужно, чтобы ты пообещал, что не будешь освобождать своего внутреннего «преступника», — говорю я серьезно. — Твоя задница должна держаться подальше от тюрьмы, так что не нарушай свой испытательный срок. Мы собираемся сделать это дерьмо правильным образом. Или, по крайней мере, незаметным способом.

Это привлекает его внимание. — Что это?

— Кэм, — нажимаю я.

Его глаза закатываются. — Да, да. Никого не бить. Понял. Что это?

Я делаю глубокий вдох, и когда я выдыхаю, вместе с ним раскрывается секрет, который я хранил. — У него есть секс-видео с Лейкин.

— Что? — возмущается он. — Что, блядь, ты имеешь в виду, что у него есть запись секса с Лейкин? *Он* прикасался к моей сестре?

Тряхнув головой, я убираю волосы с лица. — Нет. На ней мы с Лейкин. Пока мы шныряли по окрестностям, Монти позволил нам позаимствовать его лодку. Я должен был догадаться, что он что-то задумал, но я был слишком поглощен всем этим, чтобы осознать это. Оказывается, он установил на ней скрытую камеру и записал все это. *Это* доказательство того, что он угрожал мне.

Колено Кэма дергается, и я могу сказать, что он сдерживает желание разорвать его в клочья. — И я предполагаю, что она не знает об этом?

— Я не сказал ей, — признаю я. — Теперь я понимаю, что должен был. Она бы никогда больше не заговорила с ним, если бы знала, но для этого слишком поздно. Если я сейчас об этом заговорю, она просто подумает, что я все выдумываю, потому что он мне не нравится. Не говоря уже о том, что я скрывал это от нее.

Он издает смешок и смотрит на меня. — Ты не лажаешь по мелочам, не так ли?

— А я когда-нибудь делал иначе? — шучу я. — Хотя, честно говоря, наверное, лучше, чтобы она не знала, на случай, если все станет плохо. Невинность по незнанию.

— Нет, ты прав. — Его голова опускается, и он замирает на секунду, затем он швыряет свою бутылку с водой через комнату. — Этот гребаный придурок. Он сделал это дерьмо, а потом имеет наглость вести себя так, как будто мы все друзья?

Мне нужно обуздать его, прежде чем он сделает что-то, о чем я пожалею, рассказав ему в первую очередь. Не поймите меня неправильно, я бы ничего так не хотел, как избавиться от этого куса дерьма, но не ценой потери моего лучшего друга.

— Мы должны относиться к этому с умом, — говорю я ему. — Он может быть просто титулованным богатым ребенком с проблемами личных границ, но это не значит, что у него нет связей.

— Однако ему это дерьмо с рук не сойдет.

— Этого не будет. Мы собираемся придумать способ заставить его заплатить за это, но это должно быть так, чтобы не подвергать опасности никого из нас — особенно Мали. Я не знаю, что она делает или насколько он ей нравится, но она в опасном положении.

Впервые с начала этого разговора Кэм выглядит менее взбешенным и более обеспокоенным. Он довольно хорошо сдерживает себя, когда дело касается ее, но это не значит, что она не одна из тех, о ком он заботится больше всего. Если бы мне пришлось гадать, после того, что произошло той ночью с Айзеком, я бы сказал, что она сравнялась с Лейкин за первое место.

— Если он что-нибудь с ней сделает, правила, о которых мы только что договорились, вылетят в окно. — В том, как он говорит со мной, нет никакого блефа. Каждое слово, слетающее с его губ, означает, что он говорит искренне. — Мне все равно, если я проведу остаток своей жизни, гния в тюремной камере.

Я тяжело вздыхаю. — Никто не сядет в тюрьму, и она не пострадает. Нам просто нужно найти правильный способ справиться с этим.

Он кивает. — Нет, я знаю. Ты прав. Но прежде чем мы что-либо предпримем, нам нужно найти способ стереть это видео. Таким образом, он не сможет выпустить это и нанести побочный ущерб Лейкин.

— Я пытался. Буквально перепробовал все возможное в Интернете.

— Что это за час самодеятельности? — Он тянется вперед и выхватывает телефон у

меня из рук. — Нам нужен настоящий хакер. Кто-то, кто знает, что делает. И Монти - не единственный человек, у которого есть связи.

Он поднимает мой телефон, показывая мне контакт Марка. Я действительно не хотела втягивать его в это. Не тогда, когда так много поставлено на карту. Ему есть что терять, больше, чем любому из нас. Но Кэм прав. Нам нужен кто-то с навыками, которых нет у нас, и если кто-то и знает кого-то, кому мы можем доверять, то это был бы он.

Черт. Я действительно надеюсь, что это дерьмо не обернется неприятными последствиями.

Я вхожу в дверь, чувствуя себя лучше, чем за последнюю неделю - что удивительно, учитывая, что я до сих пор не спал. Возможно, все дело в сексе, которым мы занимались прошлой ночью. Клянусь, мы просто не могли насытиться друг другом. Но я думаю, что дело скорее в том, что Кэм теперь на моей стороне. Что я не один в своей войне против Монти.

Мы доведем этого ублюдка до белого каления.

Как мы и думали, Марк точно знал, с кем связаться. Он не хотел знать ничего, кроме того, что нам нужен хакер, и я его не виню. Мне так больше нравится. Теперь мы просто ждем время и место для встречи с этим парнем.

Я нахожу Лейкин сидящей на острове и пьющей чашку кофе, и она улыбается, когда видит меня.

— Привет. Куда ты убежал? Твоя записка была довольно загадочной.

Пожав плечами, я поцеловал ее в лоб. — Просто пошел в спортзал, чтобы поговорить с Кэмом о некоторых вещах. Извини, если ты волновалась.

Она качает головой, нахмутив брови. — Нет, просто... ты сегодня какой-то другой.

— Я чувствую себя по-другому. — Я подхожу ближе и обнимаю ее. — Я хочу, чтобы ты знала, что Монти больше не будет проблемой.

Она кладет руку мне на грудь и немного отодвигает меня от себя, и по выражению ее лица я вижу, что она думает о самом худшем. Это заставляет меня усмехнуться.

— Не волнуйся. Я ничего ему не сделал. — Пока. — Я просто не собираюсь больше позволять ему доставать меня. Он мне по-прежнему не нравится, и я ему не доверяю, но я доверяю тебе. И это единственное, что имеет значение.

Улыбка, которая растягивается на ее лице, показывает ее облегчение. — Спасибо. — Встав, она крепко обнимает меня, а затем целует. — Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

В самый неподходящий момент зевок прорывается наружу и заставляет меня прервать поцелуй. Лейкин хихикает, когда я надуваю губы. *Я хочу поцеловать свою жену, черт возьми.*

— Ты в порядке? — удивленно спрашивает она.

Я киваю, закатываю глаза и снова зеваю. — Я в порядке. Я просто плохо сплю после нашей ссоры.

— Я понимаю это. Я тоже. — Она берет свой телефон с острова и что-то набирает на нем, затем кладет его. — Что ты скажешь, если мы пойдем обниматься в постель и посмотрим фильм? Ты можешь попытаться вздремнуть.

— Разве тебе не на работу через несколько часов?

Ее телефон звонит, и она улыбается, взглянув на него. — Нет. Только что попросила Блейка заменить меня.

Спасибо тебе, Блейк.

Моя ухмылка расширяется, когда я беру ее за запястье и тяну к лестнице, поскольку нести ее на руках сейчас, вероятно, не в интересах каждого из нас. Но день, проведенный в постели с моей девочкой, должен с лихвой исправить это.

И когда я лежу, обхватив ее руками, я понимаю, что нет в этом мире вещи, которую я бы не сделал, чтобы защитить ее. Даже если она сама не верит, что нуждается в защите.

Мне кажется, что я снимаюсь в каком-то малобюджетном фильме про «секретную службу». В таком, где ты переодеваешься и отправляешься в секретное место. Когда Кэм получил ответ от хакера, он позвонил мне и притворился, что ему нужна моя помощь с чем-то в баре. Я ненавижу врать Лейкин, но мне пришлось. Если бы она узнала, что мы на самом деле затеяли, она бы вышла из себя.

И я, скорее всего, потеряю ее.

Кэм следует инструкциям в сообщении, стучит дважды, потом трижды, потом один раз. Проходит минута или около того, но дверь наконец открывается. Парень, стоящий по ту сторону, совсем не такой, каким я его себе представлял. Всегда представляешь себе хакеров как компьютерных ботаников. Но только не этот.

Он выглядит как обычный студент колледжа, в клетчатых пижамных штанах и с прической в стиле «я только встал с постели». Единственное, что говорит мне о том, что мы находимся в правильном месте, — это массивная компьютерная установка, которую я вижу из дверного проема.

— Вы друзья Марка? — спрашивает он.

Кэм кивает. — Да. Я так понимаю, ты...

Но он не может закончить предложение, потому что парень немедленно шикает на него и жестом приглашает нас зайти внутрь. Когда он закрывает дверь, кажется, что мы только что вошли в какую-то комнату страха. Он запирает по меньшей мере шесть засовов и три цепочки.

— Простите, — бормочет он. — Когда ты делаешь то, что делаю я, ты, как правило, наживаешь себе врагов.

И снова малобюджетные фильмы.

— Все в порядке, чувак, — говорит ему Кэм. — У меня будут проблемы, когда ты начнешь запирать вещи, которые мы не можем открыть.

Парень выдал из себя смех. — Да, ничего из этого.

Становится тихо, и это никак нельзя назвать комфортным. Но, к счастью, он хлопает в ладоши и направляется к своему компьютеру.

— Так, так. — Он садится и начинает печатать. — Я скажу, что мне не нравится, что ты настоял на том, чтобы быть здесь, когда я это делаю. *Или* тот факт, что этот парень - сын сенатора.

Что за черт? — Ну и что? Ты заставил нас проделать весь этот путь, чтобы сказать, что не собираешься этого делать?

Оборачиваясь, он смотрит на меня без эмоций на лице. — Да. Я выдал свое секретное местоположение, хотя мог бы сказать все через текстовое сообщение.

Когда он закатывает глаза и возвращается к тому, что делал, Кэм посмеивается. — Мне нравится этот парень.

— Отвали.

— Тебе повезло, — продолжает хакер. — Я ненавижу правительство больше, чем идти на компромисс.

Мы с Кэмом стоим позади него, наблюдая, как он набирает миллион знаков в минуту. Экран компьютера заполнен кодом в нескольких разных областях, и мы не смогли бы прочитать, что там написано, даже если бы попытались. Это как другой язык, и этот чувак свободно владеет им.

— Ты сказал, что мы ищем видео? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я. — Это секс-видео, снятое скрытой камерой на лодке.

Спустя несколько минут и тысячу нажатий клавиш он садится прямее. — Хорошо, готово.

Какого хрена? Я часами пытался придумать способ взломать его телефон, и этот парень сделал это за пять минут. Мне действительно следовало уделять больше внимания в школе.

— Я надеюсь, что это так.

Одним щелчком мыши на экране появляется видео. Кэм отводит взгляд, но из динамиков доносятся стоны Лейкин.

— Черт. Кто эта крошка?

Мы оба пристально смотрим на него. — Моя жена, — огрызаюсь я, в то же время Кэм говорит: «Моя сестра».

Он переводит взгляд между нами, и его брови приподнимаются. — Это не звучит сложно.

Шум прекращается, когда он разворачивается и нажимает пробел, чтобы приостановить видео. Он выдвигает ящик стола, достает флэш-накопитель и вставляет его в компьютер.

— Как только я сотру это, единственное место, где это будет существовать, - на этом диске, — говорит он нам, затем делает паузу. — Подожди минутку.

— Что? — рычу я. — Не говори мне, что ты не можешь это стереть.

Он качает головой. — Нет, дело не в этом. Но ты должен посмотреть, что еще у этого парня есть в телефоне.

Мы с Кэмом наклоняемся, чтобы лучше рассмотреть. Здесь множество фотографий и видео — от девочек нашего возраста до женщин постарше. И это не останавливается, когда

он прокручивает страницу вниз. Как будто этот парень просто какой-то больной извращенец, который собирает запрещенные видео с женщинами без их разрешения.

— Подожди, — приказывает Кэм. — Прокрути назад.

Он делает, и в тот момент, когда я вижу, что увидел Кэм, у меня сводит живот. На восемнадцатый день рождения Лейкин и Мали они обе улизнули, чтобы сделать татуировки. У Лейкин она спрятана вдоль позвоночника и видна только тогда, когда она раздета или в бикини. А вот у Мали - на боку. Это гораздо очевиднее.

— Эта, — говорю я, указывая на нее.

Начинается воспроизведение видео, показывающего спальню Мали. В начале там пусто, а потом входит она. Она закрывает дверь и вытягивает шею по сторонам. Прежде чем выйти из комнаты, она достает из шкафа кое-какую одежду и раскладывает ее на кровати, но когда ракурс камеры переключается на ванную, у меня сжимается челюсть.

— У этого ублюдка вся ее квартира напичкана ими, — бормочу я.

Тем временем Кэм так крепко сжимает стол, что кажется, он может сломаться. Мали включает душ, но в ту секунду, когда она начинает поднимать футболку, мы оба отворачиваемся.

— Выключи это, — говорит ему Кэм.

Я знал, что этот парень болен, но я не понимал, насколько глубоко все зашло. — Добавь это на диск, а затем удали их все.

— Если я это сделаю, он поймет, что кто-то взломал его, — утверждает он.

— Я выгляжу так, будто мне не похуй? — рычу я. — Удали все.

Должно быть, у него есть какое-то чувство самосохранения, потому что он тяжело вздыхает, но делает именно так, как я говорю. — Твой чертов моральный компас убьет меня.

Закончив, он вытаскивает флэш-накопитель из компьютера и протягивает его мне. Я достаю из кармана пачку наличных, и мы обмениваемся. Кладя единственную имеющуюся копию секс-записи в карман, я знаю, что она стоила тех пяти сотен, которые мне пришлось за нее заплатить.

Мы явно имеем дело с кем-то более психопатичным, чем мы изначально думали. Нам нужно действовать осторожно, чтобы одновременно защитить девочек и уберечь Кэма от тюрьмы. Но с учетом полученных нами сегодня доказательств того, что он не тот, за кого себя выдает, этого должно быть достаточно, чтобы убрать его из нашей жизни.

Мы увидим, насколько он ценит безупречную репутацию имени Роллинз.

Пришло время ему попробовать свое собственное лекарство, и я слышал, что шантаж имеет горький привкус.

Лейкэн

Нет лучшего подарка на день рождения, чем проснуться от минета. Во всяком случае, мне так говорили. Из первых рук не знаю. Но лучшего способа проснуться, чем голова Хейса между моих ног, я не вижу, так что, наверное, это имеет под собой основания.

Я осторожно спускаю боксеры с его ног и обхватываю рукой его член. Он вздрагивает во сне, но не просыпается. А вот его член - совсем другое дело. Всего несколько движений рукой, и он стоит в боевой готовности.

Сержант Бизон готов к службе.

Я начинаю медленно, облизывая кончик и проводя по нему языком. Хейс быстро вдыхает, но не двигается. Я ухмыляюсь, наблюдая за ним, когда полностью беру его в рот. Он стонет во сне, пока его глаза не открываются, и он не смотрит на меня сверху вниз.

— К черту завтрак в постель, — говорит он сонным голосом. — Это намного лучше.

Вместо ответа я засовываю его глубоко в горло, и он вздрагивает. Его голова вдавливаются в подушку, а бедра выгибаются, когда я прижимаюсь к нему щеками. Он сильно прикусывает губу, постанывая и бормоча, как это приятно.

Я снимаю свои собственные трусики и начинаю играть сама с собой. Есть что-то такое волнующее в том, как он реагирует на прикосновение моего рта. Как будто это лучшее, что он когда-либо чувствовал в своей жизни. Но когда он видит, как я это делаю, его глаза темнеют.

— Повернись, — говорит он. — Ляг на меня.

Отрываясь от него с хлопком, я качаю головой. — Сегодня все о тебе.

Но он так не считает. — Если ты думаешь, что съесть твою киску на завтрак - это не подарок, ты меня совсем не знаешь.

Прежде чем я успеваю возразить дальше, он хватает меня и использует свою силу, чтобы перевернуть. Мой живот лежит на нем, а мои ноги оседлали его лицо. И когда я беру его обратно в рот, он облизывает мой клитор.

Мы никогда этого не делали, и я не могу понять почему. Вибрации наших стонов только усиливают это для нас обоих. И чем глубже я вхожу в него, тем большее давление он оказывает на меня. Это идеальный компромисс.

Руки Хейса сжимают мою задницу, когда он притягивает меня к себе. Это так приятно, то, как он лижет и сосет мой клитор и трахает меня своим языком. Я прижимаюсь языком к его члену и опускаю голову, вбирая его так глубоко, как только могу, пока не перестаю дышать. Я давлюсь им, задыхаясь, и нежно беру его яйца в руку.

— Черт, — тяжело дышит он.

Это похоже на игру - соревнование, кто первым сумеет вывести другого из игры, а я - закоренелый неудачник. Однажды я позволила ему выиграть у меня в бильярд, чтобы узнать, что он попросит. Но нет никаких причин позволять ему выиграть в этой игре.

Я поднимаю голову лишь на секунду, чтобы отдышаться, а затем снова опускаюсь, глубоко втягивая его в себя так, что, как я знаю, он сходит с ума. Его язык неистово пытается заставить меня кончить первой, но я вижу, что он уже близок к этому. Мышцы на его ногах напрягаются, и он упирается мне в рот.

Но он такой же упрямый, как и я, и я знаю, что он сдерживается, пока я не кончу первой. А когда он вдавливая большой палец в мою задницу, это напоминает мне о той ночи, когда он заполнил меня там, и я теряю сознание. Мой оргазм заставляет меня прижаться к его лицу, и я стону вокруг него, только для того, чтобы он выплеснул все, что у него есть, в мое горло.

Проглотив все, я скатилась с него и рухнула на кровать. Я планировала отсосать ему, а потом приготовить завтрак, но после этого я не уверена, что смогу двигаться.

— Нет ничего лучше, чем ощутить твой вкус на языке первым делом с утра, — говорит он мне.

Я хихикаю, на секунду поднимая голову, чтобы посмотреть на него. — Ты грязный.

— Нет. Я честный. И ты восхитительна.

Клянусь, однажды его рот сведет меня с ума. То ли это из-за волшебства его языка, то ли из-за непристойностей, которые он говорит, я не уверена. Но это убьет меня.

Ну что ж. По крайней мере, я умру удовлетворенной.

Заставляя себя сесть, я улыбаюсь ему. — С Днем рождения, детка.

— Спасибо. — Он приподнимается на локте и целует меня в щеку. — Может ли у меня быть день рождения каждый день?

Я морщу нос. — Ты уверен, что хочешь этого? Ты уже становишься немного староват.

— Двадцать минут. — смеется он. — Ты могла продержаться всего двадцать минут, не оскорбляя меня в мой день рождения.

Я прижимаю кулак ко рту и хихикаю. — Ты прямо вляпался в это.

Его глаза игриво закатываются. — Мы можем просто пролежать в постели весь день? Я просто хочу, чтобы ты была только моей, снова и снова.

— Да, — соглашаюсь я, потому что нет такой части, которая мне не нравится. — Но мы должны уйти к четверем.

— Куда мы идем?

— К твоей маме, на ужин с тортом, с ней и Девин, — объясняю я. — А потом, я думаю Кэм и Мали собираются зайти, чтобы мы могли выпить. Монти предложил свою лодку, но я отказала ему.

Честно говоря, я пыталась дистанцироваться от него — по крайней мере, настолько, насколько это было в моих силах. Он отличный друг, и я ценю все, что он сделал, чтобы помочь мне, но он не стоит того, чтобы из-за него разрушался мой брак. Я знаю, каково это, когда кто-то хочет украсть то, что принадлежит тебе, и независимо от того, верны его предположения о Монти или нет, я не хочу, чтобы он каким-либо образом чувствовал угрозу.

Губы Хейса поджимаются, когда он смотрит на меня. — Я не знаю. Может быть, нам стоит поддержать его в этом.

Что? — Детка, он был бы там. Это не так, как в прошлый раз. Он сказал, что *мы* могли бы взять его лодку, имея в виду и его самого.

— Да, и что? — Он пожимает плечами.

— Ты ненавидишь Монти, — говорю я невозмутимо.

Его рука тянется, чтобы взять мою. — Да, но у меня остались приятные воспоминания,

связанные с этой лодкой.

Я таю, превращаясь в замазку в его руках. Он терпеть не может Монти, но провести его день рождения на той же лодке, где он впервые понял, что влюбился в меня, стоит того, чтобы парень был рядом в его день рождения. Как раз в тот момент, когда я думаю, что не смогу любить его больше, чем уже люблю, он идет и делает это.

— Ты уверен? — спрашиваю я. — Потому что нас здесь может быть только четверо. Ему не нужно приходить.

Он качает головой. — Не, правда. Все в порядке. Ночь на лодке - это весело. Кроме того, скоро станет слишком холодно для этого.

— Хорошо. — Я хватаю свой телефон с тумбочки. — Я напишу ему и дам ему знать.

Привет. Предложение по поводу твоей лодки сегодня вечером в силе? Может, встретимся на причале около шести? Тогда мы попадем туда к закату.

Ему требуется всего минута, чтобы ответить.

Звучит неплохо. Я захвачу Мали и встречу вас там.

Я улыбаюсь, быстро посылаю ему «Спасибо» и кладу свой телефон на место. — Все готово. Мы отправимся в путь в шесть и будем любоваться закатом.

— Отлично, — говорит он, протягивая руку, чтобы схватить меня. — Теперь вернись сюда. Мне только что исполнился двадцать один, а это значит, что ты должна мне еще двадцать своих оргазмов.

Я уверена, что это не так работает, но никакая часть меня не собирается спорить.

Скажу вам, что маменькины сынки очень любят посиделки. Они знают, как относиться к вам с уважением, у них есть кто-то, к кому они могут обратиться, если им нужны идеи, что купить вам в подарок, и в большинстве случаев они ставят ваше удовольствие выше своего собственного. Не говоря уже о том, что отношения Хейса с его мамой чертовски милы. Их связь не имеет себе равных. Как будто она не только его мама, но и одна из его лучших друзей.

Она бережно несет торт с зажженными свечами, пока мы поем поздравления с днем рождения. Девин, конечно, добавляет свои слова, чтобы подразнить его. Но когда мы доходим до конца песни, где он должен загадать желание, он улыбается мне и тянет меня к себе на колени, обхватывая руками.

— У меня уже есть все, чего я когда-либо мог пожелать, — бормочет он, быстро целуя меня.

Когда он принимается за очередную порцию, я хватаю его за лицо. — Не-а. Ты не можешь не загадать желание.

Его глаза сужаются. — Прекрасно.

Поворачиваясь к тарту, он крепко зажмуривает глаза, как делает маленький ребенок,

когда думает о своем желании. А затем он задувает свечи. Когда он поворачивается, чтобы поцеловать меня снова, я позволяю ему.

— Ох. Такие вещи почти никогда не сбываются.

Я хихикаю, когда Девин засовывает палец в рот, притворяясь, что ее тошнит. Но его мама просто с благоговением наблюдает за нами, когда забирает торт, чтобы нарезать его.

— Итак, каково это - быть двадцатиоднолетним? — спрашивает его Девин.

Его рука на моей талии скользит чуть ниже моей футболки, ему нужно почувствовать мою кожу на своей. — Ну, я определенно не думал, что женюсь и открою бар в этом возрасте, но я не жалею.

Она ухмыляется, как будто пытается не высмеивать его. — Странно видеть тебя таким домашним и все такое прочее.

— Особенно потому, что в первый раз, когда я пришла, мне пришлось учить тебя мыть посуду, — добавляю я.

Он надувает губы. — Ты когда-нибудь позволишь мне пережить это?

— Абсолютно нет. — Я смотрю на его сестру. — Он не хотел оставлять вилку и тарелку, которыми пользовался, в раковине, поэтому просто выбросил их в мусорное ведро.

Девин выходит из себя, откидывая голову назад и смеясь, в то время как у его мамы отвисает челюсть. — Хейс Беккет Уайлдер.

— О, что? Ты собираешься наказать меня? Отправишь меня в мою комнату? — Он делает паузу, и я практически вижу, как крутятся шестеренки в его голове. — Если подумать, это отличная идея. Тебе определенно следует это сделать.

Она закрывает глаза и вздыхает. — Ты же не только что упомянул о сексе в разговоре с матерью.

Как будто он осознает черту, которую только что пересек, он раздражается приступом смеха. И все, что я могу сделать, это наблюдать за ним, думая о том, что *это*, прямо здесь, и есть истинное счастье.

Когда мы собрались уезжать, Хейс позвал сестру к грузовику, чтобы показать ей новую звуковую систему, которую он установил в него - совместный подарок на день рождения от Кэма, Мали и меня. Ведь что еще можно подарить человеку, который утверждает, что у него есть все, о чем он когда-либо мечтал?

Я наблюдаю за ними из дверного проема, как он возбужденно включает музыку, а Девин стоит и качает головой. Когда он начинает танцевать, как идиот, во дворе, она смеется и присоединяется к нему.

— Знаешь, у меня так и не было возможности поблагодарить тебя, — говорит его мама.

Мои брови хмурятся. — За что?

— Ты показала ему, что настоящая любовь может быть бескорыстной и искренней. Что

не все отношения должны складываться так, как сложились у меня.

Я вижу боль в ее глазах, и это ранит мое сердце. — Он ни в чем тебя не винит.

— Я знаю, что он этого не делает, — отвечает она. — Но я также знаю, что именно по этой причине он не воспринимал никакие отношения всерьез. Вот почему он никогда не приводил девушку домой. Во всяком случае, до тебя. — Она подходит и встает рядом со мной, наблюдая за своими детьми. — Ты действительно подходишь ему, Лейкин. И я никогда не смогу отблагодарить тебя в достаточной степени за то, каким счастливым ты его сделала.

Я всегда знала, что его мама любит меня. Черт возьми, она была в моей жизни с тех пор, как мне исполнилось двенадцать — не все время, но она была там. У некоторых людей есть ужасные истории о своих тещах. Но не у меня. Моя - абсолютная богиня.

— Спасибо тебе за то, что вырастила его таким, какой он есть, — говорю я ей. — Все хорошее в нем и то, как глубоко он любит, когда наконец впускает кого-то, это все из-за тебя.

Слезы наполняют ее глаза, и она обнимает меня. — Ты нечто особенное. Неудивительно, что он так сильно тебя любит.

Хейс и Девин возвращаются, и он наклоняет голову, когда видит, что его мама обнимает меня. — Ты сейчас пытаешься украсть мою маму, Рочестер?

— Ага, — говорю я с ухмылкой. — Это был мой план с самого начала.

— Пришлось много потрудиться ради того, что ты хотела сделать с самого начала, — шутит он. — Она предпочла бы тебя мне, прежде чем мы переспали.

Его мама закатывает глаза, слегка ударяя его в грудь, когда он смеется. — Хотя в этом есть доля правды. — От ее слов у Хейса отвисает челюсть. — Что? Она гораздо менее опасна, чем ты.

Он фыркает. — Попробуй пожить с ней.

Я скрещиваю руки на груди. — Смотри. Здесь есть пустая комната, в которую я могла бы легко перенести свои вещи.

Его нижняя губа выпячивается. — Ты не можешь угрожать мне в мой день рождения.

Дэвин приподнимает бровь, глядя на него. — Ты серьезно дуешься прямо сейчас? Тебе двадцать один год.

Но он не отвечает. Вместо этого он закрывает ее лицо всей рукой и отталкивает ее. Мне всегда нравились его отношения с семьей. Возможно, заводить детей не входит в наши ближайшие планы, но иногда, когда я вижу его с ними, это заставляет меня задуматься о том, каким бы он был со своей собственной дочерью. Это согревает меня изнутри.

Однажды.

Мы добираемся до причала, где нас уже ждут Кэм, Мали и Монти. Они поздравляют

друг друга с днем рождения, а Хейс даже пожмает Монти руку. Это удивительно, особенно после того, что случилось в прошлый раз, когда Монти попытался это сделать. Но у него хорошее настроение, и я не думаю, что он позволит чему-то помешать этому.

Забравшись на лодку, Кэм показывает Хейсу массивный холодильник, заполненный пивом и спиртными напитками. Там хватит на целую студенческую вечеринку, а нас всего пятеро. Что-то подсказывает мне, что нам придется добираться домой на Uber, но это не страшно. Мы заслужили возможность немного расслабиться.

— Иисус Христос, чувак, — говорит Хейс. — Ты совершил налет на винный магазин?

Кэм ухмыляется. — Это был не я. Он был у Монти, когда я приехал сюда.

Монти пожимает плечами. — В этом нет ничего особенного. Не то чтобы это меня обанкротило или что-то в этом роде.

Я вздрагиваю, ожидая какого-нибудь остроумного замечания от Хейса о том, как он тычет нам в лицо своими деньгами, или что-нибудь о богатых людях, но его не последовало.

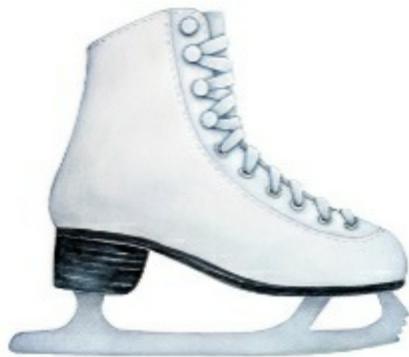
— Спасибо. — Он кладет руку ему на плечо. — Ты щедрый человек, Роллинз.

Наклоняясь ближе к Мали, я не отрываю от них своего внимания. — В какую, черт возьми, сумеречную зону мы только что попали?

— По-видимому, Хейса можно подкупить алкоголем.

И тут я подумала, что секс - лучшее средство, которое можно использовать против него. Оказывается, все, что мне нужно было сделать, это принести ему пива. Поди разберись.

Монти готовит все к отъезду, и мы отчаливаем от причала, поднимая наши напитки в воздух, чтобы приветствовать тот факт, что Хейсу наконец-то исполнился двадцать один и он может легально получить лицензию на продажу спиртных напитков в баре.

Мы все пьем и веселимся, ожидая захода солнца. Не знаю, кто это предложил, но мы начали играть в «правду или действие». В последний раз, когда мы играли в эту игру, Кэм впервые в жизни назвал себя цыпленком. К счастью, я не думаю, что кто-то осмелится поцеловать Мали, когда ее парень находится прямо здесь.

Или, по крайней мере, я надеюсь, что нет.

Не думаю, что это пройдет слишком хорошо.

— Кэм, правда или действие? — спрашиваю я.

Он выглядит скучающим. — Действие.

— Я предлагаю тебе прыгнуть в воду.

Его глаза закатываются, когда он усмехается. — К черту это. Достаточно того, что я уже пятое колесо. Я тоже не хочу быть насквозь мокрым.

Я усмехаюсь. — Пожалуйста. Ты просто боишься, что тебя съест акула. У тебя нет яиц.

— О, а у тебя есть? — возражает он.

— Ага! — Я отвечаю с гордостью. — Они просто слишком большие, чтобы поместиться

у меня между ног, поэтому Бог поместил их мне на грудь.

Хейс брызгает пивом, резко кашляет и давится. Мали посмеивается, в то время как Кэм наблюдает за ним, как за цирковым номером, которого он не понимает.

— Что, черт возьми, с *тобой* не так?

Хейсу требуется несколько секунд, чтобы перевести дыхание и ответить, пока он, наконец, не выдыхает: «Они были у меня во рту этим утром».

Кэм выглядит так, как будто никогда в жизни так не сожалел о заданном вопросе, когда стонет и бросает в него пустую банку из-под пива.

Остальные из нас смеются, пока они вдвоем устраивают драку, останавливаясь только тогда, когда Хейс почти бросает Кэма в океан. Вот тогда он просит милосердия и признает поражение, только для того, чтобы продолжить это оправданием, что он не собирался надирать ему задницу в его день рождения.

Это, по-видимому, грубо.

Но если эти двое когда-нибудь действительно возьмутся за это, остается только гадать, кто победит.

Я прислонилась к Хейсу, он обнял меня за плечи, и мы смотрим на закат в том же самом месте, где были в тот день, когда мы сбежали от остального мира и просто наслаждались друг другом на открытой воде. Однако на этот раз я не думаю, что закат будет встречен так же, как тогда. Мали, скорее всего, будет все равно, а вот у Кэма и Монти могут возникнуть некоторые проблемы.

— У тебя хорошо прошел день рождения? — спрашиваю я его.

Он опускает голову и целует меня в плечо. — У меня был *лучший* день рождения, и все это благодаря тебе. Я тебя не заслуживаю.

— Ты делаешь. Ты просто еще этого не осознаешь.

Закат прекрасен, но вместо того, чтобы любоваться им, Мали слишком занята, наблюдая за Монти с непроницаемым выражением в глазах. Я оглядываюсь и вижу, как он готовит еще один напиток. Предполагается, что он ведет лодку, и если он пьян, это не сулит нам ничего хорошего.

— Все в порядке, Мэл? — Я тихо спрашиваю.

Она отвлекает свое внимание от своего парня. — Да.

Но хотя ее слова говорят об одном, она молча кивает головой в сторону Монти — послание присматривать за ним. Если понадобится, Кэм и Хейс водят лодки с десяти лет. И даже я знаю, как с ней работать. Но пока мы просто посмотрим, чем это закончится.

Кроме того, пока он не разобьет лодку, худшее, что может случиться, - это у него будут проблемы с законом за катание на лодке в состоянии алкогольного опьянения. И что-то подсказывает мне, что у него достаточно денег, чтобы выкрутиться из этого.

Я снова сосредотачиваюсь на закате и ощущении рук Хейса, обнимающих меня. — Это так красиво.

Он хмыкает. — Ничего общего с тобой.

Как только солнце садится и краски начинают блекнуть, Монти начинает разворачивать лодку, но я не думаю, что кто-то из нас готов к окончанию ночи. В настоящее время обсуждается несколько идей, например, вернуться в наш дом или устроить костер у моих родителей. Но Мали подмечает идею получше.

— Что это? — спрашивает она, указывая на слабые очертания чего-то вдалеке.

Все парни смотрят, но отвечает Монти. — Это остров Слотер.

— Остров *Слотер*? — Она повторяет, выглядя скептически.

Он кивает. — Некоторые говорят, что это место получило свое название из-за всех мертвых мечехвостов, которых обычно выбрасывало на берег, но легенда гласит, что там жила семья, прежде чем хозяин дома сошел с ума от изоляции и вырезал всю свою семью. Они говорят, что если вы пойдете поздно ночью, вы все еще сможете услышать их крики.

— О, я слышала об этом месте! — говорю я, вспоминая миф. — Хотя я никогда там не была.

Мали приходит в восторг. — Теперь мы можем туда пойти?

Мы все обмениваемся взглядами друг на друга, и когда Хейс и Кэм пожимают плечами, не настаивая на возвращении домой, Монти разворачивает лодку к острову.

Место выглядит жутковато, надо отдать ему должное. Здесь есть остатки того, что когда-то было пристанью, но теперь это просто несколько столбов - вероятно, разрушенных штормом. Вдалеке виднеется заброшенный дом. Хотя я не уверена, что верю рассказу Монти, доказательства определенно подтверждают его утверждения.

Подтянув лодку как можно ближе к берегу, он выпрыгивает и с помощью якоря не дает ей уплыть. Хейс спрыгивает в воду и помогает нам с Мали благополучно спуститься. Уже слишком темно, чтобы видеть, только фонари лодки освещают местность, но я хочу отправиться на разведку.

— Монти, у тебя есть какие-нибудь фонарики? — спрашиваю я его.

Он делает паузу, чтобы подумать, а затем забирается в лодку, чтобы осмотреться. — Должны быть.

Несколько минут спустя, издав небольшое «ага», он достает фонарик из-под одного из сидений. Он передает его мне, и я благодарю его, прежде чем повернуться к Хейсу.

— Ты идешь?

Он качает головой. — Думаю, я собираюсь потусоваться здесь.

Рискованно оставлять его наедине с Монти, но Кэм, похоже, тоже не собирается

идти. Мали берет меня под руку, и мы вдвоем направляемся к заброшенному дому.

— Дай мне фонарик, — говорит она, протягивая руку.

— Почему?

— Потому что я не доверяю тебе, чтобы ты не напугала меня.

Моя рука перемещается к груди, когда я сжимаю свои метафорические жемчужины. — Мали Элизабет. Мне больно.

Она бросает на меня взгляд, который, по сути, говорит, *«я знаю тебя слишком хорошо»*, и я усмехаюсь. Но я все равно не даю ей повода для беспокойства, потому что она права. Я действительно хочу напугать ее. Девушка все время такая крутая, но ее чертовски легко напугать. Как я могу упустить такую возможность?

Дверь скрипит, когда я открываю ее, и пол скрипит, когда мы ступаем на него. Возможно, это не самая лучшая идея, которая у нас когда-либо была, но мы уже зашли так далеко. Теперь пути назад нет.

Паутина покрывает каждый уголок внутри. Хотя, как пауки вообще сюда попали, для меня не имеет смысла. Мы на маленьком острове, примерно в десяти милях от побережья. Он даже недостаточно велик, чтобы его можно было увидеть на карте, и вокруг него нет ничего, кроме миль воды.

Мебель, которая стоит в каждой комнате, покрытая чехлами, создает впечатление, что кто-то просто покинул это место. Но песок, рассыпанный по полу, и повреждения от воды наводят меня на мысль, что, возможно, их выгнал шторм. Я не могу дождаться, когда вернусь домой и изучу это место — узнаю, что здесь на самом деле произошло.

Мали идет рядом со мной, пока мы осматриваемся, пока не наткнемся на спальню. Кровать из железных прутьев была разобрана до матраса, который определенно знал лучшие дни.

— Представь, что занимаешься сексом на этой кровати и видишь призрака, наблюдающего за тобой, — говорит Мали.

Я фыркаю от этой идеи. — Твой парень прямо за дверью. Тебе это доставит удовольствие.

Это должно было быть шуткой, но ее поведение немного меняется. — На самом деле у нас не... мы просто не очень физически близки.

Ее слова удивляют меня, но не так сильно, как я ожидала. После всего, что произошло, совершенно нормально, если она пока не хочет идти туда с ним. Но Мали раньше была такой сексуально активной.

— Из-за тебя или из-за него?

Она пожимает плечами. — Полагаю, и то, и другое. Он едва ли даже целует меня, не говоря уже о попытках заняться со мной сексом.

Я хмыкаю. — Может быть, он действительно гей.

Но она думает, что причина в чем-то другом. — Или, может быть, Хейс что-то заподозрил, и он действительно равнодушен к тебе.

Моя голова откидывается назад, когда я стону. — И ты тоже.

Она посмеивается над моим драматизмом. — Все, что я говорю, это то, что он, возможно, прав. Я имею в виду, какой парень хочет быть со своей девушкой только тогда, когда рядом ее лучшая подруга?

Я смотрю на нее, не видя никаких признаков лжи. Не то чтобы у нее даже была причина лгать. — Серьезно? Это единственный раз, когда ты его видишь?

Она кивает. — Даже сегодня вечером. Вчера он сказал мне, что у него были планы с другом, но затем волшебным образом он освободился после того, как ты спросила о том, чтобы отправиться покататься на лодке. И единственный раз, когда он целует меня в губы, — это когда ты со мной. Кроме этого, он целует меня в щеку.

Чем больше она говорит, тем злее я становлюсь. Это могло быть просто недоразумением. Он просто нервничал из-за того, что остался наедине с Мали и поступил неправильно. Но если она права, если он на самом деле лжет и использует моего лучшего друга, я буду бороться с ним. Мне все равно, насколько он силен и влиятелен.

— Чувак, смотри. Вон там есть детская кроватка. — Она прищуривается, подходя немного ближе. — Подожди, это кровь?

Я так погрузилась в свои мысли, что не смотрю, куда иду, и случайно пинаю старую металлическую коробку. Она скрипит, когда движется по полу. Мали, конечно, вздрагивает и кричит во все горло, но от последовавшего за этим громкого хлопка у меня холодеет все тело. Наши головы поворачиваются друг к другу, и мы обе двигаемся одновременно, выбегая из дома и возвращаясь к лодке.

Когда мы добираемся туда, Хейс и Кэм смотрят друг на друга широко раскрытыми глазами.

— Что, черт возьми, это было? — спрашиваю я, гадая, слышали ли они это тоже.

Но прежде чем они успевают ответить, Мали издает леденящий кровь крик. Только когда я вижу, на что она смотрит, я понимаю, что произошло.

Монти лежит на земле, кровь, вытекающая из живота, пачкая его рубашку. Его дыхание хриплое и неустойчивое. Я в панике бросаюсь на песок рядом с ним, отчаянно пытаюсь остановить кровотечение.

— Что, черт возьми, произошло? — рыдаю я.

Кэм выглядит так, будто он в шоке, когда Хейс отвечает. — Он вытащил пистолет и начал размахивать им, как псих! Я взял его у него, потому что он был пьян, и это просто сработало!

— О Боже мой, — плачу я. — Нам нужно оказать ему помощь. Кто-нибудь, позвоните 9-1-1.

— Лейкин, — говорит Хейс, но единственное, о чем я сейчас беспокоюсь, это о том, что мой друг истекает кровью у меня на глазах.

Мали достает свой телефон. — У меня нет никакого сигнала.

— Лейкин, — повторяет Хейс, на этот раз немного громче.

Я достаю свой собственный телефон из кармана и понимаю то же самое. — Забирайся на лодку и используй радио. Для этого и существуют эти штуки, не так ли? Посмотри, сможешь ли ты связаться с береговой охраной.

Стягивая футболку через голову, я остаюсь в одном бикини, пытаюсь прижать ткань к его животу, чтобы остановить кровотечение.

— Лейкин! — кричит Хейс.

— Что? — срываюсь я.

В его глазах страх, когда он смотрит на меня в ответ. — Мы должны выбираться отсюда. Ничто из того, что он говорит, не имеет никакого смысла. — Выбираться из... чего? Мы не можем! Ему нужно в больницу!

— Он не доберется до больницы, — утверждает он. — И мы все отправимся в тюрьму.

— Н-но это был несчастный случай. *Не так ли?*

Он качает головой. — Вот за это и обвиняют в непредумышленном убийстве. Мы все сядем за это. Подумай о том, кто его отец. Неужели ты думаешь, что *Джеремая Роллинз* просто так это оставит? Он позаботится о том, чтобы нас обвинили в этом.

Не желая ничего слышать, я игнорирую каждое его слово и поворачиваюсь к Монти. Мое зрение затуманивается, из глаз текут слезы, но когда я пытаюсь их вытереть, на моем лице остается только его кровь. Потому что она вся на моих руках. На мне.

Хейс приказывает Мали садиться в лодку, и я едва успеваю опомниться, как Кэм хватается за якорь и бросает его на нос. Затем руки Хейса обхватывают мой живот, и он начинает оттаскивать меня.

— Нам нужно идти, Лей, — мягко говорит он.

Но это неправильно. — Нет! Мы не можем просто, блядь, оставить его здесь!

— У нас нет выбора.

— Но он умрет! — Я брыкаюсь ногами и изо всех сил пытаюсь вырваться из его хватки. — Мы не можем просто позволить ему умереть!

Хейс вздыхает. — Лейкин, он уже умер! Мы ничего не можем сделать!

— Нет, — выдыхаю я. — Нет, он...

— Он умер, — повторяет Хейс. — Мы должны идти.

Мое сердце замирает, когда я замечаю, что я больше не вижу, как двигается его грудь, а голова опущена набок. Рыдания захлестывают меня, и я пытаюсь прикрыть рот, но понимаю, что не могу. Мои руки все еще в красных пятнах и покрыты его кровью.

Все немеет.

Я не чувствую своего тела.

Я не могу пошевелиться.

Не могу отвести взгляд от вида Монти, лежащего на песке.

Хейс передает меня Кэму, который усаживает меня в лодку, и я слышу крики Мали где-то поблизости. Но пока Хейс отталкивает лодку от песка и забирается в нее, все, что я могу делать, это смотреть, как мы оставляем Монти позади.

25

Хейс

Четр.

Черт!

Адреналин течет по моим венам, как наркотик, и я надеюсь, что это не прекратится в ближайшее время, потому что прямо сейчас мне это нужно. Сегодняшний вечер не должен был так закончиться. Мы, мы просто собирались угрожать ему. Сказать ему, чтобы он уезжал

из города, или мы собирались показать девочкам все о его нездоровой привычке снимать людей без их разрешения.

Кто, блядь, знал, что у Толстосума на лодке был чертов пистолет?

Поездка обратно в доки наполнена криками Мали. Лейкин сидит прямо там, куда ее посадил Кэм, не двигаясь ни на дюйм. Она не отводит взгляда от кормы лодки, как будто все еще смотрит на остров, который давным-давно исчез вдали.

— Мэл, мне нужно, чтобы ты дышала, — спокойно говорит Кэм.

Она пытается, но я не думаю, что у нее получится. У нее приступ паники — учащенное дыхание, когда она пытается дышать. Кэм опускается перед ней на колени, пытаясь помочь ей пройти через это.

— Он... он действительно—

У нее нет ни малейшего шанса произнести хоть слово, когда он успокаивает ее и просит сосредоточиться на его дыхании. Я знаю, что у Лейкин раньше были такие, так что он довольно опытен в том, как с этим справиться. Я оглядываюсь на нее, когда веду лодку, но кажется, что мысленно ее там нет.

Замкнулась в себе.

Осталась на острове вместе с телом Монти.

Мы возвращаемся в доки, и я вижу, что Девин уже ждет нас там. В ее сумке лежит все, что мне понадобится. Но по ее лицу я вижу, что она в замешательстве.

— Что происходит? — спрашивает она, наблюдая за Мали с обеспокоенным выражением лица.

Я не отвечаю. Пока нет. Кэм помогает Мали сойти с лодки, пока я иду к Лейкин.

— Детка, — говорю я мягко. — Детка, нам нужно отвезти тебя домой.

Ее глаза выглядят пустыми, лишенными жизни, которая в них когда-то была. Единственная причина, по которой я знаю, что она все еще что-то чувствует, — это слезы, которые все еще текут по ее щекам.

Я осторожно поднимаю ее и уношу с лодки. — Мне нужно, чтобы ты встала, детка.

Она соглашается, зная, что у нее нет другого выбора, но когда моя сестра видит, в каком состоянии Лейкин, она только сильнее беспокоится.

— Это кровь? — паникует она. — Хейс?

Я делаю глубокий вдох, вытаскиваю ключи из кармана и вручаю их Девин. — Отвези Лейкин и Мали ко мне домой и оставайся там, пока я не вернусь.

Мои слова наконец выводят Лейкин из оцепенения. — Ты уходишь?

Черт. Я бросаю сумку на лодку и беру ее лицо в свои руки, даже не обращая внимания на засохшую кровь Монти на нем. — Я должен, детка. Я должен пойти и позаботиться об этом. Но я встречу тебя там. Я обещаю.

Прижимаясь поцелуем к ее губам, я говорю ей, что люблю ее, и передаю ее Дев. Обычно моя сестра засыпала бы меня вопросами, но она делает, как я прошу, зная, что для этого будет время позже. Прямо сейчас у нас есть гораздо более важные дела.

Я поворачиваюсь к Кэму, и мы обмениваемся взглядом, прежде чем оба забираемся обратно на лодку Монти. Наблюдая, как они втроем садятся в мой грузовик, я нажимаю на газ и начинаю двигаться туда, где хранится маленькая рыбацкая лодка Кэма.

Поездка обратно на остров Слотер проходит в жуткой тишине, слышен только шум моторов обеих лодок. И через некоторое время этот звук начинает превращаться в белый шум. К счастью, океан сегодня спокоен. Если бы это было не так, лодка Кэма никогда бы сюда не добралась.

Наконец мы возвращаемся на место преступления. Тело Монти лежит там, где мы его оставили, но из-за прилива вода омывает его, когда мы приближаемся. Кэм останавливает свою лодку рядом со мной и смотрит на Монти. Взяв из сумки пару перчаток, я надеваю их и приступаю к работе - обливаю все отбеливателем, чтобы избавиться от любых следов нашего пребывания здесь. В одном из отсеков я нахожу рулон мусорных пакетов и выбрасываю его из лодки на песок.

Тем временем Кэм опускается на колени рядом с телом Монти и выглядит так, словно он находится на грани психического срыва.

— Что, черт возьми, ты сделал—

— Чувак, ты мой брат, но сейчас не время, — говорю я ему.

Как только вся кровь с того места, где сидела Лейкин, сошла, и я покрыл лодку отбеливателем, я хватаю сумку и спрыгиваю с лодки. На лодке Кэма есть ведро, которым я пользуюсь, чтобы набрать немного воды, выливая ее туда, где только что был отбеливатель. Затем я отталкиваю лодку от песка и смотрю, как она начинает уплывать.

— Если они найдут это, разве они не почувствуют запах отбеливателя? — спрашивает Кэм.

Я качаю головой. — С юго-запада надвигается шторм. Шансы на то, что они вообще найдут лодку, невелики, но если они это сделают, дождь смоет большую ее часть.

Срывая несколько мешков для мусора, я кладу их внутрь лодки Кэма, затем подхожу к телу. — Помоги мне поднять его.

Кэм хватается за лодыжки, пока я хватаю его под руки. Мы переносим его на лодку Кэма и укладываем поверх того места, которое я приготовил, чтобы кровь не попала туда, куда мы не хотим. Но песок под тем местом, где он лежал, покрыт им. Надеюсь, шторм смоет и это, но на всякий случай я зачерпываю, что могу, и выбрасываю в океан.

Как раз перед тем, как мы уходим, я замечаю пистолет, лежащий на песке. Тот, что выпустил пулю прямо в живот Монти. Я хватаю его и бросаю в лодку рядом с телом, затем

мы покидаем остров, на который я больше никогда не хочу возвращаться.

Все, что вы можете видеть, - это звезды на небе, когда мы выходим в океан. Ручной эхолот, который есть у Кэма, показывает то, что, как я надеюсь, является достаточно крупной морской живностью, чтобы его тело никогда не нашли, и я останавливаю лодку.

— Вот и хорошо, — говорю я.

На многие мили вокруг никого, и единственное, что мы слышим, - это звук буя неподалеку. Я перехожу на нос лодки, где лежит тело Монти, и начинаю набивать его карманы всеми грузилами, которые были у Кэма на борту.

— Ладно, давай бросим его, — говорю я Кэму. — Акулы позаботятся об остальном.

Он делает, как я прошу, и мы вдвоем поднимаем грузное тело и сбрасываем его в воду.

Мы оба стоим совершенно неподвижно, наблюдая, как он тонет, и зная, что этот секрет серьезнее, чем любой из тех, что мы хранили до него. Наклоняясь, я беру пистолет и разбираю его на части. Каждый кусочек обмакивают в отбеливатель, прежде чем выбросить и его.

— Хорошо, — бормочу я, когда заканчиваю. — Поехали.

Я должен вернуться к своей жене — или, по крайней мере, к тому, что от нее осталось.

Обратный путь занял больше времени, чем хотелось бы. Мы хотели избежать катеров береговой охраны. Технически, лодка Кэма даже не разрешена для ночного плавания. Но меня беспокоило то, что если они увидят нас там, то подтвердят, что мы были где угодно, только не у меня дома всю ночь.

Я высадив Кэма у причала, чтобы он забрал свой джип и отвез лодку туда, где он ее хранит. Он встречает меня там, и я сажусь к нему в машину, направляясь, наконец, к своему дому.

— Если кто-нибудь спросит, мы ушли с причала, когда Монти начал слишком напиваться и набросился на Мали, — говорю я ему, когда он заезжает на мою подъездную дорожку. — Мы вернулись сюда и провели ночь, выпивая и празднуя мой день рождения. Только мы четверо.

Только мы четверо. Мне следовало принять предложение Лейкин об этом. Это должно было быть планом с самого начала. Но нет. Я просто *должен* был воспользоваться возможностью обойти Монти. Хотел сделать себе подарок на день рождения, заставив его уйти.

Это не то, что я имел в виду.

Кэм молча кивает, и мы вдвоем выходим из джипа.

Я захожу внутрь и вижу Лейкин, сидящую на полу с полотенцем под ней, все еще в шоке. Мали свернулась калачиком на диване, а Девин у нее над головой. Если бы был кто-то еще, кому я мог позвонить, я бы позвонил. Последнее, чего я хотел, это вовлечь ее. Но единственные люди, которым я доверяю, были со мной, когда это случилось.

— Я не хотела, чтобы у нее где-нибудь была кровь, но я не знала, куда ее поместить, — объясняет моя сестра.

Мои глаза по-прежнему сосредоточены на Лейкин. — Все в порядке. Спасибо, Дев.

Кэм прислоняется к стене, выглядя измученным, пока я осторожно беру Лейкин на руки. Она прижимается ко мне головой, когда я несу ее наверх в ванную. Включив душ, я жду, пока он нагреется, и мы оба окажемся в нем — полностью одетые и все такое.

Когда я опускаю ее на пол, она встает на свои собственные ноги, и я начинаю смывать с нее кровь Монти. И когда ее брови хмурятся, и она пытается посмотреть вниз, чтобы увидеть, как вся кровь стекает в канализацию, я останавливаю ее.

— Продолжай смотреть на меня, — тихо говорю я. — Просто не своди с меня глаз.

И она так и делает, ни на секунду, не отрывая от меня взгляда, пока я вытираю ее.

Как я уже сказал, я *всегда* буду делать все возможное, чтобы защитить ее.

Бессонная ночь. Я лежу в постели и часами смотрю в потолок. В голове крутятся события сегодняшней ночи. Единственное, что меня успокаивает, - это Лейкин, спящая рядом со мной. Она долго не могла уснуть, ворочалась так же, как и я, но в конце концов ей удалось задремать.

Убедившись, что она в безопасности и хотя бы в некоторой степени в порядке, я спустился вниз и поговорил с Девин. Она расстроилась, что я не хочу рассказывать ей всю историю, но все, что ей нужно знать, это то, что она не видела меня с тех пор, как мы с Лейкин ушли от мамы. Впутывать ее дальше - не самая лучшая идея, и я не хочу этого делать.

Я смотрю на спящую Лейкин, любясь ее умиротворенным видом. Это немного успокаивает меня. Я не знаю, как пройдут следующие несколько дней, и даже не знаю, что ждет меня в будущем, но я знаю, что не позволю, чтобы кто-то еще погиб из-за этого. Если кого-то и обвинят в убийстве Монти, то это буду я. И только.

Напряжение в комнате настолько сильное, что можно задохнуться. Все напряжены, но это не удивительно. Мы все были свидетелями того, как вчера кто-то умер, и явно не от естественных причин. Было бы понятно, если бы мы все вцепились друг другу в глотки, но, к счастью, это не так.

Мы просто волнуемся.

Кэм провел почти всю прошлую ночь, разговаривая с Мали и уговаривая ее успокоиться. Я не знаю, что именно он ей сказал, но знаю, что бы это ни было, это сработало. Она не в своем обычном приподнятом настроении, но она функционирует, чего я не могу сказать о Лейкин.

Она не хочет есть.

Она даже почти не разговаривает.

Если бы я не заставил ее встать с постели, она бы, наверное, так и лежала, уставившись в стену.

— Лей, тебе нужно что-нибудь съесть, — говорю я ей.

Она качает головой. — Я не голодна.

Даже ее голос монотонен. Как будто я разговариваю не с любовью всей моей жизни, а с ее роботизированной копией. Я не могу просто позволить ей оставаться в таком состоянии, и она может возненавидеть меня за это позже, но ей нужно что-нибудь в желудке.

Я насыпаю ей в миску хлопьев и ставлю перед ней. — Всего несколько ложек, детка. Пожалуйста.

По милости Божьей она сдается. Я сижу здесь и наблюдаю за ней, как за кем-то вроде родителя, но я не буду в порядке, если с ней это не так. После того, как она съедает половину миски, она опускает в нее ложку и отодвигает ее. Но я доволен этим. Я целую ее в лоб, шепчу «Спасибо» и ставлю миску в раковину.

Звук телефонного звонка Мали привлекает мое внимание, и мы все четверо поворачиваем головы в его сторону. Она делает шаг вперед и смотрит на него.

— Это его мама, — бормочет она.

Черт. Я собираюсь открыть рот, но Кэм делает это за меня. — Эй, ты можешь это сделать. Это именно то, о чем мы говорили, верно?

Он нежен с ней, но тверд, и она кивает. Переведя дух, она берет трубку и прикладывает ее к уху. Мы все сохраняем полное молчание, слушая, как она рассказывает его маме ту же историю, что мы вчера придумали, — что мы были с Монти, пока они не поссорились, а потом мы ушли.

— Я уверена, что он просто ведет себя как Монти, но я попробую позвонить ему, и если я смогу дозвониться до него, я скажу ему позвонить тебе, — обещает она.

Несколько секунд спустя она вешает трубку, но прежде чем она успевает положить ее, я

останавливаю ее. — Ты должна сейчас же позвонить Монти.

Ее брови хмурятся. — Что?

— Это должно выглядеть правдоподобно, если они проверят записи телефонных разговоров.

Она судорожно сглатывает, хватается телефон и ищет его контакт. — Это такой пиздец.

Звук исходящего звонка звучит издевательски, когда она включает его на громкую связь. Мы все смотрим на него, затаив дыхание, как будто он вот-вот ответит, хотя мы знаем, что он этого не сделает. И когда сообщение попадает на голосовую почту, голова Лейкин опускается.

— Привет. Это я. Твоя мама позвонила и сказала, что не может до тебя дозвониться. Итак, когда ты получишь это, позвони ей. А потом позвони мне. Нам нужно поговорить.

Это приятный штрих, который она добавляет в конце, позволяя ей подтвердить ту часть алиби, где они поссорились. Меня немного удивляет, что его мама уже ищет его, но опять же, моя мама, вероятно, запаниковала бы, если бы тоже не смогла дозвониться до меня.

— Кэм, ты готов идти? — спрашиваю я его.

Лейкин смотрит на меня со страхом в глазах. — Куда ты идешь?

— Тренировка по хоккею, — отвечаю я. — Мы должны сделать так, чтобы все выглядело так, будто сегодня просто еще один день.

— Ты не можешь просто пропустить? — умоляет она. — Вчера был твой двадцать первый день рождения. Я думаю, тренер в основном предполагает, что у тебя слишком сильное похмелье, чтобы кататься на коньках.

Мне больно расставаться с ней, особенно когда она такая хрупкая, но я, по крайней мере, должен появиться и сделать вид, что все идет как обычно.

Я вздыхаю. — Позволь мне попытаться отпроситься. Я попрошу тренера отправить меня домой, и я вернусь в течение часа.

Она обнимает меня и прижимает к себе. Я целую ее в макушку.

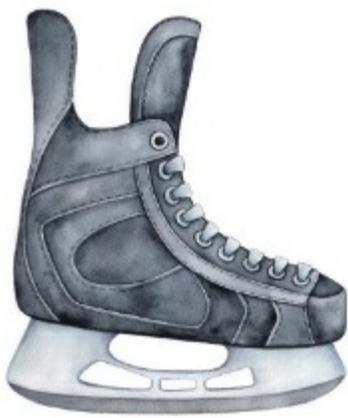
— Ты собираешься остаться, верно? — спрашиваю я Мали.

— Весь день, — подтверждает она.

Прежде чем мы уходим, Кэм спрашивает, все ли с ней в порядке, и она кивает. Затем он целует ее в лоб и направляется со мной к двери. Я не знаю, что произошло между ними прошлой ночью, но, возможно, мне следует сделать несколько замечок. Она держит себя в руках намного лучше, чем Лейкин, а Монти был *ее* парнем.

Когда мы выходим за дверь, Кэм спрашивает, поедем ли мы на его джипе или на моем грузовике. Но вместо ответа я поднимаю один палец и бросаюсь к кустам, выплескивая в них все содержимое своего желудка. Адреналин спадает, и сейчас мне не нужно быть сильным ради Лейкин, мое тело поддавалось стрессу последних двенадцати часов.

Может быть, не так уж трудно уговорить тренера позволить мне уйти в конце концов.

Следующие несколько ночей прошли так же, как и первая: мысли разбегались, а я не мог уснуть. Даже шум дождя не помогает, особенно после того, как вчера утром нас всех привели в полицейский участок для допроса. С тех пор у Лейкин вошло в привычку искать имя Монти в Google. Я останавливаю ее каждый раз, когда ловлю это, но я могу сделать не так уж много.

Когда мне, наконец, удастся задремать, позволяя сонному голоду затянуть меня в себя, это длится недолго. В голове сразу же возникает кошмар: меня обвиняют в убийстве и оттаскивают от Лейкин, когда она рыдает в объятиях Кэма.

Передо мной появляется лицо Монти. — Я знал, что в конце концов ты облажаешься.

Я вскакиваю, пытаюсь отдышаться и сказать себе, что это был всего лишь сон, но тут замечаю, что Лейкин больше не лежит в постели рядом со мной. В панике я смотрю в сторону ванной, но ее там тоже нет.

Встав с кровати, я спускаюсь вниз и обнаруживаю ее сидящей на диване. Мои легкие как будто снова могут вдыхать воздух. Я не знаю, когда пришли Кэм и Мали, но все трое сосредоточились на телевизоре, точнее, на фотографии Монти.

Власти разыскивают Монтгомери Роллинза, сына сенатора Джеремайи Роллинза, после того как его родители вчера рано утром подали заявление о пропаже человека. Последний раз его видели в пятницу вечером на лодочном причале в компании друзей. По некоторым данным, друзья ушли после того, как он опьянел и поссорился со своей девушкой. Если вы располагаете какой-либо информацией о его местонахождении, пожалуйста, свяжитесь с полицейским департаментом Колдер-Бей.

Они переходят на другую тему, как будто его исчезновение - это просто очередной заголовок. Как будто это не трагическое событие, из-за которого моя жизнь висит на волоске. Кэм выключает телевизор, и в комнате воцаряется полная тишина.

Никто из нас не знает, что сказать.

Лейкити

После трагедии остается ощущение тумана. Тонкое, но постоянное напоминание о том, что ничто и никогда уже не будет прежним. Нельзя отмотать назад. Нельзя вернуться назад. Остается только осмыслить оставшиеся фрагменты.

Я потеряла друга. Того, кому я доверяла. Того, кем я дорожила. Он не был идеальным и совершал ошибки, но он компенсировал их тем, что был рядом, когда я нуждалась в нем больше всего. Того, что он сделал, чтобы Кэм не попал в тюрьму, было более чем достаточно, чтобы заслужить мое прощение. И он его получил.

Ощущение того, что мои руки пропитаны его кровью, я никогда не выкину из головы. Оно впечаталось в мое сознание как ужасное воспоминание, которое навсегда оставит меня травмированной. Но как бы мне ни хотелось кричать, плакать, рвать на себе волосы, я не могу.

Я не чувствую ничего, кроме страха.

Я боюсь за всех нас. За себя. За брата. За моего лучшего друга. За моего мужа. Образ его лежащего там, с кровью, вытекающей из живота, напрямую связан с ужасом перед тем, что будет дальше. И самое страшное, что я не могу осмыслить все это. Я не понимаю, что произошло. Все, что я знаю, это то, что все было хорошо, у нас была прекрасная ночь, а потом Монти умер.

Я не соврала, когда сказала полиции, что понятия не имею, что с ним случилось. Честно. Не имею. Кроме того, что мой муж может добавить к списку своих грехов лишение жизни, но это не то, что я собиралась им рассказывать. Черт, да я и сама едва ли смогу это сказать. Это был несчастный случай. Я знаю это.

Но в глубине моего сознания звучит голос, повторяющий все те ужасные вещи, которые Хейс говорил о Монти.

Существует тонкая грань между спокойствием и хаосом, когда кажется, что вся жизнь стоит на зыбкой почве. Всего лишь дуновение ветерка не с той стороны может обрушить все вокруг. Все, что мы можем сделать, - это держаться за жизнь и надеяться, что нам удастся

выжить, и я пытаюсь это сделать. Но это не значит, что у меня не ломит внутри от страха, что все может пойти не так.

— Лейкин, ты должна остановиться! — кричит на меня Хейс, его терпение висит на волоске и готово лопнуть.

Я закатываю глаза, держа пульт подальше от него. — Я не *должна* ничего делать! С нас сняли подозрения копы, так какой, блядь, от этого вред? Я же не заставляю тебя смотреть это.

— Потому что это вредно для твоего здоровья, — говорит он, опускаясь передо мной на колени. — Ты не можешь продолжать заикливаться на этом. Это был *несчастный случай*.

— Тогда почему мы просто оставили его там? Почему бы не попытаться помочь ему, если ты не сделал ничего плохого?

Его пальцы пробегают по волосам, когда он вздыхает. — И что потом? Ты думаешь, его семья просто не стала бы возражать? Сказать, что *дерьмо случается*, и двигаться дальше?

Я усмехаюсь. — Ты можешь представить, через что мы заставляем проходить его мать? Должно быть, это пытка - не знать, где ее сын и что с ним случилось! Это *неправильно*, Хейс, и ты это знаешь.

Чувство вины съедает меня заживо. Это разрывает меня на части изнутри. Я больше даже не могу смотреть на себя в зеркало. И все же с ним все в порядке. Это он застрелил его, и ему удастся держать себя в руках. Мог ли он действительно ненавидеть его *так* сильно, что ему было бы наплевать на то, что кто-то умер от его рук?

Хейс снова тянется за пультом, как раз в тот момент, когда на экране появляется картинка, и у меня опускается живот. — Подожди, смотри.

Это лодка Монти, потерпевшая кораблекрушение и разбившаяся о скалы. Куски его отсутствуют, и почти половина ее находится под водой, а другая часть, удерживается только камнями, на которых она покоится. Я увеличиваю громкость, чтобы услышать, о чем они говорят.

— У нас есть новая информация по делу о пропаже двадцатилетнего Монтгомери Роллинза. Его лодка была найдена затонувшей почти в ста милях вверх по побережью от того места, где его видели в последний раз. Полиция заявила об этом на пресс-конференции.

Видео переключается на начальника полиции, стоящего на подиуме. За ним стоят другие офицеры и официальные лица, но вид родителей Монти разбивает мне сердце. Его папа держит его маму, пока она пытается сдержать слезы, но вы можете видеть, как она шмыгает носом. Они оба выглядят абсолютно опустошенными.

После обнаружения лодки мистера Роллинза, мы считаем, что у нас достаточно доказательств, чтобы объявить Монтгомери Роллинза погибшим. После тщательного расследования, по нашему профессиональному мнению, причиной смерти стало случайное утопление. Считается, что события, произошедшие в пятницу вечером, заключаются в следующем. После ссоры со своей девушкой мистер Роллинз, похоже, сел в свою лодку и отправился кататься, чтобы выпустить пар. В какой-то момент он упал за борт и из-за состояния алкогольного опьянения не смог вернуться на лодку. Наши сердца сочувствуют семье Роллинз, и мы просим вас уважать их частную жизнь, поскольку они скорбят о потере своего сына.

Ведущие новостей возвращаются на экран, рассказывая о том, какая это ужасная потеря, а затем переходят к кампании его отца, как будто это вообще имеет значение. Они ни в малейшей степени не затронуты, но с чего бы им быть? Не похоже, что они его знали. Или

знали, каково это - находиться в его присутствии.

Слезы текут по моему лицу, когда я оплакиваю потерю моего друга. Я плачу о жизни, которая была отнята слишком рано. Я плачу из-за боли, которую испытывают его родители. Я плачу за людей, которые никогда не узнают, что произошло на самом деле, и не получают его тело, чтобы они могли предать его земле.

Хейс обнимает меня и держит, пока я рыдаю, шепча все, что мне нужно услышать, пока он держит меня вместе.

Все будет хорошо.

Мы пройдем через это.

Я рядом.

И я знаю, что он это делает. Он всегда так делает. Но чувство вины причиняет боль. Это совершенно уничтожает меня. Все, что я могу сделать, это положиться на Хейса и надеяться, что его хватит, чтобы помочь мне пройти через это.

В жизни и в смерти Монти был очень красив, поэтому меня не удивляет, что панихида по нему прошла очень красиво. Церковь украшена черными и бледно-красными цветами, в тон черным скамьям. Если бы он был здесь, я знаю, ему бы это понравилось. Но его здесь нет.

Здесь нет гроба.

Нет урны с его прахом.

По словам Хейса, он где-то в океане, скорее всего, стал ужином из пяти блюд для акулы. Поэтому все, что у нас есть в память о нем и о жизни, которую мы потеряли, - это огромная фотография его улыбающегося лица в центре.

— Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? — спрашивает Хейс.

Я качаю головой. — Нет.

Он вздыхает, но не сопротивляется, когда идет присоединиться к Кэму и Мали, которые уже сделали свой обход. Меня не удивляет, что он не хочет прощаться. Он ненавидел Монти. Но он здесь ради меня, и это то, что имеет значение.

Подойдя к фотографии, я кладу на нее руку. Это кажется нереальным, когда его нет. Что я собираюсь проснуться завтра от его звонка и спросить, не хотим ли мы с Мали пройтись по магазинам или просто потусоваться, потому что — *жизнь богатого ребенка иногда скучна, хотите верить, хотите нет.*

— Мне так жаль, — шепчу я. — Мне так невероятно жаль. Нам следовало остаться с тобой. Мы не должны были оставлять тебя. Ты этого не заслужил. — Мои глаза закрываются, я изо всех сил стараюсь не сломаться. — Я так сильно скучаю по тебе, и я никогда тебя не забуду.

Целуя свои пальцы, я прижимаю их к его щеке.

Я все еще плачу, когда сажусь между Хейсом и Мали. Моя лучшая подруга грустно улыбается мне и держит мою руку в своей. Это небольшой акт солидарности, говорящий мне, что она тоже это понимает и чувствует — то, чего у меня нет с Хейсом. Он пытается поддержать и делает все возможное, чтобы утешить меня, но он не понимает этого так, как она. И я не могу не отметить мысленно, каким невозмутимым он выглядит — как будто он вообще не является причиной того, что из-за него устраивают похороны.

Замечали ли вы когда-нибудь, сколько людей появляется после смерти человека? Люди, которые не разговаривали с ними годами, но вдруг, когда их не стало, почувствовали, что они были лучшими друзьями? Да, они меня бесят. Я старалась не обращать на это внимания, пока мы сидели на службе, предпочитая вместо этого сосредоточиться на чествовании Монти, но с этим покончено. Все, что я вижу сейчас, - это сотни людей, которые, возможно, вообще никогда его не знали.

Будем откровенны, половина из них, вероятно, собралась здесь только для того, чтобы быть ближе к отцу Монти. О том, кто они такие, можно судить по их словам.

— *Монтгомери был прекрасным молодым человеком.*

— *Я познакомился с Монтгомери во время благотворительной деятельности в прошлом году.*

— *Потеря Монтгомери - это трагедия. У него было такое блестящее будущее.*

Да, если бы они знали его, они бы знали, что он ненавидел имя Монтгомери. Он говорил, что это звучит напыщенно. И кроме того, что он наслаждался преимуществами власти, он не планировал заниматься политикой, как его отец.

Мы выходим из церкви и начинаем направляться к своим машинам, когда нас останавливает детектив. Его значок висит на бедре, и он добродушно улыбается.

— Не возражаешь, уделить мне минутку времени? — спрашивает он.

Брови Мали хмурятся. — Кто-то уже взял наши показания, когда его объявили пропавшим без вести.

Он кивает. — Я знаю, и они у меня есть. Я просто слежу за некоторыми вещами.

Мы вчетвером обмениваемся взглядами, но Кэм пожимает плечами. — Конечно. Я не знаю, что еще мы можем вам рассказать, но спрашивайте.

— Отлично. — Он достает блокнот. — Итак, вы сказали, что вы, ребята, были в доках той ночью. Примерно в какое время, по-вашему, вы туда попали?

Хейс хмыкает. — Где-то в шесть или в половине седьмого. Где-то так.

— Хорошо. И каковы были планы на ночь? Вы все просто собирались выпить или намеревались покататься на лодке?

Мали начинает отвечать, и все они пытаются сделать так, чтобы мне не пришлось ничего говорить. Они видели, в каком состоянии я была после того, как нас допросили. Но

прежде чем она успевает произнести хоть слово, подходит мама Монти.

— Детектив, я ценю, что вы делаете свою работу, — говорит она, — но в этом нет необходимости. Эти девушки никоим образом не были причастны к смерти моего сына. Пожалуйста, оставь их в покое, чтобы они могли оплакать своего друга.

Он коротко кивает ей и поворачивается к нам. — Я прошу прощения. Я глубоко сожалею о вашей потере.

— Спасибо, — говорим мы с Мали в унисон.

Хейс кладет руку мне на поясницу. — Хочешь, я дам тебе минутку?

Мне нравится, что он всегда точно знает, что мне нужно. — Пожалуйста.

Он слегка улыбается мне и целует в макушку. — Мы с Кэмом встретимся с вами, девочки, у грузовика.

С этими словами они вдвоем уходят, и я, наконец, могу обнять маму Монти. Она и его отец были слишком заняты, когда мы приехали сюда, и я не хотела их беспокоить. Но мое сердце разрывается из-за женщины, стоящей передо мной.

— Миссис Роллинз, — говорю я печально, обнимая ее. — Мне так жаль.

Она делает глубокий вдох, и я чувствую каждую каплю боли, которую она испытывает. — О, Лейкин. Большое спасибо, что пришли.

— Конечно. Мы бы не пропустили это.

Отпуская меня, она так же крепко обнимает Мали. — Монти так много рассказывал о вас двоих. Он всегда говорил, какими замечательными друзьями вы были. Я знаю, он был бы признателен, если бы ты была здесь. Я просто не могу поверить, что его больше нет.

Слезы уже наворачиваются на мои глаза, когда Мали потирает руку. — Никто из нас не может. Я не думаю, что это действительно происходит для кого-то из нас.

Она сосредотачивает все свое внимание на Мали. — Мне так жаль, что ваше последнее общение не было хорошим. Я надеюсь, ты не винишь себя ни в чем из этого. Это не то, чего я хочу для тебя, милая.

Голова Мали опускается. — Я работаю над этим.

Миссис Роллинз понимающе кивает. — Что ж, я отпущу вас, девочки, но, пожалуйста, не будьте незнакомцами. Я была бы рада пригласить вас на ланч в ближайшее время. Поделитесь некоторыми историями о Монти. Но я пойму, если вас это не устраивает.

Я знаю, что не должна. У Хейса будет истерика, когда он узнает. Но Мали не единственная, кто винит себя, и если есть что-то, что я могу сделать, чтобы облегчить ее боль, я собираюсь это сделать.

— Это было бы здорово, — говорит ей Мали. — Я проверю свое расписание и дам тебе знать.

Она выглядит довольной этим ответом и поворачивается ко мне. — Мне тоже ожидать тебя, дорогая?

Я заставляю себя улыбнуться. — Вам подойдет ранний полдень в среду?

Глаза Мали расширяются, когда она поворачивает голову в мою сторону, но она быстро скрывает свое удивление, когда миссис Роллинз сияет.

— Это было бы фантастически. Я попрошу повара приготовить обед к часу дня.

— Идеально, — подтверждаю я.

Мы обе еще раз обнимаем ее, прощаясь, и в ту секунду, когда она уходит, Мали смотрит на меня так, словно я сошла с ума.

— Э-э, как ты думаешь, что Хейс скажет по этому поводу? Ты можешь справиться с

этим прямо сейчас?

Я закатываю глаза. — Я должна, хорошо? Я просто делаю. И я не знаю, что собирается сказать Хейс, но об этом мне стоит беспокоиться.

Она кажется неуверенной, но не обращает на это внимания. — Хорошо. Я просто надеюсь, что ты знаешь, что делаешь.

Правда в том, что я не знаю. Я понятия не имею, что я делаю, но в последнее время в этом нет ничего нового. Я ничего не соображаю с тех пор, как полторы недели назад у Хейса был день рождения.

Но я знаю, что все равно собираюсь пообедать с мамой Монти.

Я многим ей обязана.

Проходят дни, и кажется, что ничего не становится лучше. Как бы я ни старалась вернуть свою жизнь в нормальное русло, я не могу. Я даже не знаю, что такое *нормальная* жизнь. Но в то время как я застряла в этом бесконечном кошмаре, все остальные, кажется, живут своей жизнью, как будто это просто еще один день. Даже Мали сумела взять себя в руки и жить дальше.

Так почему же я все еще так сломлена?

Хейс старается сохранять терпение и понимание, но я вижу, что он постепенно начинает раздражаться. Он не может понять, почему я не хочу просто отпустить это, как все остальные, а я не могу понять, как он может. Я ожидала, что он почувствует какое-то раскаяние. Сожаление о том, что произошло, потому что то, что это был несчастный случай, не освобождает его полностью от вины. Но ничего нет. Ни одной слезинки не было пролито по унесенной жизни.

Ссоры происходят все чаще и чаще, становясь частью нашей повседневной рутины. Он говорит, что я придираюсь, и, может быть, так оно и есть. Но я ничего не могу с собой поделать. В голове постоянный беспорядок, и я пытаюсь уцепиться за ту жизнь, которая у меня когда-то была, но я даже не уверена, что эта жизнь существует. И даже не уверена, что она вообще может существовать.

Сегодня утро среды, и я наконец заставляю себя рассказать Хейсу о том, что обедаю с мамой Монти. В последнюю минуту, я знаю, но я решила, что если он будет пытаться отговорить меня от этого, то так мне не придется выслушивать его долго. Он поднимается наверх и видит, что я одета, хотя знает, что сегодня у меня нет работы.

— Ты идешь со мной в бар, детка?

Ну, вот и все. — Нет. У меня есть планы до того, как мне придется быть на катке.

На самом деле он, кажется, доволен тем фактом, что я выхожу из дома, когда в этом нет необходимости, но я уверена, что это ненадолго. — О, да? Встречаешься с Мали?

— Нет. Мали сегодня работает. — Я делаю паузу. — Вообще-то я собираюсь пообедать с миссис Роллинз.

Все его движения прекращаются. — Миссис Роллинз? Как *мама Монти*, миссис Роллинз?

— Мм-хм. — Я стараюсь звучать как можно более беспечно.

Он поворачивается ко мне лицом, и я не уверена, хочет ли он кричать, плакать или паниковать. С другой стороны, это, вероятно, все три сразу. Он изо всех сил старается сохранить самообладание, медленно дыша.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — Спрашивает он. — Давление от этого немного перебор, не так ли?

Я пожимаю плечами. — Возможно, но я уже сказала ей, что приду.

— И что? Притворись, что ты больна.

— О, чтобы она расстраивалась еще из-за чего-то в своей жизни прямо сейчас? Нет, спасибо.

Его пальцы заплетаются в волосы, и он дергает. — Что, если ты сломаешься, находясь там? В последнее время тебя вряд ли можно назвать стабильной. Что, если ты оступишься и скажешь что-то, что противоречит нашей истории? Как ты не видишь, какая это колоссально плохая идея?

С каждым его вопросом я становлюсь все злее. — Ты *прекрати* вести себя так, будто я какая-то гребаная девица в беде?

Он раздражается. — Ну, в последнее время ты не показала мне ничего другого. Лейкин, ты ничего не должна этой женщине.

— Разве это не так? — срываюсь я. — Ее сын *мертв*! Тело мальчика, которого она родила, любила и вырастила, прямо сейчас разлагается в океане! И это если оно вообще еще цело. Меньшее, что я могла бы сделать, это пообедать с ней и обменяться несколькими историями, чтобы она запомнила его.

Он ходит взад-вперед по комнате. — Мали знает об этом?

Этот вопрос задевает за живое. — Не делай этого. Не втягивай в это моего лучшего друга, как будто мне нужно разрешение от кого-то из вас, чтобы что-то сделать. Это просто гребаный обед, Эйч!

— Это гребаный риск, вот что это такое! — Его плечи опускаются, когда он смотрит на меня. — Зачем ты мучаешь себя из-за этого?

— Потому что один из нас должен! — кричу я.

Он тяжело выдыхает, качая головой. — Лейкин, я люблю тебя, но в последнее время не знаю, что с тобой делать. Я просто продолжаю пытаться и каждое утро молюсь Богу, чтобы тебе сегодня стало немного лучше. Я сделаю все возможное, чтобы вернуть девушку, которой ты была до того, как все это случилось, но проводить время с мамой Монти - это *не* выход.

— Нет, скорее всего, это не так. Я даже не думаю, что из этого есть выход.

— И что тогда? Ты так и будешь вечно несчастной? Пусть его смерть висит над головой, как черная туча, до конца жизни? Неужели ты не понимаешь, как это вредно для здоровья? Неужели ты думаешь, что он хотел бы этого?

Я пристально смотрю на него. — О, пожалуйста. Что *ты* знаешь о том, чего бы он хотел?

Он сидит на нашей кровати, обхватив голову руками. — Я не могу в это поверить. Он мертв, и он все еще создает нам гребаные проблемы. Таким ли будет наше будущее? Постоянно ссоримся из-за этого? Потому что, если это так, я могу понять, почему пятьдесят процентов всех браков заканчиваются разводом.

Ой, ладно. Бросать мне в лицо идею развода, пока я скорблю, - это нехорошо. Но если он хочет использовать слова как оружие, я могу бросить их в ответ. — Эй, это ты был тем, кто предлагал *давай сделаем это официально*.

— И я бы не променял это ни на что, черт возьми!

Усмехнувшись, я кладу руку на бедро. — Давай не будем обманывать себя здесь. Мы с тобой поженились по двум совершенно разным причинам. Я, потому что я была влюблена в тебя годами, а ты, потому что секс слишком хорош. Как Кэм назвал это? Киска по требованию?

Это удар ниже пояса, в котором, я знаю, нет правды, но он попадает точно в цель. Он встает и направляется ко мне, выглядя одновременно сердитым и обиженным. Я высоко держу голову, когда он стоит передо мной.

— Давай проясним одну вещь, — рычит он. — Есть много вещей, которые я готов терпеть, но ты подвергаешь сомнению мои чувства к тебе, и острая необходимость провести остаток моей жизни, просыпаясь рядом с тобой, *не* одна из них.

Мы двое стоим там, оба в ярости, но и оба так чертовски напуганы. И когда он, наконец, хватается меня сзади за шею и притягивает к себе для поцелуя, столь же отчаянного, сколь и грубого, я возвращаюсь ко всему, чем он является.

Мои руки хватаются за его футболку, пытаюсь притянуть его как можно ближе, пока его язык переплетается с моим собственным. Он отводит меня назад, пока я не оказываюсь прижатой к стене, и засовывает руку мне за пояс. Никаких поддразниваний, поскольку его пальцы сразу же ложатся на мой клитор.

Я со стоном откидываю голову назад. Прошло слишком много времени с тех пор, как он был у меня таким. Слишком давно мы не позволяли друг другу забывать об окружающем мире и просто существовали в нашем собственном маленьком пузыре.

— Вот и все, детка, — тихо говорит он. — Ты моя хорошая девочка, не так ли?

— Да, — выдыхаю я.

Его губы прижимаются к моей шее, пока его пальцы творят свое волшебство. Может быть, это то, что нам было нужно — выместить наше разочарование друг на друге и испытать ту искру, которая у нас всегда была.

— Остайся здесь, со мной, — говорит он мне. — Покажи мне, какой хорошей девочкой ты можешь быть. Давай ляжем в постель и останемся там на весь день.

Просто так, как будто на мою голову выливают ведро ледяной воды. Я хватаю его за запястье и вытаскиваю его руку из-под своих джинсов, отталкивая его. Он *никогда* не использовал секс как инструмент против меня, и я никогда не думала, что он это сделает, до этого момента.

И, судя по выражению его глаз, он знает, что облажался.

— Лейкин, — пытается он.

Но я показываю на него пальцем, когда он пытается шагнуть ко мне. — Не надо!

Моя кровь вскипает, когда я смотрю на него, и он выглядит совершенно побежденным, когда вздыхает. — Я просто пытаюсь защитить тебя.

Я фыркаю, не веря своим ушам. — Зачем? Ты сам это сказал. Пятьдесят процентов всех браков заканчиваются разводом.

С задней террасы дома родителей Монти открывается вид на большой двор с идеальным ландшафтным дизайном. С холма, на котором он стоит, виден океан. Помню, когда я впервые увидела этот вид, я подумала, как он прекрасен, но теперь я не могу смотреть на него дольше минуты.

— Так приятно тебя видеть, — говорит мне миссис Роллинз. — Как у тебя дела?

Я заставляю себя улыбнуться, зная, что ни за что не смогу сказать ей правду. — Со мной все было в порядке. Не очень, но я просто принимаю это изо дня в день. Как *вы*?

Она ставит свой чай на стол перед собой. — Это тяжело. Родителям не суждено пережить своих детей. Но я работаю над этим с консультантом по скорби. Я просто продолжаю говорить себе, что Монти хотел бы, чтобы я была счастлива.

— Он бы этого хотел, — соглашаюсь я с ней. — Как поживает мистер Роллинз? Тяжело ли он это воспринимает?

Она поджимает губы и отводит взгляд. — Они никогда не были по-настоящему близки, эти двое. И результаты расследования создают ему некоторые проблемы на работе. В связи с предстоящими выборами его оппоненты ухватились за это, утверждая, что он *позволял* нашему сыну пить с несовершеннолетними и управлять лодкой в состоянии алкогольного опьянения.

Отлично. Еще больше чувства вины, чтобы добавить к куче.

— Это ужасно. Ни в чем из этого не было его вины.

Она грустно улыбается. — Я знаю это, дорогая. Это знают все, кто имеет значение. Это был трагический несчастный случай и результат неправильного выбора со стороны Монти. Но ты знаешь, какой может быть политика.

Но в том-то и дело. Это было *неисключительно* результатом его неправильного выбора. Трагический несчастный случай, да. И, исходя из объяснения Хейса о том, что произошло, немного его собственной вины. Но это не полностью зависит от него.

Давление на меня сильное, и я начинаю понимать, почему Хейс и Мали так настаивали на том, что это плохая идея.

Становится немного легче, когда мы отворачиваемся от его смерти и переходим к более счастливым историям — например, о том, как он протащил свою пони в спальню, когда ему

было десять, только для того, чтобы взбеситься, когда она начала гадить повсюду. Я рассказываю ей о том, как мы познакомились, потому что случайно споткнулась в клубе и пролила ему на лицо свой напиток. Я чувствовала себя ужасно, но он просто отшутился, а затем купил рубашку у парня рядом с ним в сто раз дороже, чем она стоила, и сразу после этого купил мне новый напиток.

— О боже мой, — смеется она. — Это так на него похоже.

— Он был джентльменом, — говорю я, улыбаясь воспоминаниям.

— Это меня не удивляет. Ты была такой особенной для него. Мали тоже, но особенно ты.

Мои брови хмурятся, когда я делаю глоток воды. — Я не уверена, что понимаю, что ты имеешь в виду.

Она слегка улыбается мне. — Это просто материнская интуиция. Ему нравилась Мали. Он всегда улыбался, когда говорил о ней. Но когда он говорил о тебе, я увидела в его глазах выражение, которого никогда раньше у него не видела. Как будто он был загипнотизирован каждой мелочью в тебе. Он действительно любил тебя, Лейкин.

У меня скручивает живот, и в груди возникает боль от ее слов. *Хейс был прав*. Все это время он продолжал говорить мне, что Монти хотел меня, а я ему не верила. И то, что Мали сказал мне той ночью, о том, что он проводил с ней время, только когда я была рядом, теперь имеет смысл.

Меня захлестывает целая гамма эмоций одновременно. Я в ярости за свою лучшую подругу, потому что это означает, что он использовал ее, чтобы иметь предлог оставаться рядом со мной. Что может быть лучше для того, чтобы убедиться, что ты видишь меня, чем встречаться с моим лучшим другом, верно? Но я также полна сожаления. Я не могу сосчитать количество споров, которые у нас с Хейсом были по этому поводу. Сколько раз я называла его помешанным за то, что он думал, что Монти смотрит на меня как на нечто большее, чем друга. Между тем, он попал в точку.

Все это время он думал, что это он не заслуживает меня, но на самом деле, это я не заслуживаю его.

Я обнимаю миссис Роллинз, пообещав, что вернусь совсем скоро, но это обещание я не уверена, что смогу выполнить. Узнав, что Хейс все время был прав насчет Монти и что он на самом деле использовал мою лучшую подругу, мне становится не по себе. Я вижу его в совершенно новом свете, и это его не красит.

Я выхожу к своей машине и, сядя в нее, отправляю сообщение Хейсу.

Привет. Ухожу с обеда. Просто хочу, чтобы ты знал, что я люблю тебя и сожалею о произошедшем ранее. Мы поговорим вечером.

Кладу телефон, завожу машину и собираюсь тронуться с места, когда он вибрирует. Я

улыбаюсь про себя, думая, что это Хейс, но, открывая его, понимаю, что оно с заблокированного номера.

Насколько хорошо вы на самом деле знаете мужчину, за которым вы замужем, миссис Уайлдер?

К нему прилагается голосовая запись, и когда я нажимаю «Воспроизвести», все мое тело холодеет.

— Ты думаешь, я не захочу сам сделать грязную работу? Что мне не доставит удовольствия разбить твое лицо о бордюр? Не только у тебя есть связи, Роллинз. Я задушу тебя, и все будет выглядеть так, будто ты свалил куда-то на остров с человеком по имени Рамон.

Я чувствую, как мое сердце разрывается пополам. Хейс, которого я знаю, не тот, что на этой записи, но это его голос. Этого нельзя отрицать. И тихий голос в моей голове, напоминающий мне о всей ярости, которую он испытывал по отношению к Монти, — он громче, чем когда-либо.

Если раньше я думала, что сломалась, я даже не знаю, как это назвать. Хейс - моя опора. Любовь всего моего существования. И теперь я не знаю, что делать дальше. Они не дают вам инструкции о том, что делать, когда есть шанс, что ваш муж может быть убийцей. Но когда приходит другое сообщение, я понимаю, что все это может зависеть не только от меня.

Это только часть того, что у меня есть.

Мои большие пальцы летают по телефону, когда я набираю свой ответ.

Кто ты и чего ты хочешь?

Я хочу, чтобы он заплатил за то, что он сделал. Проверьте конверт под своим сиденьем для получения дальнейших инструкций.

27

Хейс

Приходилось ли вам наблюдать, как любимый человек выходит из-под контроля? Чувствовали отчаяние от желания спасти его, но знали, что ничего не можете сделать? Это особый вид ада - каждый день надеяться и молиться, что они выкарабкаются, но не знать наверняка, что это произойдет".

Лейкин идет обедать с матерью Монти - это ход, которого я никак не ожидал. Я знаю, что у нее были тяжелые времена, но это кажется безрассудным и, не говоря уже о

самобичевании. Чувство вины уже разрушает ее. Неужели ей нужно усугублять ситуацию, проводя там целый день?

Но сегодня утром послание было ясным.

Она уходила, независимо от того, нравилось мне это или нет.

К счастью, нет ничего лучше, чем немного ручного труда, чтобы выместить свое разочарование.

Я беру кусок гипсокартона из кучи и подставляю его, перенося к стене, на которую он должен лечь. Когда я выравниваю его и начинаю забивать гвоздь, я думаю о том, что сейчас делает Лейкин.

Все ли с ней в порядке?

Расстроена ли она?

Призрак Монти наблюдает за ней в ванной, как больной извращенец, которым он и был?

По комнате разносится звук трескающейся доски, и я закрываю глаза, откидывая голову назад. *Ублюдок.*

— Ладно, это третий лист, который ты сегодня повредил, — говорит мне Кэм. — С такой скоростью все стены будут сделаны из шпаклевки.

Я раздражаюсь. — Ну, может быть, если бы *кто-то* не прихватил гвоздодер...

Он посмеивается, подходит и заканчивает эту стену за меня. — Да, мы не будем этого делать. Проблема не в этом, и ты это знаешь. Что происходит?

— Я не знаю, — говорю я, проводя руками по лицу. — Лейкин просто... с ней много происходит прямо сейчас.

— Да, я заметил, — печально отвечает он. — Что она сейчас делает?

Часть меня рассматривает возможность вообще не говорить ему. Он будет так же зол, как и я. Даже Мали согласилась, что это плохая идея. Но теперь мой гнев утих, и все, что осталось, — это беспокойство.

Я делаю глубокий вдох, медленно выпуская его. — Сегодня на обед она встречается с мамой Монти.

У него отвисает челюсть. — Она что, потеряла свой чертов разум?

— Да, я не буду отвечать на этот вопрос.

Он оглядывается вокруг, качая головой, пытаюсь понять ее. Но удачи. Я пытался сделать это последние пару недель. Все идет не очень хорошо.

— Я беспокоюсь о ней, Эйч, — говорит он мне.

Я сижу на стремянке. — Да. Я тоже.

На мгновение становится тихо, мы оба думаем об одном и том же. Я надеялся, что она вернется к тому, какой была до этого, в те же сроки, что и Мали. И в некотором смысле у нее получается. Она наконец вернулась к работе после четырех выходных, и мне больше не нужно заставлять ее есть. Но в других отношениях она кажется мертвой внутри.

Как будто есть частичка ее, которая никогда не покидала этот остров, и это пугает меня до чертиков.

— Я не знаю, чувак, — бормочет Кэм. — Может быть, пришло время обратиться ей за помощью. *Профессиональная помощь.*

Мои глаза прищуриваются, когда я смотрю на него. — Что?

— Я нашел несколько мест, куда мы можем привести ее для консультации. — Он достает свой телефон и начинает возиться с ним. — Они специализируются на

консультировании по вопросам горя, и если они примут ее, ей придется остаться всего на несколько недель, прежде чем они переведут ее на амбулаторную терапию.

Я качаю головой еще до того, как он заканчивает. — Нет. Абсолютно нет.

Его плечи опускаются в знак поражения. — Хейс, она ломается.

— Ты думаешь, я этого не знаю? — срываюсь я. — Черт возьми, я вижу это каждый день. Но девушка, которой она была до этого, где-то там. Я знаю это. И я не собираюсь бросать ее, отправляя в какой-нибудь сумасшедший дом.

— Эйч, — пытается он, но меня не интересует то, что еще он хочет сказать.

— Нет. Хорошо? Я сказал «нет». Она моя жена, и я буду тем, кто позаботится о ней. Конец гребаной истории.

Вскидывая руки в воздух, он выглядит разочарованным, но сдается — по крайней мере, на данный момент.

Я подхожу к столу, где оставил свой телефон, и проверяю время, но вижу сообщение от Лейкин, ожидающее меня.

Привет. Ухожу с обеда. Просто хочу, чтобы ты знал, что я люблю тебя и сожалею о произошедшем ранее. Мы поговорим вечером.

Моя грудь немного набухает. В такие моменты я вижу, что прежней ей все еще удастся просвечивать. Сообщение часовой давности, что означает, что она, вероятно, сейчас на работе. Тем не менее, я печатаю ответ и отправляю его, чтобы она увидела его, когда закончит.

Я тот, кто сожалеет. Я просто беспокоюсь о тебе, Лей. Но ты права. Мы поговорим вечером. Я люблю тебя. ♥□

Я не хочу тешить себя надеждами, но это очень похоже на поиск света в конце длинного, темного туннеля.

Впервые за последние пару недель я вхожу в дом с улыбкой на лице. Мне до смерти хотелось попасть домой. Я думал о том, чтобы уйти пораньше, но мы должны были сделать все, если хотим уложиться в определенные сроки и не провалить больше ни одной проверки. Не могу дождаться, когда бар будет закончен и я смогу стать боссом, который уходит на обеденные свидания в середине дня.

Или на секс-свидания. Это тоже неплохо.

Лейкин сидит за маленьким кухонным столом, который мы использовали всего один раз с тех пор, как я переехал. Она даже ничего не делает, просто смотрит в пространство. Я подхожу к ней и прижимаюсь поцелуем к ее лбу. Но что-то в улыбке, которую она натягивает на свое лицо, мне кажется неправильным.

— Как прошла работа, детка? — спрашиваю я, доставая пиво из холодильника.

Ее голос звучит безжизненно. — Я не ходила.

Черт. Вот и все, что нужно для беспокойства. Теперь кажется, что мы вернулись на три шага назад. Ужас охватывает меня в полную силу. Я знаю, мне не следовало возлагать большие надежды. Не с учетом того, насколько неуравновешенной она была в последнее время. Но этот текст был так похож на нее, на *настоящую* нее, что я ничего не мог с собой поделать.

— Детка, — вздыхаю я, садясь напротив нее. — Я знаю, тебе больно, и мне жаль, что ты потеряла своего друга, но ты не можешь из-за этого выбросить всю оставшуюся жизнь.

Она издевается. — Тебе легко говорить. Тебе никогда не нравился Монти.

— Нет, я этого не делал, — признаю я. — Я не мог. Он хотел забрать единственного человека в моей жизни, без которого я не могу жить.

Ее глаза встречаются с моими, в них горит огонь, но, хотя обычно я был бы рад, что она *что-то* чувствует, это, кажется, направлено на меня. И слова, которые слетают с ее губ, заставляют меня почувствовать, что я тот, кто получил огнестрельное ранение, но мое попало прямо в грудь.

— Ты поэтому застрелил его?

28

Лейжын

Я помню тот день, когда мы стояли на парковке у нашего пляжа; тот день, когда Хейс попросил меня забрать его обратно. Выражение его лица, когда я сказала ему «нет», было душераздирающим. Я не уверена, что он был готов к тому, что ему не удастся добиться своего, и это было больнее, чем он думал. Но выражение его лица сейчас - это то, что будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь.

— Вау, — говорит он, затаив дыхание, после того, как мои слова улавливаются. — Э-это действительно то, что ты думаешь обо мне?

Мое сердце болит. Это настоящая боль, которая пронзает его насквозь. — Я не знаю, *что* думать. Все, что я знаю, это то, что я ушла и вернулась, чтобы найти Монти истекающим кровью на земле, и ты говоришь, что случайно выстрелил в него.

— Да, акцент на «случайно»! — кричит он.

— Ну, для меня акцент делается на том, что ты «застрелил его»! — кричу я в ответ.

Он отшвыривает стул назад, когда встает из-за стола. — Это чертовски здорово. Моя жена искренне верит, что я убийца.

— Я этого не говорила! — спорю я. — Но подумай, как это выглядело бы для кого-то другого!

— Ты не *кто-нибудь другой!* Ты моя жена! — рычит он. — Я просто подумал, что у тебя будет немного больше веры в меня, чем это. Как долго ты меня знаешь? Если ты действительно думаешь, что я способен на что-то подобное, почему ты вообще со мной?

— Потому что я люблю тебя! Я не говорю, что ты хладнокровно убил его, но ты не можешь отрицать, что здесь что-то не сходится. Он просто случайно достал пистолет и начал размахивать им? В этом нет никакого смысла! — Я открываю свой телефон. — А потом есть это.

Когда я нажимаю воспроизведение, из динамика раздается звук его голоса. Мы оба слушаем, как он угрожает убить Монти таким образом, что звучит так, будто он говорит о случайных планах на вечер вторника, а не о чьей-то жизни.

— Конечно, он это записал, — бормочет он, когда запись заканчивается. — Где ты это взяла?

Я фыркаю, не веря своим ушам. — Почему это вообще имеет значение?

— Потому что мне интересно, удалось ли тебе найти что-нибудь еще, что он записал. Например, как секс-видео, которое он незаконно снял с нами. Или, может быть, видео раздевания Мали, которое он снял камерами, которые он спрятал по всему ее дому.

У меня отвисает челюсть, и есть большая вероятность, что меня вырвет. — О чем ты говоришь?

— Твой *хороший друг* Монти - это то, о чем я говорю! — рычит он. — Под кличкой «богатый мудака днем, скрытый извращенец ночью»!

Я чувствую, что моя голова вот-вот взорвется. Так много всего происходит. Слишком много кусочков я пытаюсь собрать воедино сразу. Это ментальный хаос, и я умираю в его центре.

— Какое *секс-видео*?

Он закатывает глаза. — Тот, которым он шантажировал меня. Тот, который он сделал, когда разрешил нам воспользоваться его лодкой в тот день, сразу после того, как установил на нее скрытую камеру.

О... мой... Бог. — Э-это было, блядь, несколько месяцев назад! Какого черта ты рассказываешь мне об этом *сейчас*? Почему не раньше?

— Потому что я не хотел причинять тебе боль. — Он разочарованно вздыхает. — Крейг уже заставил тебя почувствовать себя использованной, и это было намного хуже, чем несколько фотографий. Это была откровенная порнография. И я позаботился об этом. Я даже заплатил хакеру пятьсот долларов, чтобы избавиться от любых следов этого.

Черт. — А видео с Мали?

— Он стер и это, вместе с сотнями других. Думаю, можно с уверенностью сказать, что я не единственный, кого он шантажировал.

Я потираю руками лицо. — Это все такой пиздец.

Он саркастически хмыкает. — Да, это ты мне говоришь.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь взять себя в руки, потому что мы никогда ни к чему не придем, если будем спорить. И кроме того, как бы мне ни было неприятно, что он скрывал это от меня, я не могу держать на него зла, пока я тоже храню секрет.

О котором я *не могу* ему рассказать.

Мой голос прорывается сквозь тяжелую тишину. — Что *на самом деле* произошло той ночью на острове, Хейс?

— Это был несчастный случай.

— Это не то, о чем я спрашивала.

Он проводит пальцами по своим волосам. — Кэм и я пытались заставить его уехать из города. Мы использовали его собственный шантаж против него и сказали ему, что как только мы вернемся в доки, мы никогда не хотим видеть его снова, или мы покажем тебе и Мали видео. Сначала он вел себя так, как будто соглашался, но мы должны были догадаться. Загоняя психов в угол, вы превращаете их в бешеных животных.

— Итак, вы угрожали ему, и он вошел в лодку и схватил пистолет?

— Да.

— Тогда что?

В его глазах что-то есть, что-то, чего он не желает объяснять, и я наблюдаю, как он это скрывает. — Именно то, что я тебе сказал. Я отобрал его у него, и он выстрелил.

Еще. Блядь. Ложь. — Ты уверен в этом?

— Да!

С каждой секундой он становится все злее. Терпение, которое у него когда-то было, быстро иссякает. Но мы оба слишком упрямы, чтобы остановиться, пока это не зашло слишком далеко.

— Я называю это чушью собачьей, — говорю я, чувствуя, как во мне нарастает гнев. — Чертово вранье! Потому что я знаю тебя! Ты не из тех парней, которые могут убить кого-то случайно и *не* корить себя за это!

Его руки взлетают в воздух, когда он делает несколько шагов в сторону, затем останавливается и оборачивается. — Что, черт возьми, ты хочешь, чтобы я сказал? Что мне жаль, что он мертв? Что я хотел бы изменить то, что произошло? Что ты, блядь, хочешь услышать, Лейкин?

Я встаю и подхожу к нему. — Правду!

— Правду? — выплевывает он. — Правда в том, что *я не* сожалею! *Я рад*, что он мертв! Бросить его тело в воду и наблюдать, как оно погружается под поверхность, было одним из самых приятных моментов в моей гребаной жизни! Потому что он ушел, и мне больше никогда не придется беспокоиться о том, что он будет где-то рядом с тобой!

Вот оно. Все, что я боялась услышать, брошено прямо мне в лицо. Оглушительно тихо, пока мы двое смотрим друг на друга, его признание витает в воздухе. И есть только один вопрос, который я могу выдавить из себя.

— Кто *ты* такой?

— Я твой гребаный *муж*! И я сделаю все возможное, чтобы защитить тебя, нравятся тебе мои методы или нет!

Я говорю себе не говорить этого. Что я не хочу слышать ответ. Но когда мои глаза на секунду закрываются, я понимаю, что не могу избежать этого. Я должна спросить.

— Даже убить кого-нибудь?

— Да!

Ответ звучит так громко, что эхом разносится по комнате, и мы оба знаем, что пути назад нет. Невозможно не услышать слова, которые только что были сказаны. Все, что мы пытались скрыть, вылилось наружу и разлилось по всему полу, и нет никакого способа засунуть все это обратно в банку, из которой оно досталось.

Его челюсть сжимается, а мышцы напрягаются, поскольку любой шанс контролировать свой нрав улетучивается. — Черт!

Дверь открывается, и Кэм входит с Мали как раз в тот момент, когда кулак Хейса

пробивает стену. Их глаза расширяются, когда они видят, в каком мы состоянии. Эйч вытаскивает руку из свежеприготовленной дыры в гипсокартоне, и на костяшках его пальцев кровь. Должно быть, он зацепился за гвоздь.

— Сукин сын, — бормочет он.

Я провожу пальцами по волосам, собираюсь помочь ему привести их в порядок, но Кэм останавливает меня.

— Нет. Просто... — Он делает паузу и переводит дыхание. — Иди наверх с Мали. Вам с Хейсом обоим нужна минутка, чтобы остыть.

Очевидно, что он просто пытается защитить нас. Я, наверное, больше, чем он. Я встречаюсь взглядом со своим мужем и жду, когда он что-нибудь скажет. *Что угодно*. Но когда он отводит взгляд, я знаю, что это потому, что он согласен с ним — и ему больше нечего сказать.

Вот она я — та самая пятнадцатилетняя девочка, которая влюбилась в парня, который воспламенил мою душу одним взглядом. Девушка, которая почти обрела свое «долго и счастливо». И я так сильно хотела этого для нее. Для *нас*. Но это не сказка, где все живут долго и счастливо. Это реальная жизнь, где темно, холодно и жестоко.

И никто не выходит оттуда живым.

Мали нежно берет меня за руку и тянет к лестнице. И я не отвожу взгляда от Хейса, пока не буду вынуждена. Кэм пытается проверить его руку, но он не хочет иметь с этим ничего общего.

— Я, блядь, в порядке! — кричит он, швыряя чашку в раковину, прежде чем броситься к входной двери. — Мне нужна чертова сигарета.

Я чувствую пустоту внутри, когда поднимаюсь по лестнице в нашу спальню. Мали садится на кровать рядом со мной, и в тот момент, когда я срываюсь, она притягивает меня к себе. Моя голова покоится у нее на коленях, слезы льются из моих глаз, ее пальцы нежно перебирают мои волосы.

Мне нужно было, чтобы он звучал убедительно. Чтобы объяснил, что произошло, так, чтобы это имело смысл. Способ, с помощью которого любой поверил бы, что запись того, как он угрожает Монти, и последовавшая за этим трагедия были просто ужасно рассчитанным совпадением. Но какой бы секрет он до сих пор ни хранил, от этого становится только хуже.

— Что произошло сегодня вечером, детка? — спрашивает Мали. — Во что, черт возьми, мы вляпались?

Схватив салфетку из коробки, я вытираю глаза. — Полагаю, загробная карма.

— Да, мне нужно, чтобы ты немного подробнее рассказала об этом.

Это невозможно объяснить. И даже если бы это было, я бы никогда не смогла рассказать это, не сломавшись снова. Поэтому вместо этого я беру свой телефон и проигрываю для нее голосовую запись.

На случай, если вам интересно, услышать это в третий раз все равно ничуть не легче.

— Ну... это чертовски мрачно, — говорит Мали, когда запись заканчивается. — Но я имею в виду, ты же не думаешь, что Хейс убил Монти намеренно, не так ли?

— Нет, — отвечаю я инстинктивно, затем делаю паузу. — Я не знаю.

Она бросает на меня грозный взгляд. — Лейкин. Мы говорим о Хейсе.

— Я знаю, и при любых других обстоятельствах я бы никогда даже не рассматривала такую возможность. — Я смотрю на свои колени. — Но это доказательство того, что Монти

не просто угрожал Хейсу разоблачить нас Кэму. Оказалось, что это у него была секс-видео. Он оборудовал свою лодку скрытыми камерами и позволил нам взять ее на день, чтобы записать нас.

— Мне было интересно, когда он собирался рассказать тебе об этом.

Мои брови хмурятся, когда я смотрю на нее. — Ты знала?

Она качает головой. — Совсем недолго. В ночь его смерти Кэм рассказал мне о видео - о тебе и обо мне. Он полагал, что это облегчит потерю.

Я не знаю, что более удивительно, то, что она знала и не сказала мне, или то, что Кэм знал и не сжег весь этот чертов мир дотла. И предательство, узнав, что все они скрывали это от меня, глубоко ранит.

— И ты мне не сказала? — срываюсь я. — Какого хрена, Мали?

— Ты была недостаточно стабильна, чтобы это услышать, — отвечает она. — Какие умственные способности требуются, чтобы распаковать что-то подобное? Рассказать тебе тогда не принесло бы никакой пользы.

Мои глаза закатываются. — Я в это не верю. Ты только что сказала, что Кэм решил, что так будет легче пережить потерю, и, судя по твоему виду, я думаю, что он был прав. Ты не подумала, что я могла бы использовать что-нибудь, чтобы облегчить это?

Она поджимает губы. — Нет, потому что то, что с тобой происходит, не связано с Монти. Этого не так. Во всяком случае, не полностью. Ты использовала его смерть как оправдание, но я знаю тебя лучше, чем это. Все это время ты просто была в невыносимом ужасе от того, что может произойти дальше. Чувство вины, которое гложет тебя, не из-за того, что Монти ушел. Это потому, что ты чувствуешь ответственность за то, что мы вообще оказались на лодке. И за то, что оставила Хейса с Монти, когда знала, что они не ладят.

Слезы снова затуманивают мое зрение. Я даже не думаю, что она осознает, насколько она права. Сейчас это давит больше, чем когда-либо. Три недели назад я была в послебрачном блаженстве, живя жизнью своей мечты. И теперь все в руинах.

— Позволь мне спросить тебя об этом, — бормочет она. — Допустим, Хейс убил Монти намеренно... ты думаешь, он был неправ?

Есть миллион способов ответить на этот вопрос – я могла бы написать десять страниц эссе на эту тему, – но первый, который приходит на ум, прост.

— Никто не заслуживает смерти, особенно такой, как у него, — говорю я ей. — Но я больше не скучаю по нему.

Душ работает, пар заполняет комнату, а я сижу на полу и рыдаю, задыхаясь. Я чувствую, как мое сердце рвется по швам. Прошлая ночь была катастрофой. Все, чего я хотела, - это чтобы он убедил меня, вне всяких сомнений, что он этого не делал. Что убийство Монти было случайностью и больше ничего. Хорошая ночь, которая прошла ужасно плохо. Но он не

смог этого сделать.

И если он не смог убедить меня, человека, который безумно любил его на протяжении многих лет и зависел от каждого его слова, то у него не было бы шансов убедить присяжных.

Я думаю обо всех людях, которые его потеряют. Мой брат лишился бы лучшего друга и был бы вынужден в одиночку открывать бар - *мечту Хейса*. Его сестра потеряла бы старшего брата, и ей не с кем было бы идти к алтарю в день свадьбы. Его мама потеряет сына - единственного мужчину, которого она когда-либо по-настоящему любила, после того как ее муж разбил ее сердце, предпочтя ей алкогольную зависимость.

Если бы меня сейчас спросили, верю ли я в то, что Хейс хладнокровно убил Монти, я бы ответила «нет». Я знаю человека, в которого влюбилась. Он добрый и заботливый. Он ставит других выше себя. И когда он любит, он делает это абсолютно всем, что у него есть. Но случайная группа из двенадцати человек не знает о нем этого. Не так, как я. И не так, как те, кто его любит.

Так что пора кому-то хоть раз поставить его на первое место - не дать ему провести остаток жизни в тюрьме за преступление, которого он не совершал.

Схватив со стойки телефон, я отвечаю на вчерашний неизвестный номер.

Если я сделаю это, ты должен поклясться, что он будет в безопасности. С ним ничего не может случиться. Это мое единственное условие.

Для получения ответа требуется меньше минуты.

Клянусь своим сердцем и надеюсь умереть.

Без каламбура. □

Это мило. Моя жизнь разваливается на части, а этот засранец без имени отпускает шуточки. Я роняю свой телефон на пол. Приняв решение, я знаю, что пути назад нет. Моя судьба решена. Но сейчас я плачу, позволяя боли разрывать меня на части и укачивать, пока я засыпаю, как будто темнота - это все, что у меня осталось.

Хейс

Сожаление – вещь непостоянная. В моей жизни не так много моментов, которые я хотел бы изменить. Я стараюсь не заикливаться на прошлом и не позволять тому, что уже произошло, беспокоить меня. Но хотя список невелик, вчерашний спор, безусловно, занимает в нем первое место.

Услышать от Лейкин намеков на то, что я намеренно совершил убийство, было для меня

ударом, которого я никак не ожидал. Она - единственный человек, который знает меня лучше всех, включая Кэма. И зная, что она думает обо мне так мало, я не уверен, что когда-нибудь смогу оправиться от этого.

Но это не значит, что я не буду пытаться.

Я использую нож для шпаклевки, чтобы загладить дыру, которую я проделал прошлой ночью. Конечно, можно было бы и подождать, но я бы не хотел постоянно вспоминать о прошлой ночи. Не сейчас, когда все вокруг так нестабильно.

Потерять Лейкин - это последнее, чего я хочу. Я никогда никого не любил так, как ее, и точно знаю, что никогда не полюблю. Она всегда будет той, с кем мне суждено провести жизнь, даже если наступит время, когда ее уже не будет. Но гарантий нет. И если я все испорчу до неузнаваемости, думаю, никто не удивится.

Закончив латать дыру, я поднимаюсь наверх, чтобы проведать ее. Я наполовину ожидал, что она еще спит, но когда я вошел в нашу комнату, то обнаружил, что кровать пуста. Из-под двери ванной комнаты валит пар, но звук воды, бьющейся о кафель, говорит о том, что ее там нет.

Из уважения я дважды стучу в дверь, но, когда ответа нет, открываю ее. И открывшееся передо мной зрелище откололо еще один кусок от моего сердца и превращается в пепел.

Лейкин лежит на полу в ванной, свернувшись в клубок. Ее волосы не мокрые, что говорит о том, что она никогда не принимала душ. А свежесохшие слезы на щеках выдают, что она плакала.

Она выглядит такой разбитой.

Безжизненной, хотя и дышит.

И когда я поднимаю ее на руки и несу обратно в постель, я понимаю, что у меня больше нет выбора.

Кэм был прав. Ей нужна помощь. И как бы мне ни хотелось оказать ей помощь, я не могу этого сделать. Я слишком вовлечен в причину, по которой она дошла до такого состояния. Если я хочу, чтобы она снова была в порядке, я должен поставить ее нужды выше своих собственных, потому что несколько недель без нее лучше, чем целая жизнь.

Когда Лейкин надежно и удобно уложена, я возвращаюсь в ванную и выключаю душ. Затем я тихо выхожу из комнаты, закрываю за собой дверь и достаю телефон. У меня уходят все силы на то, чтобы набрать текст, и еще пять минут на то, чтобы нажать кнопку «отправить», но я все-таки заставляю себя это сделать.

Ладно, я согласен. Встретимся в баре через двадцать минут, и мы выберем место.

Есть вероятность, что она никогда не простит меня за это. Я знаю это. Но если с ней что-нибудь случится, я бы никогда себе этого не простил. И наступает момент, когда тебе нужно проглотить горькую пилюлю и признать, что ты не можешь быть для кого-то всем, как бы сильно ты этого ни хотел.

Я сижу в своем грузовике и смотрю на дом, в который Лейкин влюбилась с первого взгляда. Она выглядела чертовски счастливой, когда мы вышли на крыльцо, и я мог бы слушать ее часами, пока она рассказывала обо всем, что я мог бы с ним сделать. Она не знала, что все это время я представлял себе наше будущее в этих стенах.

Пара детей.

Собака.

Семейные ужины в столовой и дни рождения на заднем дворе.

Я видел, как все это происходит с ней. Это было прямо здесь. Я держал это в своих руках. А теперь это настолько недостижимо, что я не знаю, сбудутся ли когда-нибудь эти мечты для нас. Но что я точно знаю, так это то, что я не хочу иметь ничего из этого, если это не с ней.

Проходит десять минут, прежде чем я набираюсь смелости и захожу внутрь. После нескольких часов разговора с Кэмом и перебора всех вариантов мы нашли заведение, где есть место для нее. Это в сорока минутах езды к северу отсюда, но у них хорошая репутация, и, судя по фотографиям, все выглядит неплохо. Ни Кэм, ни я не собирались помещать ее в какую-то дыру.

Хотя, что-то мне подсказывает, что это может быть рай, а она все равно будет злиться из-за этого.

От всего этого у меня защемило в груди. Я не хочу, чтобы она думала, что я отказываюсь от нее или бросаю ее на произвол судьбы. Я ненавижу это так же, как и она, если не больше, но я знаю, что ей это нужно. Она сейчас борется с демонами, и мы все пытались ей помочь, но нас просто недостаточно. Ей нужны профессионалы. Люди, обученные справляться с травмами такого уровня.

Держа руку на дверной ручке, я готовлюсь к тому, что меня ждет, но когда я открываю дверь и вхожу внутрь, я словно попадаю в капсулу времени и переносусь на месяц назад - до того, как все стало таким дерьмом. В доме чисто, через динамик играет музыка, а запах, доносящийся из кухни, напоминает запах дома.

Я оглядываюсь по сторонам и обнаруживаю Лейкин на кухне. Она готовит ужин и покачивается в такт музыке. Когда она поворачивается, ее глаза встречаются с моими, и она улыбается так, как не улыбалась уже несколько недель.

— Привет, — мягко говорит она.

Отложив лопатку, она подходит ко мне и приподнимается на цыпочки. Ее губы встречаются с моими, и она обнимает меня за плечи. Мне требуется секунда, чтобы осознать, что это происходит - что это не какой-то больной сон, предназначенный для того, чтобы мучить меня, - и когда я понимаю, я притягиваю ее ближе.

— Боже, я скучала по этому, — говорит она мне.

Я выдыхаю, когда моя улыбка становится шире. — Я тоже.

— Я готовлю ужин. Это должно быть скоро закончено, а потом я подумала, что мы могли бы посмотреть фильм вместе?

Тьфу, это все, чего я хочу. Держать ее в своих объятиях и вдыхать аромат ее волос. Но Кэм должен приехать сюда через час, после того, как я соберу ее вещи и подготовлю к отъезду.

— Пахнет восхитительно, — говорю я, целуя ее в лоб. — Я надеялся, что мы все же сможем поговорить.

Она откидывает голову назад, чтобы посмотреть на меня. — Я знаю, нам нужно, но как ты думаешь, мы могли бы просто насладиться сегодняшним вечером? В последнее время все было непросто, и я действительно хочу провести сегодняшний вечер с тобой; быть вместе, как это было до того, как все полетело к чертям.

В этом мире нет ни черта, что могло бы заставить меня отказать ей прямо сейчас. Не тогда, когда мне это нужно так же сильно, как и ей. Глядя в ее глаза, я чувствую, что наконец-то смотрю на Лейкин, в которую влюбился, и собираюсь наслаждаться этим, пока могу.

— Конечно, детка, — отвечаю я. — Для тебя все, что угодно.

Она лучезарно улыбается, целует меня еще раз, прежде чем вернуться к ужину. Тем временем я достаю телефон, чтобы отправить сообщение Кэму.

Я не знаю, что происходит, но я только что пришел домой и обнаружил, что Лейкин готовит ужин и в хорошем настроении. Как будто всего этого дерьма никогда и не было.

Я смотрю на нее и восхищаюсь тем, как ее бедра покачиваются в такт музыке, когда она помешивает что-то в кастрюле, пока у меня не звонит телефон.

Я не знаю, Эйч. Я все еще думаю, что мы должны отвести ее на обследование.

Я знаю, но можем ли мы забрать ее завтра? Я действительно просто хочу провести сегодняшний вечер, наслаждаясь ею, пока она в таком состоянии.

Хорошо. Держи меня в курсе, как она, и увидимся около девяти.

Спасибо, Кэм. Я ценю это.

Было трудно видеть, как он и Мали беспокоятся о Лейкин так же сильно, как и я. Как будто мы все сделали бы все, чтобы вернуть ее такой, какой она была до того, как трагедия превратила наши жизни в ад, но мы не можем. Единственное, что мы можем сделать, это быть рядом в те моменты, когда мы ей нужны.

Но, как будто вселенная знала, как сильно я нуждался в этом, я вернул ее на одну ночь. Это очень похоже на Ноя и Элли (герои фильма «Дневник памяти») в их последние минуты.

Я подхожу к ней сзади и обнимаю за талию. — Я люблю, когда ты готовишь.

Она напевает, откидываясь на меня. — И я люблю, когда ты обнимаешь меня. Это заставляет меня чувствовать, что ты любишь меня.

— Никогда не будет дня, чтобы я *не* любил тебя. — Я поднимаю свою левую руку и кладу ее поверх ее, показывая наши татуировки с инициалами друг друга вместе. — Ты моя навсегда.

И когда она поворачивает голову и наши губы встречаются, единственное, в чем я

абсолютно уверен, так это в правдивости этих слов.

Я привык считать такие моменты само собой разумеющимися. Ночи, которые мы проводили вот так, свернувшись калачиком в постели и смотря какой-нибудь фильм, который хотела посмотреть Лейкин, - я никогда не ценил их в достаточной степени. Я отвлекался, думая о том, что мне нужно сделать в баре или по дому. Так легко потеряться в жизни, но ты не понимаешь, насколько важны эти маленькие моменты, пока в центре всего, что тебе дорого, не взорвется бомба.

Сейчас, когда на заднем плане играет какой-то фильм по мотивам романтического романа, единственное, в чем я теряюсь, - это она. Ощущение ее тела рядом с моим. Мягкость ее кожи на кончиках моих пальцев. Это то, за что мне нужно будет держаться в течение следующих нескольких недель, пока она будет восстанавливать себя, превращаясь в ту круглую девчонку, которую я всегда любил.

Она поднимает голову от моей груди и улыбается мне, но ее беспокойство растет, когда она видит одну-единственную слезинку, вытекающую из моего глаза. Нежно вытирая ее большим пальцем, она подходит ближе и прижимается своими губами к моим.

— Я так сильно люблю тебя, — шепчет она.

Боже, если бы я мог сделать звук ее слов своим рингтоном, я бы сделал. — Я люблю *тебя*. Я всегда буду любить тебя.

Я чувствую, как она начинает углублять поцелуй, сильнее прижимаясь своими губами к моим. И я целую ее в ответ с таким же пылом, потому что она вдыхает в меня жизнь. Но когда ее рука начинает скользить вниз по моему животу, я хватаю ее за запястье.

Не поймите меня неправильно, нет ничего, чего я хочу больше, чем быть завернутым в нее. Секс у нас всегда был другим. Более интенсивный. Более значимый. Это не идеально, но так мы передаем все чувства, которые не можем выразить словами. Эмоции, которые мы вкладываем в него, искренние и реальные. Но прямо сейчас она настолько психически хрупка, что я боюсь стать катализатором, который в конце концов подтолкнет ее к краю пропасти.

— Лей, — выдыхаю я.

Она вздыхает, прижимаясь своим лбом к моему. — Пожалуйста.

Звук ее голоса, такой отчаянный и нетерпеливый, заставляет меня сдерживаться. Мы не занимались сексом с утра моего дня рождения, и это было бы вполне нормально, если бы я не волновался за нее. Но ни для кого не секрет, что я никогда не мог удержать себя от того, чтобы не поддаться на все ее желания, и я не думаю, что это когда-нибудь изменится.

— Пожалуйста, — повторяет она. — Ты нужен мне, только на эту ночь.

Не нужен. Не в том смысле, в котором она думает. Но я не собираюсь говорить ей «нет» прямо сейчас. И если честно, мне это нужно так же сильно, как и ей.

Перевернув ее на спину, я накрываю ее рот своим, и она удовлетворенно вздыхает. Кончиками пальцев я провожу по ее коже, поднимая руку вверх по бедру, пока нас не разделяют только тонкие трусики, которые на ней.

— Я всегда буду с тобой, я обещаю.

Я касаюсь ее клитора, наслаждаясь тем, как она стонет мне в рот и выгибается дугой к моей руке. Я скучал по тому, что она была такой — не способной контролировать все свое тело простым моим прикосновением. Я не думаю, что она даже осознает, как сильно это меня заводит.

Она наклоняется, лихорадочно стягивает трусики с ног и сбрасывает их, чтобы избавиться от барьера между нами. Я ухмыляюсь ей в рот и правильно сгибаю пальцы, просовывая их в нее.

Она такая чертовски мокрая.

Как будто она думала об этом часами и, наконец, набралась смелости попросить об этом. Умолять о том, чего она хочет.

— Черт, — выдыхает она. — Прямо здесь.

Ей не нужно мне ничего говорить. Я знаю ее тело лучше, чем свое собственное. Каждое место, которое заставляет ее извиваться. Места, которые делают ее слабой. Как долго я могу дразнить ее, прежде чем это станет просто-напросто жестоким. В ее теле нет ничего такого, чего я не сохранил бы в памяти. Спрятанное в своем собственном маленьком уголке моего разума.

— Ты богиня, Лейкин Роуз, — говорю я ей честно. — Абсолютная богиня.

Ее глаза смотрят в мои, зрачки расширены от всего того возбуждения, которое она испытывает. — *Твоя богиня. Всегда буду твоей.*

Как будто она знает, как сильно мне нужно услышать эти слова. Уверенность в том, что независимо от того, через что мы проходим, она по-прежнему такая же моя, какой была когда-либо. Такое чувство, что я, возможно, все-таки не утону.

— Люби меня, — умоляет она. — Мне нужно, чтобы ты занялся со мной любовью.

Я оставляю поцелуй на ее губах и вытаскиваю из нее свои пальцы, чтобы снять боксеры, потому что кто я такой, чтобы прямо сейчас не дать ей все, о чем она просит?

Наша сексуальная жизнь всегда была красочной, с определенными перегибами и грязными разговорами, и никогда не было времени, когда мы не были бы полностью измотаны и не насытились к концу. Но это не то.

Это два влюбленных человека, отчаянно цепляющихся друг за друга и нуждающихся быть как можно ближе, пока мы надеемся, что у нас все получится целыми и невредимыми.

Я выстраиваюсь у ее входа, наклоняюсь над ней и целую ее в губы, когда проскальзываю в нее. Наши стоны смешиваются в воздухе, когда нас обоих охватывает чувство такой связи.

— Ты лучшее, что есть в моей жизни, — говорю я, медленно входя и выходя из нее.

Ее глаза слезятся, когда она улыбается, слушая лишь вполуха, поскольку она потеряна в чувствах к нам. — И ты лучшее, что есть у меня.

Вот почему мы так хорошо работаем. Почему я смог пройти путь от нежелания иметь отношения до того, что стал умолять ее выйти за меня замуж. Потому что она нарушает мои правила. Она меняет мои правила. Она - ответ на все мои вопросы.

Может быть, она и влюбилась первой, но в итоге сильнее влюбился я.

И я собираюсь провести остаток сегодняшней ночи, делая все возможное, чтобы показать ей, насколько это правда.

Она лежит на боку, а я глажу ее по спине. Моя рука подложена ей под голову, а другая перекинута через нее, мои пальцы переплетены с ее пальцами. Сегодня утром мы не могли быть более далекими друг от друга. Но сегодня вечером я никогда не чувствовал себя к ней ближе.

— Я люблю тебя, Лейкин, — говорю я, пытаюсь вложить в это как можно больше чувства, чтобы убедиться, что у нее никогда не возникнет такого вопроса.

Ее рука сжимает мою. — Я тоже тебя люблю. Я всегда буду, несмотря ни на что.

Когда я держу ее в своих объятиях и закрываю глаза, я впервые за несколько недель с легкостью засыпаю.

Солнце проникает сквозь жалюзи, и я просыпаюсь, чувствуя себя таким отдохнувшим. Прошлая ночь была именно тем, что нам было нужно, - чем-то, что напомнило бы нам о том, почему мы влюбились друг в друга с самого начала. Она подтвердила, что, как бы трудно ни было, я лучше пройду через все это с ней, чем с кем-то другим. Но когда я перевернулся, чтобы притянуть ее к себе, я обнаружил, что ее сторона кровати пуста и холодна.

Я открываю глаза, думая, что, может быть, мы просто находимся по разные стороны двуспальной кровати, но ее там нет. Я тянусь к тумбочке и беру телефон, чтобы проверить время.

7:30 утра.

Хорошо. У меня еще есть немного времени, чтобы насладиться ею, прежде чем появится Кэм и нам придется убедить ее, что это место будет для нее полезным.

Я сажусь и провожу руками по лицу, прежде чем выскользнуть из постели. Направляясь к лестнице, я заглядываю в ванную, но там пусто. Я говорю себе, что она, наверное, внизу, готовит кофе или завтракает, но когда я замечаю, что ее там тоже нет, меня начинает охватывать паника.

— Лейкин? — зову я.

Ничего.

В доме тихо, и ее машины нет на подъездной дорожке.

Мои пальцы летают по клавишам, когда я набираю ее номер, но когда я подношу трубку к уху и слушаю, как она сразу переходит на голосовую почту, мой взгляд падает на рамку для фотографии, которую разобрали на острове. Я чувствую, что не могу дышать, когда подхожу ближе, видя ее почерк, нацарапанный на обратной стороне нашей свадебной фотографии.

Мне так жаль.

Три слова. Три простых слова, которые заставляют весь мой мир рушиться вокруг меня. И рядом с ними, сияющее в солнечном свете, проникающем через окно, кольцо, с помощью которого я сделал ей предложение.

Нет.

Этого не может быть.

Она, блядь, не стала бы этого делать!

Я выбегаю в гостиную, ожидая увидеть ее туфли у входной двери, но их там нет. Ее сумочки нет на диване, где она оставила ее прошлой ночью. И когда я поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, вбегая в нашу спальню, я открываю шкаф и чувствую, как мое сердце разбивается на миллион осколков, когда я вижу, что все, чем она владела, исчезло.

Единственный признак того, что она вообще была здесь, - это неубранная сторона кровати, где прошлой ночью она лежала в моих объятиях и говорила, что любит меня.

Но если она любит меня, какого хрена она ушла?

В панике сбегая вниз по лестнице, я пытаюсь позвонить ей снова, но ответ по-прежнему попадает прямо на голосовую почту. И в этот момент все мое тело подводит, и я падаю на колени.

Эмоции захлестывают меня волнами, которые угрожают затянуть меня на дно, и, честно говоря, я бы хотел, чтобы они это сделали. Все, что угодно, было бы лучше, чем та боль, которую я испытываю. Ощущение, что моя грудь, блядь, широко раскрыта, и все мои органы вываливаются мне на колени, это мучительно.

Она - вся моя жизнь, и я знаю, они говорят, что ты не должен так поступать – делать одного человека всем для тебя. Что брак должен быть равноправным, и вы не можете заставить весь ваш мир вращаться вокруг одного человека. Но я все равно сделал это, и теперь я не знаю, как мне жить дальше без нее.

Я не могу.

Я не хочу.

Я сижу на острове, смотрю на три слова, которые она написала, и кручу кольцо на пальце - как будто это как-то вернет ее. Как будто если я буду смотреть на него достаточно долго, то пойму, что его на самом деле нет. Что у меня галлюцинации, или это просто кошмар, от которого я еще не проснулся. Но этого еще не произошло.

Я настолько погрузился в свои мысли, что даже не услышал, как вошел Кэм.

— Как дела, чувак? — спрашивает он.

Я открываю рот, чтобы произнести нужные слова, но ничего не выходит. Как будто я не могу признать это вслух, потому что тогда это будет по-настоящему. Тогда я больше не могу этого отрицать. Но когда Кэм произносит мое имя обеспокоенным тоном, я понимаю, что у меня нет выбора.

— Она ушла, — выдыхаю я.

Его голова слегка дергается. — Что?

— Лейкин, — уточняю я, ненавидя то, что ее имя ощущается как яд на моем языке. —

Она ушла.

Кэм фыркает. — Нет, она не такая. Не будь таким драматичным.

Он достает свой телефон и идет звонить ей, и я даже не пытаюсь остановить его, потому что, когда он сразу переключается на голосовую почту, как это было двадцать семь раз, когда я пытался ей дозвониться, он понимает это сам.

— Что за черт? — Он пытается снова, но получает тот же результат.

Я кладу кольцо на обратную сторону фотографии и протягиваю ему через весь остров. — Она оставила мне это.

Лицо Кэма выглядит как смесь обеспокоенности и шока, когда он понимает, что записка была написана на обратной стороне нашей свадебной фотографии. — Я этого не понимаю. Почему она ушла?

У меня нет ответа, во всяком случае, наверняка, но есть только одна причина, которая приходит на ум. Выдыхая, я провожу пальцами по волосам и, моргая, смотрю на потолок.

— Она думает, что я специально застрелил Монти.

Хорошо, теперь мы можем добавить немного гнева к смеси его эмоций. — Она *что*? Почему, черт возьми, ты просто не сказал ей правду?

— Не надо, — говорю я ему.

Его глаза становятся шире с каждой секундой. — Но ты —

— Остановись! — рычу я. — Мы не об этом говорим! Я знаю, что я сделал! Дело сделано! Просто оставь это в покое!

Не то чтобы я не думал об этом с того момента, как понял, что она ушла. Что она ушла и оставила меня. Но правда в том, что выбор, который я сделал в тот момент, когда той ночью разразилась трагедия, я бы не изменил. Даже если бы я мог вернуться назад и узнать то, что знаю сейчас, это единственное решение, которое я бы принял снова.

И что бы он ни сказал, это не изменится.

Открывается входная дверь, и мы оба поворачиваем головы к ней, надеясь, что это Лейкин и она передумала, но вместо этого входит Мали. Когда она видит выражение наших лиц, она замирает.

— Что происходит?

Мы с Кэмом смотрим друг на друга, оба думая об одном и том же.

Если она не рассказала Мали о своих планах, для этого может быть только одна причина.

Она, блядь, ушла и не собирается возвращаться.

Продолжение следует...